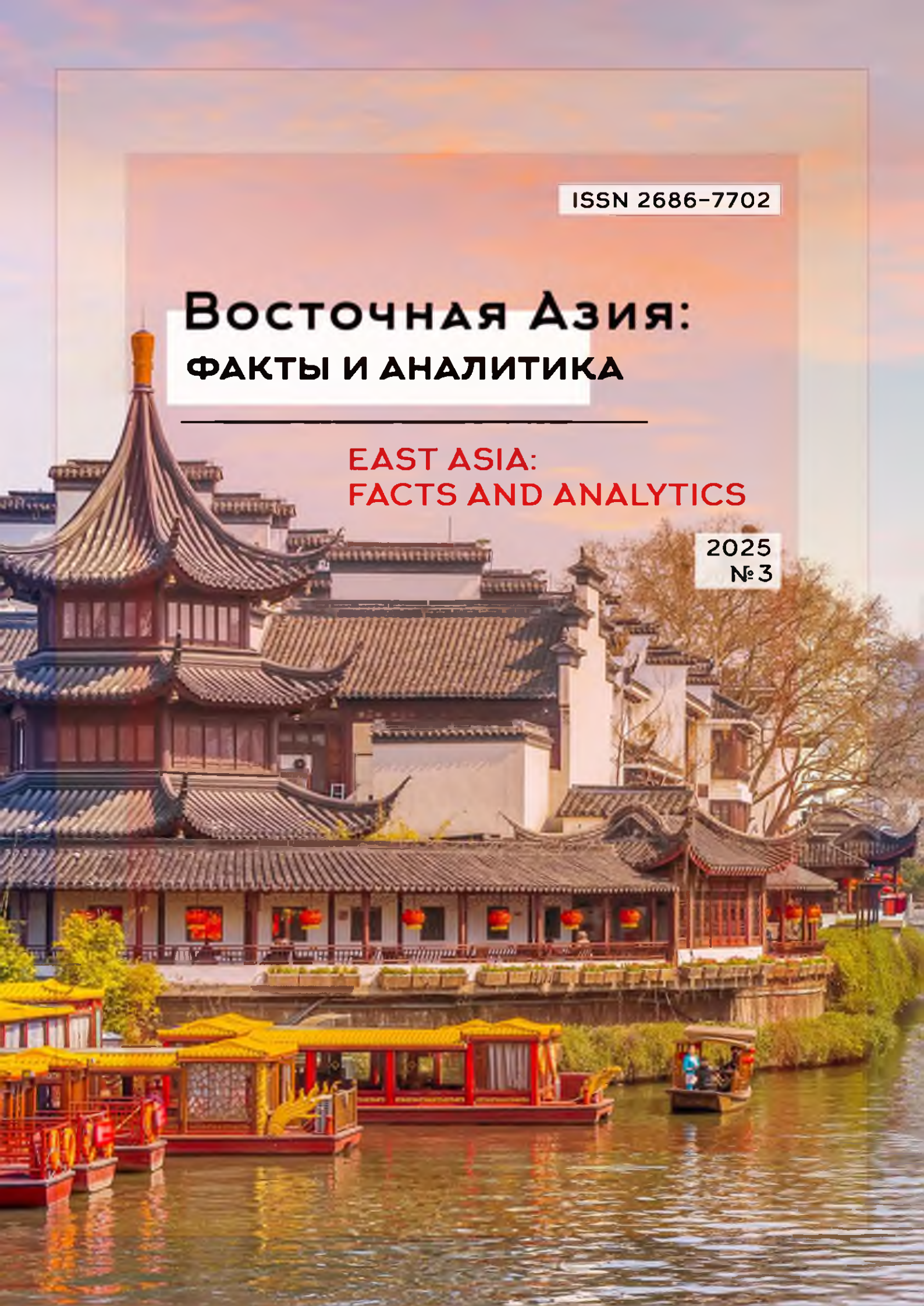

The background of the cover is a photograph of a traditional Chinese architectural complex, likely a temple or palace, situated along a river. The building features multiple tiers of dark, tiled roofs with prominent, upturned eaves. Red lanterns are visible hanging from the balconies. In the foreground, several traditional Chinese boats with yellow roofs are on the water. The sky is a soft, hazy orange, suggesting a sunset or sunrise.

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА

EAST ASIA:
FACTS AND ANALYTICS

2025
№ 3

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Китая и современной Азии РАН.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК), Научную электронную библиотеку eLibrary.ru, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
- Входит в DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н. (Россия).

Отв. секретарь: Казаков О.И. (Россия).

Редакционная коллегия: Виноградов А.В., д.полит.н (Россия); Ёкотэ Синдзи, проф. (Япония); Ёсида Нориаки, PhD (Япония); Кин Пхеа, проф. (Камбоджа); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Колотов В.Н., д.и.н. (Россия); Лузянин С.Г., д.и.н. (Россия); Мазырин В.М., д.э.н. (Россия); Мещеряков А.Н., д.и.н. (Россия); Михалёв А.В., д.полит.н (Россия); Мосяков Д.В., д.и.н. (Россия); Мохаммад Хазми бин Мохаммад Русли, проф. (Малайзия); Наинг Све У, PhD (Мьянма); Нарут Тьярёнсри, PhD (Таиланд); Никитин А.И., д.полит.н. (Россия); Островский А.В., д.э.н. (Россия); Панов А.Н., д.полит.н. (Россия); Песцов С.К., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Потапов М.А., д.э.н. (Россия); Сюй Бо, проф. (Китай); Тэ Хван, проф. (Республика Корея); У Хао, проф. (Китай); Эдуардо С. Тадем, PhD (Филиппины); Энелито А. Севилья, проф. (Филиппины).

Редакционный совет: Афонасьева А.В., к.э.н. (Россия); Бабаев К.В., д.филол.н. (*председатель*) (Россия); Бородич В.Ф., к.ю.н. (Россия); Ву Кхоан (Вьетнам); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Заклязьминская Е.О., к.э.н. (Россия); Кузьминков В.В., к.и.н. (Россия); Мищенко Я.В., к.э.н. (Россия); Сафронова Е.И., к.э.н. (Россия); Соколовский А.Я., к.ф.н. (Россия); Танет Ваттанакул, PhD (Таиланд).

Редакция: Бурова Е.С. (Россия), Кириченко М.А. (Россия), Нгуен Данг Фат, к.э.н. (Вьетнам), Скворцова Е.М. (Россия), Суркова Т.И. (Россия), Цветкова А.А. (Россия).

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым присуждаются учёные степени:

- 5.2.5 Мировая экономика (экономические науки)
- 5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Коды международной классификации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Дизайн обложки: В.Н. Субочева.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2686-7702

© Коллектив авторов

© ИКСА РАН

The electronic scientific information and analytical periodical “**East Asia: Facts and Analytics**” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in List of Higher Attestation Commission (HAC), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”, Russian Science Citation Index, Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.
- Included in DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E. (Russia), PhD (Economics).

Executive Secretary: Kazakov Oleg I. (Russia).

Editorial Board: Eduardo C. Tadem (Philippines), PhD (Southeast Asian Studies); Henelito A. Sevilla, Jr. (Philippines), PhD (International Relations); Kin Phea (Cambodia), PhD; Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Kolotov Vladimir N. (Russia), DSc (History); Luzyanin Sergey G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N. (Russia), DSc (History); Mikhalev Alexey V. (Russia), DSc (Political Science); Mohd Hazmi bin Mohd Rusli, (Malaysia), professor; Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Naing Swe Oo (Myanmar), PhD; Narut Charoensri (Thailand), PhD; Nikitin Alexander I. (Russia), DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Panov Aleksandr N. (Russia), DSc (Political Science); Pestsov Sergei K. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov Vladimir Ya. (Russia), DSc (Economics); Potapov Maxim A. (Russia), DSc (Economics); Tae-Hwan Kwak (Republic of Korea), professor; Vinogradov Andrey V. (Russia), DSc (Political Science); Wu Hao, (China), professor; Xu Bo, (China), professor; Yokote Shinji (Japan), professor; Yoshida Noriaki (Japan), Ph.D (Sociology).

Editorial Council: Afonaseva Alina V. (Russia), PhD (Economics); Babaev Kirill V. (Russia), DSc (Philology) (Head of the Editorial Council); Borodich Vladimir F. (Russia), PhD (Law); Kuzminkov Victor V. (Russia), PhD (History); Mishchenko Yana V. (Russia), PhD (Economics); Safronova Elena I. (Russia), PhD (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Thanet Wattanakul (Thailand), PhD (Applied Economics); Vu Khoan (Vietnam); Zakliazminskaja Ekaterina O. (Russia), PhD (Economics); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science).

Editors Office: Burova Elena S. (Russia), Kirichenko Maria A. (Russia), Nguyen Dang Phat (Vietnam), PhD (Economics), Skvortsova Elizaveta M. (Russia), Surkova Tatiana I. (Russia), Tsvetkova Anna A. (Russia).

Scientific specialties and corresponding branches of science for which academic degrees are awarded (in the Russian Federation):

- 5.2.5 World economy (economic sciences)
- 5.5.4 International relations, global and regional studies (political sciences)
- 5.6.7 History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Fields of Science and Technology of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Cover design: Victoria N. Subocheva.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

СОДЕРЖАНИЕ

Корнеев К.А., Дмитриева С.А.

Водородная энергетика в Индонезии: текущий статус и возможности международного сотрудничества в рамках БРИКС.....	6
--	---

Пичугин Н.В.

Сервисная система жалоб населения КНР на нарушения в сети Интернет	20
--	----

Сюй Бо, Гармаева С.

Регионоведение и современные российские исследования в КНР: парадигма и развитие (на англ.).....	35
---	----

Сафронова Е.И.

США, Китай и Латинская Америка в тарифном противостоянии	51
--	----

Ёсида Н.

Японская газета «Урадзио ниппо» и её эпоха, 1917–1930 годы.....	67
---	----

Очерки

Ким Е.У., Сенчищева М.В.

Адмирал Ли Сун Син в политике Пак Чон Хи.....	84
---	----

Горчакова Т.Е.

Вьетнамовед Евгений Кобелев: биография и публикации последних лет (на англ.)	102
---	-----

Научная жизнь

Казаков О.И.

О международной научной конференции «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» в 2025 году	111
--	-----

Блажкина А.Ю., Кварталова Н.Л.

XXVI Международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура».....	122
--	-----

Книжная полка

Паксютов Г.Д.

Китайское и японское экономическое влияние в Африке: конкуренция или взаимодополнение двух моделей?	131
--	-----

CONTENTS

Korneyev K.A., Dmitriyeva S.A.

Hydrogen energy in Indonesia: current status and opportunities of international cooperation within the BRICS framework..... 6

Pichugin N.V.

The service system of complaints of the PRC's population on violations on the Internet..... 20

Xu Bo, Garmaeva S.

Area Studies and Contemporary China's Research on Russian Affairs: Paradigm and Development (in English) 35

Safronova E.I.

US, China and Latin America in the tariff standoff 51

Yoshida N.

The Japanese-language newspaper Uradzio Nippo and its era, 1917–1930 67

Essays

Kim E.U., Senchischeva M.V.

Admiral Yi Sun-sin in Park Chung-hee's politics..... 84

Gorchakova T.E.

The Vietnamese scholar Evgeny Kobelev: biography and publications of recent years (in English) 102

Academic Life

Kazakov O.I.

On the International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries" in 2025 111

Blazhkina A.Yu., Kvartalova N.L.

XXVI International scientific conference "China and East Asia: philosophy, literature, culture" 122

Book Reviews

Paksyutov G.D.

China and Japan's economic influence in Africa: competition or complementarity of the two models? 131

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-6-19

Водородная энергетика в Индонезии: текущий статус и возможности международного сотрудничества в рамках БРИКС

Корнеев Константин Анатольевич¹,
Дмитриева Софья Александровна²

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Индонезия, крупнейшая экономика Юго-Восточной Азии, активно стремится укрепить свои позиции в глобальной энергетической системе. С вступлением в БРИКС в 2025 г. страна получила уникальную возможность для расширения сотрудничества с ведущими развивающимися экономиками мира, такими как Китай, Индия, Бразилия, ЮАР и Россия. Перспективным направлением такого сотрудничества становится водородная энергетика, которая рассматривается как один из основных элементов энергетического перехода и достижения климатических целей.

Водород, особенно «зелёный», производимый при помощи электролиза с поставкой электроэнергии от ВИЭ, становится всё более важным ресурсом для декарбонизации промышленности, транспорта, энергетики. Индонезия, имеющая богатые ресурсы для производства возобновляемой энергии, стремится стать весомым игроком в глобальной водородной экономике, формирование которой постепенно набирает обороты. Уже сегодня страна осуществляет амбициозные проекты и активно сотрудничает с некоторыми странами БРИКС с целью развития водородной инфраструктуры.

В данной статье рассматривается текущее состояние водородной энергетики в Индонезии, её стратегические инициативы и перспективы сотрудничества с другими членами БРИКС. Кроме того, проводится анализ вызовов и возможностей, с которыми сталкивается страна на этом пути.

Ключевые слова: Индонезия, БРИКС, водородная энергетика, международное сотрудничество

Авторы: Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@iccaras.ru

Дмитриева Софья Александровна, студентка, факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (адрес: 119017, Москва, Малая Ордынка ул., 17/1). ORCID: 0009-0001-8848-8148. E-mail: sadmitrieva_1@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 25-28-00554 «Развитие водородной энергетики в рамках БРИКС: национальная специфика и общие задачи».

Для цитирования: Корнеев К.А., Дмитриева С.А. Водородная энергетика в Индонезии: текущий статус и возможности международного сотрудничества в рамках БРИКС // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 6–19. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-6-19

Hydrogen energy in Indonesia: current status and opportunities of international cooperation within the BRICS framework

Korneyev Konstantin A.¹,
Dmitriyeva Sof'ya A.²

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

² National Research University Higher School of Economics

Abstract. Indonesia, the largest economy in Southeast Asia, is actively seeking to strengthen its position in the global energy system. With its accession to BRICS in 2025, the country has gained a unique opportunity to expand cooperation with the world's leading developing economies, such as China, India, Brazil, South Africa, and Russia. One of the promising areas of such collaboration is hydrogen energy, which is regarded as a key component of the energy transition and the achievement of climate goals.

Hydrogen, particularly “green” hydrogen, produced through electrolysis powered by renewable energy, is becoming now an increasingly vital resource for decarbonizing industry, transportation, and power generation as well. Indonesia, endowed with abundant renewable energy resources, aims to become a significant player in the emerging global hydrogen economy, which is gradually gaining momentum. The country is already implementing ambitious projects and actively collaborating with some BRICS members to develop hydrogen infrastructure.

This article examines the current state of hydrogen energy in Indonesia, its strategic initiatives, and the prospects for cooperation with other BRICS nations. Additionally, it provides an analysis of challenges and opportunities that the country faces on this path.

Keywords: Indonesia, BRICS, hydrogen energy, international cooperation

Authors: Korneyev Konstantin A., PhD (History), Senior Researcher of the Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@iccaras.ru

Dmitriyeva Sof'ya A., Undergraduate student, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (address: 17/1, Malaya Ordynka, Moscow, 119017, Russian Federation). ORCID: 0009-0001-8848-8148. E-mail: sadmitrieva_1@edu.hse.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-00554 “Hydrogen Energy Development in the BRICS Countries: Common Tasks and national specifics”.

For citation: Korneyev K.A., Dmitriyeva S.A. (2025). Vodorodnaya energetika v Indonezii: tekushchiy status i vozmozhnosti mezhdunarodnogo sotrudnichestva v ramkakh BRICS [Hydrogen energy in Indonesia: current status and opportunities of international cooperation within the BRICS framework]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 6–19. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-6-19

Введение

Индонезия обладает значительным потенциалом для развития водородной энергетики благодаря обилию возобновляемых ресурсов, таких как геотермальная, солнечная, ветровая и гидроэнергия. Кроме того, страна имеет значительные запасы природного газа. С 2015 г. Индонезия активно включилась в глобальную климатическую повестку, ратифицировав Киотский протокол и затем Парижское соглашение, а также разработала целый ряд мер стимулирования развития ВИЭ-генерации и приняла Национальную водородную стратегию. Все эти меры чётко направлены на достижение углеродной нейтральности к 2060 г., и кооперация с государствами-членами БРИКС может способствовать ускорению их реализации.

В методологическом плане исследование базируется на инструментарии социально-экономических наук (факторный, институциональный, сравнительный анализ, контент-анализ, статистический анализ) и дополняется системным подходом к разработке проблемы на основе поиска и интерпретации больших объёмов информации. Структурно статья охватывает национальные планы в области низкоуглеродного водорода в Индонезии, включая усилия по реализации конкретных проектов, этапы развития правовой базы водородной энергетики и суммарный вклад водорода в энергобаланс страны (прогноз). Кроме того, применяются отдельные элементы SWOT-анализа для оценки сильных и слабых сторон внедрения водородной энергетики Индонезии, а также вызовов и возможностей для страны, особенно в контексте расширения кооперации в рамках БРИКС по «водородному» направлению.

Теоретическая база исследования формируется в общих рамках концепции «энергетического перехода» [Ерёмин 2023], которая определяет важный вклад «чистого» водорода в снижение углеродного следа в промышленности, энергетике, а также транспортном секторе. У Индонезии в настоящий момент практически нет собственных заделов в области основных водородных технологий (электролизёры, топливные элементы и пр.), поэтому ей необходима кооперация с иностранными партнёрами – и здесь формируется хорошая возможность для международного технологического сотрудничества в рамках БРИКС, поскольку объединение выступает за «справедливый и равный энергетический переход».

Источниковая база включает в себя официальные документы правительства Индонезии, отчёты компаний и материалы различных мероприятий под эгидой БРИКС, аналитические отчёты консалтинговых агентств и ряда международных организаций (например, Международного энергетического агентства – МЭА), профильные научные публикации и статистическую информацию.

Существующие научные исследования демонстрируют растущий интерес к развитию водородной энергетики в Индонезии, однако отмечается необходимость дальнейшего изучения возможностей международного сотрудничества, особенно в рамках БРИКС, для реализации потенциала водородного направления. В данном аспекте целесообразно выделить следующие статьи: Г.М. Костюнина «Водородная энергетика в странах АСЕАН» [Костюнина 2024]; Permana C., Handoko C., Gomonov K. “Hydrogen’s Potential and Policy Pathways for Indonesia’s Energy Transition: the Actor-Network Analysis” [Permana et al 2025]; Prasetyo S., Trisnoaji Yu., Arifin Z., Mahadi A. “Harnessing Unconventional Resources for Large-

Scale Green Hydrogen Production: An Economic and Technological Analysis in Indonesia” [Prasetyo et al. 2025] и ряд других.

С учётом логики и характера исследований, обозначенных выше, новизна текущей статьи заключается в комбинации актуальных данных, локального фокуса и практических рекомендаций, что заполняет существующий пробел в работах о водородной энергетике в Индонезии и вариантах сотрудничества в рамках БРИКС.

Текущее состояние водородной энергетики в Индонезии

Для производства «чистого» (низкоуглеродного)¹ водорода Индонезия может использовать два способа: на базе электролиза с использованием ВИЭ-генерации и также из ископаемых топлив с применением систем улавливания CO₂ [Amin, Shah 2022]. У Индонезии имеется крупный геотермальный потенциал ввиду нахождения в Тихоокеанском вулканическом огненном кольце. Наличие полноводных рек и тропических осадков формирует мощный гидроэнергетический потенциал, а расположение у экватора позволяет рассчитывать и на эффективное использование солнечной и ветряной энергии. Среднегодовая инсоляция на большей части территории Индонезии составляет около 1600 кВт·ч/м² – 1800 кВт·ч/м², в то время как среднегодовая ветряная нагрузка превышает 8 м/с. По данным Национального энергетического совета Республики Индонезия, страна обладает потенциалом возобновляемой энергии в 3687 ГВт, который включает в себя 63 ГВт энергии океана, 23 ГВт геотермальной энергии, 57 ГВт биоэнергии, 155 ГВт энергии ветра, 95 ГВт гидроэнергии и 3294 ГВт солнечной энергии [Aditya, Pratiwi 2025].

Восточная Нуса Тенгара, самая южная провинция Индонезии – район с наибольшим ВИЭ-потенциалом. Правительство также определило Папуа как базовый регион для производства «зелёного» водорода из-за его богатых ВИЭ-ресурсов (гидроэнергия, солнечная энергия и ветер). Низкоуглеродный водород в объёмах, превышающих средние показатели по стране, вполне могут производить и провинциях Западная Ява, Центральная Ява, Восточная Ява, Риау и Южная Суматра, остров Сулавеси².

В рамках формирования курса на декарбонизацию ещё в 2004 г. Индонезия ратифицировала Киотский протокол³, однако более активные действия в данном направлении страна начала предпринимать именно в минувшее десятилетие. В 2015 г. на конференции ООН по изменению климата (COP-21) была подписана Рамочная конвенция ООН об изменении климата⁴. Позже, в 2016 г. Индонезия ратифицировала Парижское соглашение⁵. Осенью 2022 г. прошла министерская встреча «большой двадцатки» по вопросам

¹ Низкоуглеродным считается водород, который получают из ископаемого топлива с использованием установок улавливания и хранения углерода (УХУГ) или же способом электролиза воды с поставкой электроэнергии от ВИЭ («зелёный»), стандартный критерий – пороговое значение выбросов 9,8-4,4 и ниже кг CO₂-экв./кг H₂.

² Strategi Hidrogen Nasional Dukung Transisi Energi Indonesia. Kementerian Energi dan Sumber Daya Mineral, Dec 15, 2023. URL: <https://ebtke.esdm.go.id/artikel/undefined/strategi-hidrogen-nasional-dukung-transisi-energi-indonesia> (accessed: Jun 6, 2025).

³ UU No. 17 Tahun 2004. Database Peraturan, Jan 2025. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/40514> (accessed: Jun 20, 2025).

⁴ Парижское соглашение по климату. Материалы Организации Объединённых Наций (ООН), январь 2025. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 20.06.2025).

⁵ Indonesia Tak Terpengaruh Walau AS Mundur Dari Perjanjian Paris. IESR, Jun 4, 2017. URL: <https://iesr.or.id/indonesia-tak-terpengaruh-walau-as-mundur-dari-perjanjian-paris-2/> (accessed: Jun 20, 2025).

энергетического перехода, и в этом же году страна отчиталась о сокращении выбросов CO₂ на 91,5 млн т^{6,7}. Эти шаги закрепили магистральный курс правительства Индонезии на достижение «нулевого уровня выбросов» и определили нужный контекст для рассмотрения инициатив по реализации проектов водородной энергетики.

Однако, несмотря на значительный потенциал ВИЭ, их доля в энергобалансе Индонезии составляет не более 12 %, включая ГЭС, геотермальные источники и биотопливо. При этом сохраняется принципиальная зависимость от угля, нефти и природного газа (42 %, 28 % и 18 % соответственно в структуре потребления). Хотя Индонезия обладает огромными возможностями для развития возобновляемой энергетики, процесс идёт медленно из-за недостатка инвестиций, регуляторных барьеров и приоритета относительно дешёвых и легко извлекаемых первичных энергоресурсов, которыми богаты недра страны. Как можно видеть в таблице ниже, геотермальная энергия – ключевой элемент потенциала Индонезии в области энергетической трансформации: в стране сосредоточено до 40 % подтверждённых мировых запасов, однако по состоянию на текущий момент она использует лишь около 5 %⁸.

Таблица 1. Доля ВИЭ в структуре установленных мощностей Индонезии, 2023 г.

Источник ВИЭ-генерации	Доля в структуре мощностей, %
Гидроэнергия	2,4
Геотермальная энергия	4,8
Биотопливо	3,6
Солнечная и ветровая энергия	1,2

Источник / Source: Energy Industry in Indonesia. Aenert, Apr 3, 2025. URL: <https://aenert.com/countries/asia/energy-industry-in-indonesia/> (accessed: Jul 5, 2025).

Индонезия пока не является крупным игроком в производстве и экспорте водорода, даже полученного «традиционными» способами газификации угля и паровой конверсии (риформинга) метана. Более того, по мере будущего ускорения энергетического перехода и сокращения доли ископаемого топлива в структуре мирового потребления энергии, вполне может снизиться и производство «серого» водорода, который пока доминирует в промышленности страны [Костюнина 2024].

Если Индонезия не начнёт активнее развивать ВИЭ-генерацию (основной источник электроэнергии для производства «зелёного» водорода), её экспортные возможности в этом секторе останутся очень ограниченными. А ниша формируется значительная – по оценкам МЭА, уже к 2035 г. объём производства экологически чистого водорода в мире достигнет

⁶ G20 Promotes Accelerated Energy Transition at G20 Energy Ministers' Meeting. *The Jakarta Post*, Sep 6, 2022. URL: <https://www.thejakartapost.com/adv/2022/09/06/g20-promotes-accelerated-energy-transition-at-g20-energy-ministers-meeting.html> (accessed: Jun 20, 2025).

⁷ Sepanjang Tahun 2022, Emisi GRK Turun 118 Juta Ton. *ESDM*, Oct 15, 2023. URL: <https://www.esdm.go.id/id/media-center/arsip-berita/sepanjang-tahun-2022-emisi-grk-turun-118-juta-ton> (accessed: Jun 20, 2025).

⁸ Energy Industry in Indonesia. *Aenert*, Apr 3, 2025. URL: <https://aenert.com/countries/asia/energy-industry-in-indonesia/> (accessed: Jul 7, 2025).

150 млн т ежегодно, причём его большая часть будет производиться именно с экспортными целями⁹.

В перспективе страна могла бы использовать свой ВИЭ-потенциал для водородных проектов, но потребуются серьёзные инвестиции в инфраструктуру и технологии. К тому же Индонезии необходимо снизить зависимость от угля при увеличивающемся росте спроса на электроэнергию. Однако, учитывая нынешнюю конкурентоспособность по цене (см. табл. 2), даже при грамотной политике, достаточных инвестициях и разработке соответствующих технологий подобная благоприятная ситуация сложится нескоро.

Таблица 2. Конкуренция водорода с доминирующими энергоносителями

Энергоноситель	Себестоимость	Выбросы CO ₂
Уголь	0,03–0,05 долл/кВт·ч	Высокие
Природный газ	0,05–0,08 долл/кВт·ч	Средние
«Зелёный» водород	8,00–12,00 долл/кг	Нулевые
«Голубой» водород	2,00–4,00 долл/кг	Умеренные
«Серый» водород	1,00–3,00 долл/кг	Высокие

Источники / Sources: [Prasetyo et al. 2025]; [Nesty et al. 2025]; [Permana et al. 2025].

Пока самым важным для развития водородной энергетики стало объявление министерством энергетики и минеральных ресурсов Индонезии в 2023 г. о запуске национальной водородной стратегии, с помощью которой страна сможет достичь нулевого уровня выбросов CO₂ к 2060 г [Sisdwinugraha et al. 2025]. Согласно стратегии, Индонезия планирует развивать производство зелёного водорода с использованием возобновляемых источников энергии, включая ГЭС (например, проект Кауап мощностью 9 ГВт), что позволит сократить выбросы CO₂ на 32 % к 2030 г.

Приоритетным способом производства водорода считается электролиз с поставкой электроэнергии от ВИЭ, что увязывается с планами правительства по развитию возобновляемой энергетики (обозначены в Национальном генеральном плане RUEN), а именно увеличения доли ВИЭ в электрогенерации до 23 % в 2025 г. и до 31 % в 2050 г.¹⁰. В рамках водородной стратегии были обозначены три основных цели: диверсификация цепочек поставок, расширение национального спроса и создание экспортного рынка для технологий и продукции водородной энергетики [Sisdwinugraha et al. 2025].

По состоянию на 2023 г. потребление водорода в Индонезии составило 1,75 млн т, однако этот водород производится традиционными способами риформинга метана и/или газификации угля и преимущественно используется в химической промышленности и на предприятиях нефтепереработки. Важной частью стратегии является формирование промышленных кластеров для производства, хранения и транспортировки водорода, а также

⁹ Hydrogen. IEA, Feb 27, 2025. URL: <https://www.iea.org/energy-system/low-emission-fuels/hydrogen> (accessed: Jun 20, 2025).

¹⁰ National Energy Grand Strategy to Ensure Energy Availability. Ministry of Energy and Mineral Resources, Nov 23, 2020. URL: <https://www.esdm.go.id/en/media-center/news-archives/national-energy-grand-strategy-to-ensure-energy-availability> (accessed: Jun 20, 2025).

интеграция водородных технологий с другими низкоуглеродными инициативами, такими как биотопливо (B40, B60) и устойчивое авиационное топливо [Sisdwinugraha et al. 2025].

Генеральный директорат по борьбе с изменением климата, который является одним из рабочих подразделений Министерства окружающей среды и лесного хозяйства Индонезии, и само министерство определены основными органами, ответственными за климатическую повестку страны. Генеральный директорат занимается вопросами, связанными с изменением климата, особенно в осуществлении мер по смягчению последствий, адаптации, сокращению выбросов парниковых газов, сокращению и ликвидации озоноразрушающих веществ, инвентаризации парниковых газов¹¹. Генеральный директорат также разработал схему оценки в виде общенационального механизма сертификации выбросов для стимулирования их сокращения в Индонезии (ICER)¹².

Ещё одним важным институтом является Институт реформы основных служб (IESR) – крупный индонезийский аналитический центр и некоммерческая организация (НКО), специализирующаяся на продвижении политики в области устойчивой энергетики, борьбе с изменением климата и обеспечении равного доступа к основным сервисам и возможностям экологически чистой энергетики¹³. Перечисленные выше институты отвечают и за развитие водородной энергетики.

В настоящее время рассматривается несколько пилотных проектов в области низкоуглеродной водородной энергетики. Один из самых крупных – это новая столица Индонезии Нусантара. Она задумана как «зелёный умный город» с интегрированными энергетическими системами на основе ВИЭ, в том числе и с применением водородной энергии. Предполагается использование Нусантары в качестве полигона для тестирования низкоуглеродных технологий с целью достижения в обозримой перспективе статуса углеродно-нейтрального города¹⁴. Пока Джакарта остаётся столицей Индонезии, несмотря на потерю статуса «матери государства» (Daerah Khusus Ibukota) в феврале 2024 г.¹⁵. «Переезд» в Нусантару должен был произойти в 2024 г., но по причине неготовности инфраструктуры столица не будет перенесена до специального указа президента страны¹⁶.

Среди уже реализованных проектов можно выделить Камоджанг в Западной Яве. Расположенная там геотермальная электростанция в 2024 г. начала производство «чистого» водорода. Все инвестиции взял на себя государственный энергетический гигант Persero, включающий две корпорации – Pertamina и PLN. Объём производства пока очень скромный и составляет всего 4 с небольшим тонны в год. В общей сложности компания производит 203 т экологически чистого водорода в год на всех предприятиях в Индонезии. 128 т используется в качестве топлива для транспортных средств, а остальные 75 т используются

¹¹ Perpres No. 92 Tahun 2020. *Database Peraturan*, Oct 2020. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/146510/perpres-no-92-tahun-2020> (accessed: Jun 20, 2025).

¹² The Indonesian Emission Reduction (SPEI) Scheme Greenhouse Gas Verification and Validation Institute. ICSP, Jun 27, 2024. URL: <https://institute-csp.org/training-schedule/the-indonesian-emission-reduction-spei-scheme-greenhouse-gas-verification-and-validation-institute/> (accessed: Jun 20, 2025).

¹³ About Us. IESR, Apr 29, 2025. URL: <https://iesr.or.id/en/about-us/> (accessed: Jun 20, 2025).

¹⁴ About Nusantara. IKN, Dec 13, 2021. URL: <https://ikn.go.id/en/about-ikn> (accessed: Jun 20, 2025).

¹⁵ UU No. 3 Tahun 2022. *Database Peraturan*, Dec 2022. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/198400/uu-no-3-tahun-2022> (accessed: Jun 20, 2025).

¹⁶ Suhenda D. Nusantara to Be “Political Capital City” by 2028, Govt Says. *The Jakarta Post*, Jan 23, 2025. URL: <https://www.thejakartapost.com/indonesia/2025/01/23/nusantara-to-be-political-capital-city-by-2028-govt-says.html> (accessed: Jun 20, 2025).

для иных производственных нужд¹⁷. Кроме того, именно PLN открыла и эксплуатирует первую в стране водородную заправочную станцию в Сенайне¹⁸.

В рамках стратегического шага по ускорению энергетического перехода PLN в 2024 г. объявила о партнёрстве со штаб-квартирой Hyundai Motor Asia Pacific, направленном на создание «устойчивой водородной экосистемы в Индонезии». Были определены 17 потенциальных мест производства водорода по всей стране. В 2025 г. начата реализация проекта в одном из подобных мест – речь идёт о производстве «зелёного водорода» на геотермальном участке Улубелу в регионе Тангтамус, провинция Лампунг, с целевой мощностью до 100 кг водорода в день. В дополнение к этим инициативам Pertamina является пионером в сооружении интегрированной заправочной станции в Даан Моготе, район Западная Джакарта. Проект предусматривает строительство комплекса для заправки водородным топливом, бензином/дизелем и природным газом – всё в одном месте¹⁹.

PLN в 2024 г. также объявила о сотрудничестве с сингапурской Sembcorp Industries с целью разработки технико-экономического обоснования (ТЭО) для строительства завода по производству низкоуглеродного водорода на Суматре²⁰. Ведутся консультации и с рядом индонезийских и зарубежных компаний, однако пока без особой конкретики.

Очевидно, что Persero имеет монопольное положение в плане обсуждения и реализации «водородных» инициатив. Это выявляет характер развития водородной энергетики в Индонезии в том смысле, что пока этот сегмент недоступен для негосударственных компаний, а это ограничивает приток инвестиций в отрасль [Apriliyanti et al. 2024]. С другой же стороны, подобное положение дел помогает государству осуществлять свои стратегии чётко и структурировано, контролируя ценообразование на водород и быстро «перебрасывая» государственные субсидии на приоритетные направления.

Сотрудничество Индонезии с отдельными странами БРИКС

Индонезия стала полноправным членом БРИКС только в 2025 г., поэтому о партнёрских отношениях в рамках данной организации по развитию водородных проектов говорить достаточно сложно. Тем не менее ещё до вступления в БРИКС Индонезия активно взаимодействовала с некоторыми из стран-членов организации по разработке различных «зелёных» проектов.

¹⁷ Cariaga C. Kamojang Geothermal Power Plant in Indonesia Starts Green Hydrogen Production. *Think GeoEnergy*, Feb 23, 2024. URL: <https://www.thinkgeoenergy.com/kamojang-geothermal-power-plant-in-indonesia-starts-green-hydrogen-production/> (accessed: Jun 20, 2025).

¹⁸ Indonesia's First Hydrogen Station Boosts Energy Transition in Transportation. *Reccessary*, Mar 4, 2024. URL: <https://www.reccessary.com/en/news/Indonesia-first-hydrogen-station-boosts-energy-transition-in-transportation> (accessed: Jun 20, 2025).

¹⁹ Pertamina and Hyundai Join Forces for Hydrogen in Indonesia. *Mobility Plaza News*, Aug 26, 2024. URL: <https://www.mobilityplaza.org/news/38663> (accessed: Jun 20, 2025).

²⁰ Sembcorp and PT PLN EPI Sign Joint Development Agreement for Southeast Asia's Largest Green Hydrogen Project. *Sembcorp News and Insights*, Jun 3, 2024. URL: <https://www.sembcorp.com/sg/news-and-insights/news/2024/sembcorp-and-pt-pln-epi-sign-joint-development-agreement-for-southeast-asias-largest-green-hydrogen-project/> (accessed: Jun 20, 2025).

Китай. В настоящее время это самый крупный торговый партнёр Индонезии²¹, который имеет разветвлённую экосистему планов по развитию водородной энергетики, а также качественный практический опыт в данной области. В ноябре 2024 г. КНР и Индонезия заключили ряд деловых соглашений на сумму 10 млрд долл. в ходе двустороннего бизнес-форума в Пекине. В совместном заявлении также говорится о планах по расширению сотрудничества в области новых транспортных средств (включая водородные), литиевых батарей, фотоэлектрических проектов и цифровой экономики²².

В январе 2025 г. китайская компания Primary Hydrogen подписала контракт на поставку водородной заправочной станции мощностью 600 кг/сутки для одной из компаний в Индонезии. Это первый проект Primary Hydrogen в Юго-Восточной Азии, а также крупнейшая ВЗС, строящаяся в Индонезии. Предполагается, что компания предоставит технологии по всей цепочке производства, хранения, транспортировки и применения водорода²³.

В апреле 2025 г. консорциум China Energy Engineering Northeast Engineering Research Institute и China Energy Engineering China Power Engineering International Company заключили соглашение о разработке ТЭО проекта для производства и поставки возобновляемой энергии на основе «зелёного» аммиака и водорода на острове Батам. Для питания электролизных установок планируется построить наземную и морскую фотоэлектрические электростанции мощностью 240 МВт²⁴.

Бразилия. Индонезия и Бразилия, пусть и не напрямую, но тоже укрепляют партнёрство в области водородной энергетики. В 2024 г. государства подписали несколько соглашений по устойчивому развитию на сумму 2,6 млрд долл. Эти соглашения, о которых было объявлено на Индонезийско-бразильском бизнес-форуме в Рио-де-Жанейро во время саммита G20, подчёркивают приверженность двух стран устойчивому развитию в сферах возобновляемых источников энергии, сельского хозяйства и энергосберегающих технологий²⁵.

Индия. Индия и Индонезия также обладают потенциалом для «водородного» сотрудничества. Во время визита президента Индонезии Прабово Субианто в Индию в январе 2025 г. главы двух стран выступили с совместным заявлением, в котором подчеркнули важность расширения кооперации по развитию возобновляемых источников

²¹ Indonesia Trade Partners in 2025: Export Import Data, Key Statistics & Insights. *Medium*, May 30, 2025. URL: <https://medium.com/@exportimportdata3/indonesia-trade-partners-in-2025-export-import-data-key-statistics-insights-da5237335785> (accessed: Jun 20, 2025).

²² Panda A. China, Indonesia Sign \$10 Billion in Deals as Prabowo Visits Beijing. *The Diplomat*, Nov 11, 2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/11/china-indonesia-sign-10-billion-in-deals-as-prabowo-visits-beijing/> (accessed: Jun 20, 2025).

²³ 北京派瑞华氢能公司携手中船派瑞氢能公司签订首套印尼制氢加氢一体站合同 [Beijing Pai Ruihua Hydrogen Energy Company and CSSC Pai Ruihua Hydrogen Energy Company signed the first set of Indonesia hydrogen production and hydrogenation integrated station contract]. *国际氢能王 [International Energy Net]*, Feb 19, 2025. URL: <https://mh2.in-en.com/html/h2-2440697.shtml> (accessed: Jun 20, 2025).

²⁴ CEEC Signs Deal for Batam Island's Green Hydrogen-Ammonia Project. *Petromindo.com*, Apr 3, 2025. URL: <https://www.petromindo.com/news/article/ceec-signs-deal-for-batam-island-s-green-hydrogen-ammonia-project> (accessed: Jun 20, 2025).

²⁵ Indonesia Should Be Gateway for Europe to Asian Markets: Deputy FM. *Antara News*, Oct 8, 2024. URL: <https://en.antaranews.com/news/328750/indonesia-should-be-gateway-for-europe-to-asian-markets-deputy-fm> (accessed: Jun 20, 2025).

энергии и соответствующих технологий, включая и потенциальное сотрудничество в области технологий производства, хранения и транспортировки низкоуглеродного водорода²⁶.

Россия. У России и Индонезии нет совместных инициатив, так или иначе касающихся водородной энергетики. Тем не менее, отношения между странами в данном направлении могут успешно развиваться, если на официальном уровне установить потенциально перспективные области. Например, Россия вполне может поставлять технологии электролиза, а Индонезия – стать полигоном для их внедрения в специфичных условиях тропического климата²⁷.

Расширение контактов со странами БРИКС в области водородной энергетики позволит повысить значимость Индонезии как регионального локомотива в общем контексте осуществления энергетического перехода. Подобная кооперация будет очень полезна для страны и в целях ускорения технологического прогресса, притока инвестиций и обеспечения национальной энергетической безопасности в долгосрочной перспективе.

Вызовы и возможности для Индонезии

Курс на осуществление водородной стратегии Индонезии сопряжён как с серьёзными проблемами, так и с большими возможностями. Несмотря на то, что страна обладает значительным потенциалом для того, чтобы стать региональным лидером в производстве и экспорте «чистого» водорода, ей необходимо преодолеть технологические, инфраструктурные и экономические препятствия.

Основное внимание стоит обратить на технологические и инфраструктурные вызовы. Электролизеры, системы хранения/транспортировки водорода и другие ключевые технологии в настоящее время поставляются из-за рубежа. Зависимость от третьих стран в развитии водородной энергетики ведёт к дополнительным затратам и рискам, что замедляет реализацию проектов [Bhirowo, Tambunan 2025].

Географическое положение страны создаёт дополнительные сложности для налаживания общенациональной сети производства, хранения и транспортировки водорода, так как быстро функционирующая цепочка поставок в условиях архипелага требует крупных инвестиций в связанную инфраструктуру (хранилища, трубопроводы, установки по сжижению/сжатию и т.д.). Ещё одним моментом, требующим внимания, является нормативно-правовая база. Индонезия обладает вполне зрелой юридической базой в части экологии и возобновляемой энергетики, однако для успешного внедрения именно водородной энергетики нужны профильные законы и постановления, учитывающие огромную специфику водорода как энергоносителя, особенно в вопросах безопасности.

Со вступлением в БРИКС у Индонезии появляется ряд новых возможностей. Расширение сотрудничества с Китаем, Бразилией, Индией, ЮАР и Россией, а также в перспективе и с другими новыми членами объединения, обеспечивает доступ к финансированию,

²⁶ India-Indonesia Joint Statement on the State Visit of H.E. Prabowo Subianto, President of Republic of Indonesia. *Ministry of External Affairs, Government of India*, Jan 26, 2025. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/38944/IndiaIndonesia+Joint+Statement+on+the+State+Visit+of+HE+Prabowo+Subianto+President+of+Republic+of+Indonesia+2326+January+2025> (accessed: Jun 20, 2025).

²⁷ «Росатом» разработал электролизеры для производства водорода. *Страна Росатом*, 17.02.2022. URL: <https://strana-rosatom.ru/2022/02/17/rosatom-razrabotal-elektroliznyh/> (дата обращения: 20.06.2025).

технологиям, научным знаниям, причём на чётких принципах взаимовыгодного обмена и энергетической справедливости. В целом, страны БРИКС заинтересованы в формировании Индонезии как государства с фокусом на развитие ВИЭ и водородной энергетики, поскольку внутренний рынок страны обладает огромной инвестиционной и технологической ёмкостью.

На основе отчёта «Перспективы энергетического перехода в Индонезии» от неправительственной организации «Институт реформы основных услуг» (Institute for Essential Services Reform), а также отдельных научных публикаций авторы выстроили два сценария: базовый (сохранение текущей энергетической политики без радикальных изменений) и оптимистичный (реализация программ достижения углеродной нейтральности к 2060 г.).

Первый сценарий предполагает, что уголь остаётся в роли доминирующего источника энергии вплоть до конца 2030-х гг. Далее страна всё равно осуществляет транзит в сторону ВИЭ, но водородная энергетика не станет приоритетом и будет развиваться по остаточному принципу. В таком сценарии производство водорода не превышает и 50 тыс. т в год.

Таблица 3. Сценарий 1 (базовый) – доля водорода как энергоисточника

Период	Доля водорода, %	Тип водорода ²⁸	Производство (тонн/год)
2025–2030	<0,1	«серый»	5000–10000
2031–2040	0,1–0,15	«серый» (80 %), «голубой» (20 %)	15000–30000
2041–2050	0,15–0,2	«голубой» (50 %), «серый» (50 %)	30000–50000
2051–2060	0,2–0,3	«голубой» (60 %), «зелёный» (40 %)	50000–70000

Источники / Sources: [Sisdwinugraha et al. 2025]; [Prasetyo et al. 2025]; [Wijayanto et al. 2025]; [Hesty et al. 2025]; [Permana et al. 2025].

Второй сценарий будет осуществим при своевременном внедрении пилотных проектов (2025–2030), массовом производстве «зелёного» водорода (2031–2030), запрете на «серый» и «голубой» водород без систем улавливания CO₂, начиная с середины 2030-х гг., и при активном расширении международного сотрудничества в контексте привлечения инвестиций и технологий со стороны ключевых партнёров.

Таблица 4. Сценарий 2 (оптимистичный) – доля водорода как энергоисточника

Период	Доля водорода, %	Тип водорода	Производство (тонн/год)
2025–2030	<0,1	«голубой»	50 000–100 000
2031–2040	5–10	«голубой» (50 %), «зелёный» (50 %)	1–2 млн
2041–2050	15–25	«зелёный» (80 %), «голубой» (20 %)	3–8 млн
2051–2060	30–40	«зелёный» (100 %)	до 15 млн

Источники / Sources: [Sisdwinugraha et al. 2025]; [Prasetyo et al. 2025]; [Wijayanto et al. 2025]; [Hesty et al. 2025]; [Permana et al. 2025].

²⁸ Важно уточнить, что речь идёт именно о низкоуглеродном водороде для энергетических нужд. То есть «серый» (производится методом газификации угля) и «голубой» (производится методом паровой конверсии метана) считаются «чистыми» продуктами только в том случае, если установки по их получению оснащены системами улавливания CO₂.

Сопоставление сценариев приводит к выводу о том, что международное сотрудничество Индонезии с государствами БРИКС необходимо. Даже в базовом сценарии страна не сможет осуществить анонсированные планы без инвестиций со стороны зарубежных партнёров и трансфера соответствующих технологий, которые могут быть частично локализованы на территории Индонезии.

Заключение

Внедрение водородной энергетики в Индонезии укладывается в контекст глобального энергетического перехода и усиления роли страны в международной климатической повестке. Обладая значительным потенциалом в области ВИЭ и достаточными запасами природного газа, страна имеет все предпосылки для занятий значимых ниш на формирующемся рынке низкоуглеродного водорода, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако текущее состояние отрасли остаётся на самой ранней стадии развития, обусловленной зависимостью от угля, технологическими и инфраструктурными ограничениями.

В ходе исследования была выявлена доминирующая роль государственных корпораций Pertamina и PLN в развитии водородных проектов, что может оказать содействие политикам, бизнесменам и исследователям других стран в понимании перспектив и особенностей выстраивания отношений с Индонезией в области водородной энергетики.

Кроме того, были представлены два сценария развития отрасли до 2060 г. – базовый и оптимистичный. Их анализ показывает, что в долгосрочной перспективе темпы развития водородной отрасли в Индонезии будут зависеть от способности преодолеть внутренние ограничения и привлечь международные инвестиции на выгодных условиях. Водородная энергетика способна стать драйвером не только энергетического перехода, но и экономического роста страны (особенно в ситуации прогнозируемого снижения мировых цен на углеводороды на 20-30 % от текущих уровней к 2030 г.), укрепляя позиции Индонезии в качестве регионального лидера в широкой области ВИЭ и немаловажного игрока в формирующейся глобальной водородной цепочке создания стоимости [Prasetyo et al. 2025].

Вступление в БРИКС открывает для Индонезии прекрасные возможности, позволяя углублять сотрудничество с государствами-членами объединения в сфере водородных технологий, инвестиций и научных разработок. На дистанции после 2030 г. особый интерес представляет возможное сотрудничество с Россией, которое может включать совместные проекты по «адаптации» водородных технологий к тропическим условиям.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Нормативно-правовые акты, касающиеся отдельных аспектов развития
водородной энергетики в Индонезии**

Энергетический закон 30/2007	Закон служит основой для энергетической политики Индонезии. Обеспечивает правовую базу для развития водородной энергетики, так как определяет место ВИЭ в энергетическом балансе страны
Закон 19/2003	Закон о государственных предприятиях рассматривает роль национальной энергетической корпорации PLN в реализации проектов по водородной энергетике
МФН 116/2016, 44/2017, 150/2018, 176/PMK.011/2009, 76/PMK.011/2012, 188/PMK.010/2015	Данные постановления Министерства финансового надзора (МФН) определяют налоговые льготы, инвестиционные преференции и финансовую поддержку, под которые также подпадают проекты по водородной энергетике
Постановление Координационного совета по инвестициям 1/2019 с поправками 6/2019	Данный нормативно-правовой акт регулирует иностранные инвестиции, в том числе и в сектор водородной энергетики

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ерёмин В.В. Четвёртый энергетический переход – барьеры и пути преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16 (3). С. 35–45. DOI 10.26794/1999-849X- 2023-16-3-35-45
- Костюнина Г.М. Водородная энергетика в странах АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 2. С. 38–54. DOI 10.24412/2072-8042-2024-2-38-54

REFERENCES

- Kostyunina G.M. (2024). Vodorodnaya energetika v stranakh ASEAN [Hydrogen energy in ASEAN countries]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, 2: 38–54. (In Russian). DOI 10.24412/2072-8042-2024-2-38-54
- Yeremin V.V. (2023). Chetvyortyy energeticheskiy perekhod – bar’ery i puti preodoleniya [The fourth energy transition – barriers and ways to overcome]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes & Law]*, 16 (3): 35–45. (In Russian). DOI 10.26794/1999-849X-2023-16-3-35-45
- * * *
- Aditya I.A., Pratiwi Z.B., Hakam D.F., Kemala P.N. (2025). Green Hydrogen as a Catalyst for Indonesia’s Energy Transition: Challenges, Opportunities, and Policy Frameworks. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 15 (2): 182–194. DOI 10.32479/ijeep.17380
- Adiwibowo P., Hardana H.E. (2024). Unlocking Capability for Green Hydrogen Production through Optimization of Hydropower Plant’s Excess Power. *IEEE Energy Conversion Congress and Exposition (ECCE)*, February 10: 630–636. DOI 10.1109/ECCE55643.2024.10861544

- Amin M., Shah H.H., Fareed A.G., Wasim U.K. (2022). Hydrogen Production through Renewable and Non-renewable Energy Processes and Their Impact on Climate Change. *International Journal of Hydrogen Energy*, 47 (77): 33112–33134. DOI 10.1016/j.ijhydene.2022.07.172
- Apriliyanti I.D., Nugraha D.B., Kristiansen S., Overland I. (2024). To Reform or not Reform? Competing Energy Transition Perspectives on Indonesia's Monopoly Electricity Supplier Perusahaan Listrik Negara (PLN). *Energy Research & Social Science*, 118 (103797): 2–12. DOI 10.1016/j.erss.2024.103797
- Bhirowo H., Tambunan H. et al (2025). Analyzing the Adoption of Hybrid Electric and Hydrogen Vehicles in Indonesia: A Multi-Criteria and Total Cost of Ownership Approach. *Cleaner Engineering and Technology*, 24 (100893): 2–17. DOI 10.1016/j.clet.2025.100893
- Hesty N.W., Aminuddin, Supriatna N.K. et al. (2025). Unlocking Development of Green Hydrogen Production through Techno-Economic Assessment of Wind Energy by Considering Wind Resource Variability: A Case Study. *International Journal of Hydrogen Energy*, 138: 1249–1262. DOI 10.1016/j.ijhydene.2024.09.294
- Permana C.T., Handoko C.T., Gomonov K. (2025). Hydrogen's Potential and Policy Pathways for Indonesia's Energy Transition: The Actor-Network Analysis. *Unconventional Resources*, 6 (100175): 2–15. DOI 10.1016/j.uncres.2025.100175
- Prasetyo S., Trisnoaji Yu., Arifin Z., Mahadi A. (2025). Harnessing Unconventional Resources for Large-Scale Green Hydrogen Production: An Economic and Technological Analysis in Indonesia. *Unconventional Resources*, 6 (100174): 2–18. DOI 10.1016/j.uncres.2025.100174
- Sisdwinugraha A.P., Hapsari A., Wijaya F. et al. (2024). *Indonesia Energy Transition Outlook 2025*. Jakarta: Institute for Essential Services Reform. 103 p. URL: <https://iesr.or.id/wp-content/uploads/2024/12/Indonesia-Energy-Transition-Outlook-2025-Digital-Version.pdf> (accessed: Jun 20, 2025).
- Wijayanto T., Hakam D.F., Kemala P.N. (2025). Vision for Indonesia's 2050 Power Generation: Scenarios of Hydrogen Integration, Nuclear Energy Prospects, and Coal Phase-Out Impact. *Sustainable Futures*, 9 (100438): 2–18. DOI 10.1016/j.sftr.2025.100438

Поступила в редакцию:	23.06.2025	Received:	Jun 23, 2025
Принята к публикации:	07.07.2025	Accepted:	Jul 7, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-20-34

Сервисная система жалоб населения КНР на нарушения в сети Интернет

Пичугин Николай Васильевич¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Статья посвящена сервисной системе жалоб населения на нарушения в интернет-пространстве Китайской Народной Республики, особенностям нормативного правового регулирования её функционирования. Основная цель работы сервисной системы – обеспечение общественной безопасности за счёт саморегулирования китайских граждан, а также повышение доверия к работе профильных партийных, государственных и квазигосударственных ведомств. В ходе исследования были выделены онлайн-платформы, обеспечивающие функционирование сервисной системы, дана их характеристика.

Китайский подход к нормативному правовому регулированию направлен на повышение эффективности сервисной системы. Используются такие механизмы, как специальные формулы для расчёта суммы вознаграждений за достоверные отчёты об отдельных категориях нарушений. Устанавливается юридическая ответственность за предоставление ложных отчётов о нарушениях. Повышаются требования к операторам данных по налаживанию механизмов сбора и обработки жалоб на территории КНР.

Планирующаяся реформа общей системы жалоб населения КНР должна решить проблему децентрализации управления. В соответствии с усовершенствованной по личной инициативе Си Цзиньпина на XVIII съезде КПК концепцией «опыт посёлка Фэнцяо» (枫桥经验) в новую эпоху предполагается усилить саморегулирование на местах. Сервисная система является неотъемлемой частью китайской модели цифрового управления и системы информационной безопасности, отдельные элементы которых на правовом уровне уже институализированы для продвижения среди стран-участниц инициативы «Цифровой шёлковый путь» и БРИКС.

Ключевые слова: КНР, сервисная система жалоб населения на нарушения в сети Интернет, отчитывающийся субъект, саморегулирование, безопасность сетевых данных, юридическая ответственность, заведомо ложный отчёт, комплексные центры управления, опыт посёлка Фэнцяо.

Автор: Пичугин Николай Васильевич, младший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0006-4103-6247. E-mail: nikolaivpichugin@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FMSF-2024-0020 «Государственное и правовое строительство в КНР»).

Для цитирования: Пичугин Н.В. Сервисная система жалоб населения КНР на нарушения в сети Интернет // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 20–34. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-20-34

The service system of complaints of the PRC's population on violations on the Internet

Pichugin Nikolay V.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article reviews the service system of complaints of the PRC's population on violations on the Internet and the peculiarities of the normative legal regulation of its functioning. The main goal of the service system is to ensure public safety through self-regulation of Chinese citizens, as well as to increase their trust in the work of specialized party, state and quasi-state departments. The study identifies and characterizes online platforms that ensure the service system's functioning.

The aim of the Chinese approach to legal regulation is to increase the service system's efficiency. Such tools as fixed payments for reliable complaints, special formulas for calculating increased amounts for reporting certain types of illegal activities are used. False reports on violations carry legal liability. Besides, requirements for data operators in China's territory for establishing complaints collecting and processing mechanisms are increased.

The planned reform of the PRC's general complaints system should solve the problem of governance decentralization. In accordance with the concept of "Fengqiao experience" (枫桥经验) in the new era, developed after the 18th CPC Congress on the personal initiative of Xi Jinping, it is proposed to strengthen self-regulation at the local level. The service system is an integral part of the Chinese digital governance model and information security system. Individual elements of these systems have already been institutionalized at the legal level for promotion among the countries participating in the Digital Silk Road Initiative and BRICS.

Keywords: PRC, service system of complaints of the population on violations on the Internet, reporting entity, self-regulation, network data security, legal liability, knowingly false report, integrated control centers, Fengqiao experience.

Author: Pichugin Nikolay V., Junior Researcher, Center for Political Research and Forecasts, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0006-4103-6247. E-mail: nikolaivpichugin@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0020 "State and legal construction in the PRC").

For citation: Pichugin N.V. (2025). Servisnaya sistema zhalob naseleniya KNR na narusheniya v seti Internet [The service system of complaints of the PRC's population on violations on the Internet]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 20–34. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-20-34

Введение

Доносы в интересах государства были институализированы в Китае ещё в эпоху династии Тан [Рыбаков 2012: 18], и практика получила развитие в современной правовой системе КНР [Трошинский 2016: 140–141]. В настоящее время система подачи и обработки жалоб на противозаконные действия в интернет-пространстве является неотъемлемой частью модели цифрового управления КНР. Преимущества китайского подхода были утверждены в тексте Всестороннего плана построения цифрового Китая, обнародованного в 2023 г.¹. Эффективное партийно-государственное управление, развитая цифровая инфраструктура, а также особенности нормативного правового регулирования позволяют создавать и обеспечивать функционирование институциональных и правовых механизмов обеспечения информационной безопасности, необходимых для оспаривания лидерства США в международной цифровой среде.

Центр по выявлению нездоровой и незаконной информации (ЦВННИ)

ЦВННИ – ключевая организация в обеспечении функционирования сервисной системы. Указанное ведомство было создано в 2004 г. по инициативе интернет-сообщества Китая, а с 2014 г. оно перешло в ведение Управления по делам киберпространства КНР². Сотрудники Центра отвечают за поддержание работы онлайн-платформы для принятия и обработки жалоб на нарушения в сети Интернет. Деятельность ЦВННИ находится в ведении Министерства промышленности и информатизации КНР, Министерства общественной безопасности КНР, Канцелярии национальной рабочей группы по борьбе с порнографией и прочими незаконными публикациями и Министерства культуры и туризма КНР. Подразделения Центра функционируют на уровне большинства территориально-административных единиц Китая. ЦВННИ также известен под названием «подразделение “12377”», что соответствует телефону горячей линии для подачи жалоб. Пользователи официального сайта Центра могут подать отчёты по девяти основным категориям нарушений в сети Интернет:

- азартные игры;
- вульгарность (低俗类)³;
- порнография;
- мошенничество;
- терроризм;

¹ 中共中央 国务院印发《数字中国建设整体布局规划》[ЦК КПК совместно с Госсоветом выпустили «Всесторонний план построения цифрового Китая»]. 新华社 [Агентство Синьхуа], 27.02.2023. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2023-02/27/content_5743484.htm (дата обращения: 30.03.2025).

² 违法和不良信息举报中心 [Центр по выявлению нездоровой и незаконной информации]. URL: <https://www.12377.cn/> (дата обращения: 11.05.2025).

³ Под категорией «вульгарность» подразумевается любая незаконная и вредоносная информация в сети Интернет, содержащая вульгарный контент, включая преступные действия, связанные с предложением услуг проституции. – Прим. авт.

- партийно-государственная политика⁴;
- нарушение прав (侵权类)⁵;
- слухи;
- другие виды нарушений⁶.

Каждой из представленных категорий соответствует несколько подкатегорий. При их выборе пользователи онлайн-платформы могут быть переадресованы на сторонние ресурсы (см. Рис. 1). Для сервисной системы характерно обеспечение широкого набора каналов для передачи отчётов о нарушениях. Так, помимо заполнения отчётных форм на официальном сайте, отчёт о нарушении также можно направить через официальное мобильное приложение ЦВННИ, аккаунты в WeChat и Weibo или на электронную почту (jubao@12377.cn), а также совершив звонок на горячую линию (12377).

Жалобы на нарушения в сети Интернет могут быть направлены в количестве не более 30 в течение 24 часов для одного лица. Неверный выбор категории нарушения может привести к отклонению отчёта. Основное требование к содержанию жалобы – указание достоверной информации, доказывающей факт нарушения и позволяющей идентифицировать его местоположение. Представленные требования не универсальны для всех платформ, обеспечивающих функционирование сервисной системы. Различия в формулировках инструкций по предоставлению жалоб зависят от категорий нарушений и требований к подтверждению личности отчитывающихся субъектов.

⁴ Под категорией «партийно-государственная политика» подразумевается любая незаконная и вредоносная информация в сети Интернет, направленная против партийной и государственной системы, политического курса, «Двух гарантий» («两个维护»), подрывающая национальную безопасность, единство и территориальную целостность; разглашающая государственную тайну; наносящая ущерб имиджу и чести страны; подрывающая этническую и религиозную политику страны; пропагандирующая секты и порочащая национальных героев. – *Прим. авт.*

⁵ Под категорией «нарушение прав» подразумевается незаконная и вредоносная информация на китайских веб-платформах, включающая утечку персональных данных, оскорбления и клевету. – *Прим. авт.*

⁶ Данной категории соответствуют следующие 12 подкатегорий:

- интернет-финансовое кредитование;
- киберпреступность;
- споры по онлайн-транзакциям;
- ложная и незаконная интернет-реклама;
- интернет-шантаж и удаление постов;
- преследование посредством электронных писем и телефонных звонков;
- нарушение прав интеллектуальной собственности;
- пиратство (нарушение авторских прав);
- фальшивые СМИ, фальшивые журналисты (假媒体、假记者);
- преступления с участием преступных групп;
- хозяйственная деятельность на онлайн-рынке культуры, такая как онлайн-музыка, онлайн-представления и онлайн-анимация;
- услуги для пользователей телекоммуникаций. – *Прим. авт.*

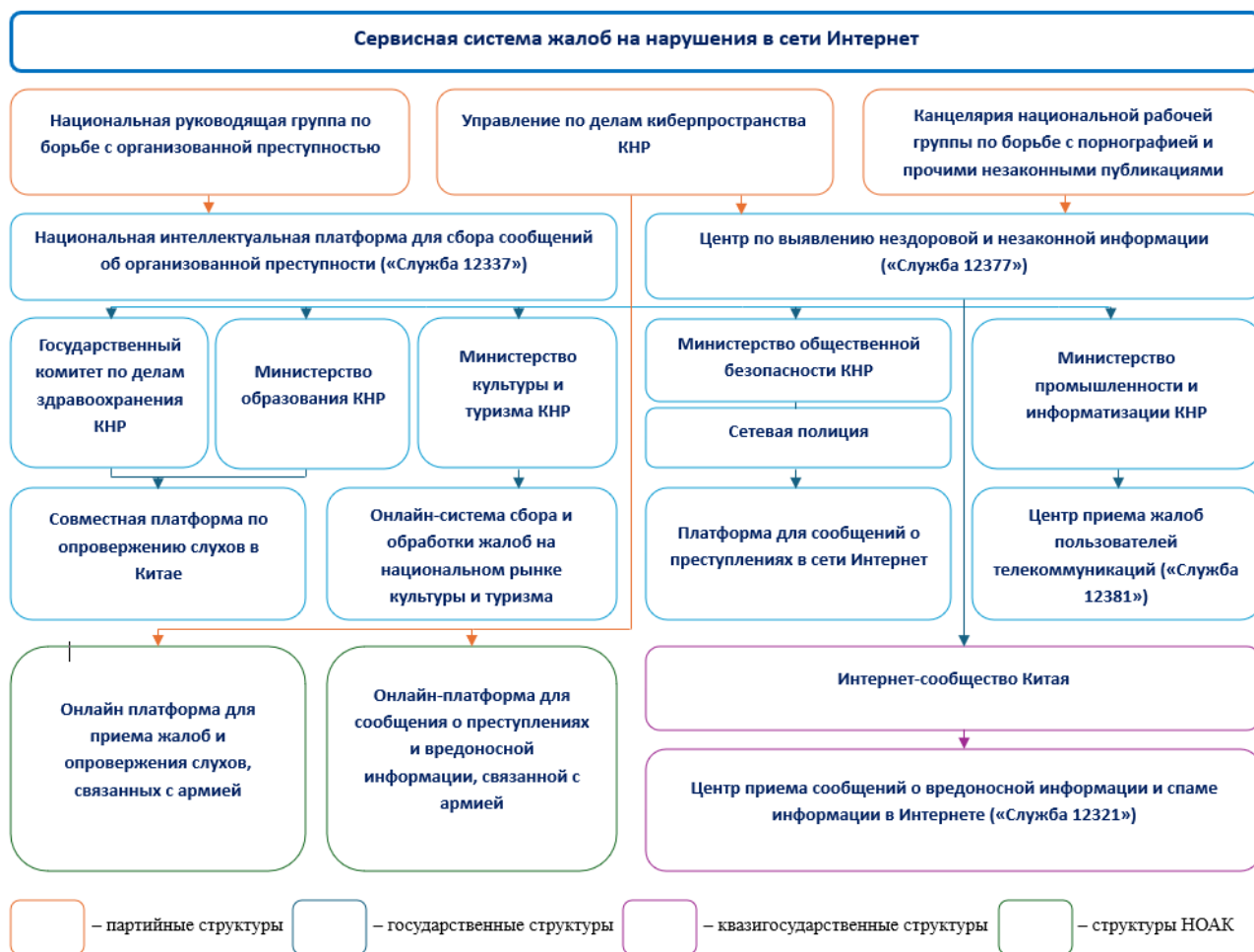

Рис. 1. Сервисная система жалоб населения КНР на нарушения в сети Интернет.

Pic. 1. The service system of complaints of the PRC's population on violations on the Internet.

Источник: Составлено автором по данным официальных веб-ресурсов представленных ведомств.

Source: Compiled by the author according to the official web resources of the represented departments.

Совместная платформа по опровержению слухов в КНР (СПОС)

В рамках национальной политики по укреплению цифровой гигиены КНР особое место занимает СПОС, созданная для опровержения ложной информации в сети Интернет. Запуск инициативы состоялся в 2016 г., одновременно с принятием Закона о безопасности сети Интернет. Тогда же были запущены девять кампаний под общим наименованием «Чистая сеть» (晴朗), одной из задач стала борьба с интернет-слухами⁷.

СПОС была сформирована в 2018 г. на базе взаимодействия ключевых новостных агентств и структур, включая ЦВННИ и агентство Синьхуа⁸. В её формировании приняли участие около тридцати государственных и партийных организаций, включая ведущие

⁷ “晴朗”系列专项行动 [Серия спецопераций «Ясная и чистая (сеть)»]. 中华人民共和国国家互联网信息办公室 [Управление по делам киберпространства КНР]. URL: https://www.cac.gov.cn/wxzw/qinglang/A093711index_1.htm (дата обращения: 11.05.2025).

⁸ 关于中国互联网联合辟谣平台 [Совместная платформа по опровержению слухов в Китае]. URL: https://www.piya.org.cn/pypt_gwym/index.html (дата обращения: 11.05.2025).

аналитические центры, региональные структуры по мониторингу информации, а также Центральная партийная школа КПК, Государственный комитет по развитию и реформам (ГКРР)⁹. В качестве основной цели СПОС указано распространение достоверной официальной информации, развенчивающей слухи, а также повышение уровня медиаграмотности населения.

Среди ключевых партнёров на официальном сайте СПОС указаны Министерство образования и Государственный комитет по делам здравоохранения КНР. Одним из актуальных направлений стало противодействие недостоверным новостям, связанным с эпидемиологической ситуацией, в частности, с COVID-19. Для обозначенных целей на главной странице выделен отдельный блок – «опровержение слухов об эпидемиях» (疫情辟谣), что свидетельствует о высокой адаптивности ресурса.

Официальный сайт СПОС структурирован по семи разделам. Один из них – «сообщить о слухе» – предоставляет пользователям возможность донести о выявленных фактах дезинформации. Отчёт должен сопровождаться указанием места происшествия и доказательной базой. После отправки требуется подтверждение личности заявителя. Направить отчёт также можно через популярные в Китае цифровые социальные платформы, такие как WeChat, Weibo, Xinhua, Qiangguo и Alipay. Ниже представлены другие пять разделов сайта.

– «Новости» – наполнен ежедневно обновляемыми статьями, предоставляемыми авторитетными источниками, включая партийные и государственные органы;

– «Медиа-просмотр» (融媒视野) – содержит видеоконтент, направленный на повышение цифровой гигиены пользователей сети Интернет, опровержение дезинформации, совершенствование методов борьбы со слухами;

– «Проделанная работа» – содержит отчёты о мероприятиях по борьбе со слухами;

– «Интервью» – представляет экспертные мнения на актуальные темы (например, использование ИИ в борьбе со слухами). Раздел обновляется с 2021 г. сериями материалов при сотрудничестве с профильными квазигосударственными организациями, такими как Китайский фонд развития сети Интернет¹¹;

– «Горячие темы» (热点专题) – раздел заслуживает особого внимания, поскольку направляет на отдельные тематические сайты. Например, на онлайн-платформу по теме «Безопасность на кончике языка» (“舌尖上的安全”), посвящённую опровержению слухов и распространению достоверной информации о приготовлении и употреблении пищи¹².

Формирование тематических сайтов для отдельных тем позволяет поддерживать актуальность публикуемой информации, оперативно реагировать на появление наиболее вредоносных слухов. С 2018 г. СПОС проводит конкурс лучших материалов, способствующих борьбе с ложной информацией в сети Интернет, результаты которого публикуются в разделе «Горячие темы».

⁹ 中国互联网联合辟谣平台正式上线 [Официально запущена совместная интернет-платформа Китая по опровержению слухов]. 新华社 [Агентство Синьхуа], 30.08.2018. URL: https://www.cac.gov.cn/2018-08/30/c_1123354656.htm (дата обращения: 11.05.2025).

¹¹ 谣言传播几个关键词解读 [Интерпретация нескольких ключевых терминов в распространении слухов]. 新华网 [Агентство Синьхуа]. URL: <http://www.xinhuanet.com/talking/character/2022090703.htm> (дата обращения: 12.05.2025).

¹² “舌尖上的安全” 专题 [Платформа по горячей теме «Безопасность на кончике языка»]. URL: <https://www.piyao.org.cn/sjaq/index.html> (дата обращения: 12.05.2025).

Центр приёма жалоб пользователей телекоммуникаций (ЦЖПТ)

В структуре сервисной системы ЦЖПТ отведена роль приёма и обработки отчётов о нарушениях, связанных с качеством телекоммуникационных услуг. Центр находится в ведении Министерства промышленности и информатизации КНР¹³. Он также известен под названием «подразделение “12381”», которое соответствует номеру его горячей линии. Центр взаимодействует с 44 телекоммуникационными компаниями, действующими на территории КНР, и выполняет функции по трём основным направлениям:

- поддержка пользователей телекоммуникационных услуг, включая разрешение конфликтов и споров с операторами связи;
- поддержка правительства, включая оперативную передачу жалоб в профильные ведомства и содействие в отраслевом регулировании;
- поддержка операторов, включая помощь компаниям в устранении недостатков, минимизацию нарушений и повышение качества предоставляемых телекоммуникационных услуг.

Центр приёма сообщений о вредоносной информации и спаме в сети Интернет (ЦСВИС)

ЦСВИС начал функционировать с 2008 г. в качестве совместной инициативы Министерства промышленности и информатизации КНР и Интернет-сообщества Китая¹⁴. В 2020 г. в рамках административной реформы подразделения «12381» и «12300» были объединены под централизованным управлением Министерства промышленности и информатизации КНР¹⁵. ЦСВИС также известен под названием «подразделение “12321”». В качестве основных задач ЦСВИС указаны следующие:

- приём отчётов по фактам распространения вредоносного контента, рассылок и цифрового мошенничества;
- агрегирование и обработка данных о нарушениях с последующей передачей отчётности компетентным органам;
- контроль за действиями операторов связи при обработке жалоб;
- поддержка правоохранительных структур в выявлении системных нарушений.

Категории жалоб, по которым принимаются отчёты сотрудниками ЦСВИС, охватывают четыре основных сферы распространения спама. Они включают интернет-платформы (форумы, сайты, сервисы электронной почты), службы отправки текстовых сообщений и уведомлений (SMS, MMS¹⁶, WAP¹⁷, IVR¹⁸, мобильные игры (PHS¹⁹)), мобильную связь и факс, а также другие информационно-телекоммуникационные службы.

¹³ 电信用户申诉受理中心 [Центр приёма жалоб пользователей телекоммуникаций]. URL: <https://yhssglxt.miit.gov.cn/web/> (дата обращения: 12.05.2025).

¹⁴ 网络不良与垃圾信息举报受理中心 [Центр приёма и передачи сообщений о сетевой небезопасности и спаме]. URL: <https://www.12321.cn/single?tpl=institution> (дата обращения: 12.05.2025).

¹⁵ 国务院办公厅关于进一步优化地方政务服务便民热线的指导意见 [Руководящие мнения Главного управления Государственного совета по дальнейшей оптимизации горячих линий услуг органов местного самоуправления для удобства населения]. 北京市民政府 [Правительство муниципалитета Пекина], 03.01.2021. URL: https://www.beijing.gov.cn/zhengce/gwywj/202101/t20210106_2200748.html (дата обращения: 12.05.2025).

¹⁶ MMS – Multimedia Messaging Service – система передачи мультимедийных сообщений (изображений, мелодий, видео) в сетях сотовой связи. – Прим. авт.

Онлайн-платформа для сообщения о преступлениях и вредоносной информации, связанных с армией

В 2018 г. под руководством Бюро безопасности Политико-юридической комиссии при Центральном военном совете КНР (ЦВС) была развёрнута специализированная онлайн-платформа. Её пользователи могут направлять отчёты о противоправных действиях в сети Интернет, связанных с Народно-освободительной армией Китая (НОАК)²⁰. Особенность функционирования платформы заключается в высоком уровне конфиденциальности процесса подачи жалоб – от заявителей не требуется подтверждения личности. Пользователи могут направить отчёт по десяти категориям нарушений:

- нападки на абсолютное руководство партии над армией, разжигание розни между армией, правительством, гражданским населением и другие виды военного саботажа в информационном пространстве;
- нанесение вреда и создание угроз безопасности военных цифровых систем и информации;
- неподобающее поведение военнослужащих в публичном интернет-пространстве, такое как использование онлайн-сервисов для поиска работы, знакомств (включая поиск партнёров для брака), написание комментариев, порочащих честь НОАК;
- публичные заявления в сети Интернет, нарушающие партийную дисциплину в армии или разжигающие рознь;
- распространение слухов, порочащих честь НОАК;
- создание поддельных веб-ресурсов и аккаунтов в социальных сетях от имени воинских частей и военнослужащих;
- выдача себя за военнослужащих или воинские части с целью создания веб-сайтов или учётных записей и публикации ложной информации;
- незаконное обнародование военной информации в сети Интернет;
- изготовление, распространение в сети и использование поддельной военной атрибутики;
- другие нарушения в сети Интернет, представляющие опасность для НОАК и национальной безопасности КНР.

Онлайн-платформа для приёма жалоб и опровержения слухов, связанных с армией

Одновременно в КНР функционирует онлайн-платформа для приёма жалоб и опровержения слухов, связанных с армией, запущенная также в 2018 г. Деятельность её сотрудников направлена на развенчивание слухов и исторических мифов, касающихся НОАК, что указывает на широкий тематический охват и политическую значимость ресурса.

¹⁷ WAP – Wireless Application Protocol – устаревший протокол беспроводной передачи данных. – *Прим. авт.*

¹⁸ IVR – Interactive Voice Response – технология, позволяющая автоматизировать взаимодействие с клиентами с помощью голосового меню. – *Прим. авт.*

¹⁹ PHS – Personal Handy-Phone System – система сотовой связи, работающая в радиодиапазоне 1880–1930 МГц, использовавшаяся в Японии, Китае, Тайване и некоторых других азиатских странах и регионах. – *Прим. авт.*

²⁰ 中央军委政法委今年有新任务 40 天上线俩重要平台 [Перед ЦВС и Центральной политико-юридической комиссией в этом году стоит новая задача: через 40 дней будут запущены две важные платформы]. 北青政知新媒体 [Пекинская молодёжная газета], 02.01.2018. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1588437920803314057&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 21.03.2025).

К примеру, одна из статей под авторством сотрудника Академии военных наук КНР посвящена защите памяти героини Китайской коммунистической революции Лю Хулань²¹. В другом материале, обнародованном агентством Синьхуа, представлена критика Саммита за демократию, организованного США в 2021 г., представителями Министерства иностранных дел КНР²². Официальный сайт платформы функционирует на базе China Military Online – портала НОАК, находящегося в ведении ЦВС²³.

Платформа для сообщений о преступлениях в сети Интернет

В рамках сервисной системы обеспечивается функционирование специализированных ресурсов, предназначенных для фиксации преступлений, совершаемых в интернет-пространстве. Одна из таких платформ с 2015 г. находится под управлением Сетевой полиции (网络警察) и Министерства общественной безопасности КНР²⁴. На практике платформа для сообщений о преступлениях в сети Интернет работает в связке с другими ресурсами – при выборе определённых категорий нарушений, таких как «интернет-мошенничество». На сайте ЦВНИИ пользователи автоматически перенаправляются на требующуюся форму подачи жалобы. При возникновении чрезвычайных ситуаций предусмотрена возможность вызова экстренной службы по номеру 110. Воспользоваться платформой позволяет только после регистрации с использованием удостоверения личности гражданина КНР.

Национальная интеллектуальная платформа для сбора сообщений об организованной преступности

Национальная интеллектуальная платформа для сбора сообщений об организованной преступности была запущена в 2019 г. и находится под управлением Национальной руководящей группы по борьбе с организованной преступностью КНР²⁵. Платформа также известна под кодовым названием «подразделение “12337”». Через неё осуществляется передача данных о нарушениях, связанных с действиями преступных группировок в сети Интернет.

Для отправки отчёта пользователи обязаны пройти аутентификацию личности. Однако функционал платформы предусматривает особые меры по защите персональных данных.

²¹ 不能让诋毁英烈刘胡兰的谣言频繁上演 [Нельзя допустить, чтобы слухи, порочащие имя Лю Хулань, продолжали распространяться]. 网络涉军举报和辟谣平台 [Онлайн-платформа для приёма жалоб и опровержения слухов, связанных с армией], 12.06.2021. URL: <http://www.81.cn/wlsjybpt/alfb/10047638.html> (дата обращения: 21.03.2025).

²² 外交部评美国举办所谓“民主峰会” [Министерство иностранных дел прокомментировало проведение в США так называемого «Саммита за демократию»]. 网络涉军举报和辟谣平台 [Онлайн-платформа для приёма жалоб и опровержения слухов, связанных с армией], 12.06.2021. URL: <http://www.81.cn/wlsjybpt/alfb/10115888.html> (дата обращения: 21.03.2025).

²³ 网络涉军举报和辟谣平台 [Онлайн платформа для приёма жалоб и опровержения слухов, связанных с армией]. URL: <http://www.81.cn/wlsjybpt/index.html> (дата обращения: 21.03.2025).

²⁴ 网络违法犯罪信息举报网站 [Платформа для сообщений о преступлениях в Интернете]. URL: <https://cyberpolice.mps.gov.cn/wfjb/#/> (дата обращения: 25.03.2025).

²⁵ 全国扫黑办智能化举报平台 [Национальная интеллектуальная платформа для сбора сообщений об организованной преступности]. URL: https://www.gzhs.gov.cn/ztlz/lszt/shce/201910/t20191028_8261836.html (дата обращения: 21.03.2025).

После загрузки жалобы вся информация переносится в автономную сеть, изолированную от общего интернет-пространства. Указанная система называется «внутренняя и внешняя интеграция» (“内外结合”)²⁶. Она позволяет минимизировать утечки, обеспечить безопасность данных на всех этапах обработки, а также привлечь большее количество добровольцев, готовых сообщить о фактах организованной преступности в сети Интернет.

*Онлайн-система сбора и обработки жалоб на национальном рынке
культуры и туризма*

Онлайн-система сбора и обработки жалоб на национальном рынке культуры и туризма была создана в 2021 г. в результате интеграции Единой платформы отчётности национального рынка культуры («подразделение “12318”», работает с 2011 г.) и Национальной платформы подачи жалоб в сфере туризма («подразделение “12301”», функционирует с 2016 г.). Альтернативное название сервиса в соответствии с телефоном горячей линии – «подразделение “12345”». Функционирование платформы обеспечивают сотрудники Министерства культуры и туризма КНР. Высокий уровень развития внутреннего туризма и цифровизации рынков туризма и культуры в КНР привели к возникновению соответствующих рисков и угроз. В результате, на сайте онлайн-системы можно подать отчёты о нарушениях в следующих сферах:

- хозяйственная деятельность по предоставлению услуг доступа в сеть Интернет;
- хозяйственная деятельность на онлайн-рынке культуры, такая как услуги онлайн-музыки, онлайн-представлений, онлайн-анимации;
- хозяйственная деятельность на рынке туризма, такая как услуги туристических агентств (или онлайн-турагентств), гидов.

Не принимаются жалобы на различные типы потребительских споров на рынке культуры, не связанные с незаконными ситуациями, такими как блокировка аккаунтов онлайн-операторов культуры, пополнение баланса и потребление услуг несовершеннолетними. При выборе типа жалобы доступна категория «хозяйственная онлайн-деятельность в сфере туризма». Ей соответствуют 3 подкатегории: «онлайн-продвижение»²⁷, «бронирование и его отмена», «обслуживание клиентов и послепродажное обслуживание».

Юридическая ответственность за предоставление ложных жалоб

Правовая система КНР предусматривает жёсткие меры в отношении лиц, злоупотребляющих механизмами подачи жалоб на нарушения в сети Интернет [Дмитриева 2024: 48]. Ответственность устанавливается в зависимости от характера нарушения.

В частности, Уголовный кодекс КНР содержит положения, предусматривающие до трёх лет лишения свободы за умышленное оскорбление личности и от трёх до десяти лет заключения в случаях ложных обвинений, направленных на возбуждение уголовного

²⁶ 扫黑除恶举报平台来了 [Национальная интеллектуальная платформа для сбора сообщений об организованной преступности начинает работу]. 中国网信网 [Информационное интернет-бюро Китая], 29.05.2019. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1634834773050346033&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 25.03.2025).

²⁷ Использование заведомо ложного и запутанного рекламного контента в сети Интернет для введения в заблуждение туристов. – Прим. авт.

преследования (ст. 246)²⁸. Административное законодательство также предусматривает санкции за распространение заведомо ложной информации, связанной с чрезвычайными ситуациями – эпидемиями, катастрофами, инцидентами с участием полиции (ст. 25 Закона КНР о наказаниях в сфере общественной безопасности)²⁹. За подобные действия предусмотрены штрафы до 500 юаней и задержание до 10 суток. Положения Гражданского кодекса КНР направлены на защиту репутационных прав и личных свобод пострадавших (ст. 123 Гражданского кодекса КНР).

Регулирование стимулирования заявителей за достоверные отчёты о нарушениях

Одновременно действующие в КНР подзаконные акты направлены на стимулирование заявителей, представляющих проверенную информацию о нарушениях. Ключевым регулирующим актом в данной сфере являются «Меры поощрения за сообщения по теме “борьба с порнографией и незаконными публикациями”», утверждённые в 2018 г. Канцелярией национальной рабочей группы по борьбе с порнографией и прочими незаконными публикациями³⁰. Указанный документ стал основой для формирования прозрачной системы вознаграждений в рамках китайской модели цифрового управления. Его положения устанавливают стандарты вознаграждений для шестнадцати категорий противозаконных действий в сети Интернет, только одна из которых непосредственно связана с распространением порнографического контента. Размеры поощрений варьируются в зависимости от значимости и последствия нарушения:

- максимальная сумма выплаты составляет до 600 тыс. юаней в исключительных случаях (п. 1, п. 10 ст. 7);
- за сообщение о незаконном производстве физических носителей информации (пиратство) устанавливается вознаграждение от 100 до 200 тыс. юаней;
- минимальный размер выплат составляет 1 тыс. юаней.

Сроки одобрения и выплат вознаграждений также строго регламентированы. После подтверждения достоверности жалобы субъекту направляется уведомление, с момента получения которого в течение 30 рабочих дней он должен оформить заявку на выплату (ст. 8). Тайна личности заявителя охраняется в соответствии с действующими правовыми нормами: разглашение данных возможно лишь с его письменного согласия и при одобрении компетентного органа (ст. 10). Если одна и та же информация поступила от нескольких лиц, поощрение назначается первому заявителю.

Для отдельных видов нарушений предусмотрены специальные процентные формулы для расчёта суммы выплат. К примеру, за отчёт о незаконной издательской деятельности вознаграждение составляет до 2% от оборота (п. 1 ст. 7), а в случае участия в пресечении

²⁸ 中华人民共和国刑法 [Уголовный кодекс КНР]. URL: <https://www.pkulaw.com/chl/3b70bb09d2971662bdfb.html> (дата обращения: 11.01.2025).

²⁹ 中华人民共和国治安管理处罚法 [Закон КНР о наказаниях в сфере общественной безопасности]. URL: <https://clck.ru/3MnY9V> (дата обращения: 12.01.2025).

³⁰ “扫黄打非”工作举报奖励办法 [Меры поощрения за сообщения по теме «борьба с порнографией и незаконными публикациями». 中国扫黄打非网 [Китайская сеть по борьбе с порнографией и незаконными публикациями], 20.01.2025. URL: <https://www.shdf.gov.cn/shdf/contents/708/388912.html> (дата обращения: 15.03.2025).

распространения незаконного оборудования – от 5% до 10% от суммы конфискации (п. 2 ст. 7). Таким образом, на уровне правового регулирования организованная преступная деятельность по пиратству физических носителей информации выделяется в качестве представляющей наибольшую угрозу. Приоритет развития высоких технологий в КНР требует совершенствования регулирования отношений интеллектуальной собственности, что, например, подтверждается образованием в 2023 г. Национального управления данных.

Местные органы власти Китая обладают полномочиями разрабатывать и внедрять собственные инициативы, направленные на поощрение общественного саморегулирования в сети Интернет. В 2021 г. в Гуанси-Чжуанском автономном районе был принят подзаконный акт, разработанный местным отделением Управления по делам киберпространства КНР – «Меры по управлению добровольцами, сообщающими о нарушениях в сети Интернет в Гуанси-Чжуанском автономном районе»³¹. Положениями этого документа на экспериментальном уровне была установлена специальная система поощрения заявителей. Она заключается в присуждении баллов за достоверные отчёты о нарушениях в сети Интернет. После подведения ежеквартальных итогов десять добровольцев, набравших наибольшее количество баллов, могут их монетизировать по курсу 50 юаней за один балл. Так, за сообщение о материалах, несущих политическую угрозу, террористических актах или тяжких преступлениях заявителю начисляется два балла. Жалоба на противоправный контент, связанный с насилием, мошенничеством, порнографией, азартными играми, нарушением прав, распространением слухов приведёт к получению одного балла.

Согласно другому подзаконному акту, принятому в регионе³², сообщения о террористических актах и насильственных действиях должны быть обработаны в течение трёх рабочих дней. Сложные случаи рассматриваются не более семи рабочих дней.

Таким образом, китайская система правового стимулирования граждан к участию в выявлении противозаконной деятельности в сети Интернет ориентирована на развитие общественного саморегулирования. Назначение фиксированной суммы выплат за сообщения о любых категориях правонарушений обеспечивает стабильный поток обращений. При этом в случаях, касающихся незаконного производства издательских материалов или оборудования для их изготовления, действуют специальные формулы расчёта вознаграждений с повышенными ставками. Указанный подход создаёт дополнительные препятствия для формирования и развития преступных групп в определённых сферах. Информаторы получают дополнительный финансовый стимул к разоблачению фактов организованной преступности в сети Интернет, что увеличивает вероятность их ликвидации правоохранными органами.

³¹ 广西网络举报志愿者管理办法 [Меры по управлению добровольцами, сообщающими о нарушениях в сети Интернет в Гуанси-Чжуанском автономном районе]. “网信广西” 微信公众号 [Публичный аккаунт WeChat «Информационного агентства Гуанси-Чжуанского автономного района»], 30.06.2021. URL: https://www.cac.gov.cn/2021-06/30/c_1626636791084827.htm (дата обращения: 12.01.2025).

³² 广西互联网违法和不良信息举报受理处置工作规范 [Правила оптимизации работы по приёму и обработке сообщений о незаконной и вредоносной информации в сети Интернет в Гуанси-Чжуанском автономном районе]. 广西互联网违法和不良信息举报中心网站 [Веб-сайт Центра по выявлению нездоровой и незаконной информации Гуанси-Чжуанского автономного района], 20.01.2022. URL: https://www.cac.gov.cn/2022-01/20/c_1644280031501817.htm (дата обращения: 12.01.2025).

Реформа сервисной системы жалоб населения

К 2026 г. власти КНР планируют масштабную реорганизацию инфраструктурной составляющей системы подачи жалоб граждан³³. Главной целью инициативы является стандартизация так называемых «комплексных центров управления» (综治中心), которые станут основными узлами обработки обращений и управления конфликтами на провинциальном, муниципальном, уездном и поселковом уровне.

В соответствии с проектом реформы сотрудники «комплексных центров управления» будут выполнять две основных функции. На уездном и поселковом уровне усилия будут сосредоточены на оперативном разрешении конфликтных ситуаций. Региональные и муниципальные центры будут обеспечивать межведомственное управление. Представленная модель управления должна обеспечить не только оперативное реагирование на инциденты, несущие угрозы общественной безопасности, но и превентивное управление социальными рисками.

Идеологическая основа реформы восходит к концепции «опыт посёлка Фэнцяо», сформулированной в 1960-х гг. Её смысл заключается в стимулировании саморегулирования на местах путём эффективного партийного управления³⁴. В XXI в. эта концепция по инициативе Си Цзиньпина получила новое развитие и была включена в официальную повестку XVIII съезда КПК. На современном этапе она также основывается на идее превалирования правового подхода (включая институт медиации), использования цифровых механизмов регулирования для снижения социальной напряжённости.

Одновременно в КНР продолжается политика по совершенствованию правового регулирования в сфере безопасности данных [Zhang 2020: 28], [Денисов 2023]. С 1 января 2025 г. в силу вступили «Правила управления безопасностью сетевых данных» (приняты Государственным советом КНР). В указанном документе особое внимание уделено регулированию деятельности операторов сетевых данных. По отношению к ним устанавливаются требования к созданию удобных каналов для жалоб и отчётов о безопасности данных; публикации информации, такой как методы подачи жалоб и отчётов, а также их оперативного принятия и обработки (ст. 20). Операторы должны чётко определять ответственных лиц и ведомство по управлению безопасностью сетевых данных. Обязанности конкретного ведомства включают принятие и обработку жалоб и отчётов по вопросам безопасности сетевых данных (ст. 30). Для операторов разрабатываются стандарты по сбору, хранению и обработке информации, полученной в форме отчётов о нарушениях [Wang, Huang 2024: 14–15].

28 мая 2025 г. Государственным советом КНР были приняты «Правила совместного использования правительственных данных». Регулирующий акт утверждает право граждан, юридических лиц и организаций жаловаться и сообщать о любых действиях, которые нарушают их законные права и интересы в процессе обмена государственными данными

³³ 中央政法委: 2026 年基本实现省、市、综治中心视范化 [Центральная политико-юридическая комиссия: к 2026 г. стандартизация провинциальных, муниципальных и поселковых комплексных центров управления будет в основном достигнута]. 新华社 [Агентство Синьхуа], 31.03.2025. URL: <https://gszfw.gov.cn/Wap/Show/435037> (дата обращения: 05.05.2025).

³⁴ 学习关键词 | 新时代“枫桥经验” [Ключевые слова исследования | «Опыт посёлка Фэнцяо» в новую эпоху]. 共产党员网 [Информационное бюро Коммунистической Партии Китая], 24.11.2023. URL: <https://www.12371.cn/2023/11/24/ARTI1700832804407671.shtml> (дата обращения: 21.03.2025).

(ст. 37). От государственных ведомств, получающих соответствующие жалобы и сообщения, требуется их незамедлительное рассмотрение.

Заключение

Сервисная система жалоб населения на нарушения в сети Интернет – это многоуровневая модель цифрового управления, сочетающая диверсификацию регулирующих функций. Она объединяет государственные органы, квазигосударственные учреждения и специализированные цифровые платформы. Гибкость архитектуры официального сайта ЦВННИ и других описанных в статье сервисов (см. Рис. 1) позволяет пользователям направить отчёт по широкому перечню нарушений в сети Интернет.

Однако в представленном виде сервисную систему нельзя охарактеризовать как окончательно централизованную, что создаёт вызовы в области её управления и контроля. Высокие темпы развития цифровых технологий и роста угроз информационной безопасности, а также соперничество КНР в сфере международного правового регулирования цифровых технологий и инноваций, предположительно, определили необходимость проведения реформы по стандартизации «комплексных центров управления». Особое внимание будет уделяться правовому обеспечению, включая стандартизацию выплат, защиту заявителей и борьбу с недобросовестными сообщениями. На 2025 г. регулирование безопасности данных, включая правительственные, предполагает последовательное повышение требований к операторам данных по созданию механизмов сбора и обработки жалоб.

Значимым фактором, обеспечивающим эффективность функционирования сервисной системы, является нормативное правовое регулирование. На уровне подзаконных актов устанавливаются чёткие суммы и механизмы выплат вознаграждений, меры по защите отчитывающихся субъектов. В Уголовном кодексе КНР, Гражданском кодексе КНР и Законе КНР о наказаниях в сфере общественной безопасности устанавливается юридическая ответственность за предоставление ложных сообщений о нарушениях в сети Интернет.

При осуществлении реформы по стандартизации «комплексных центров управления» планируется руководствоваться верховенством права. В перспективе правовое регулирование отрасли будет охватывать более широкий перечень нарушений в сети Интернет. Для стандартизации выдачи вознаграждений за достоверные жалобы и ответственности за подачи ложных отчётов требуется принятие унифицированных регулирующих документов, конкретизирующих положения существующих подзаконных актов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Денисов И.Е.* Китайская стратегия «больших данных»: реформа управления, инновации и глобальная конкуренция. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2023. 28 с.
- Дмитриева Н.Е.* Электронные обращения граждан в органы власти: Сравнительный анализ стран БРИКС // Информационное общество. 2024. № 5. С. 47–61.
- Рыбаков В.М.* Механизм общеслужебной ответственности в уголовных законах династии Тан // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 5. С. 17–26.
- Троцинский П.В.* К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 3 (19). С. 136–146.

REFERENCES

- Denisov I.Ye. (2023). Kitayskaya strategiya «bol'shikh dannyykh»: reforma upravleniya, innovatsii i global'naya konkurentsia [China's Big Data Strategy: management reform, innovation, and global competition]. Moscow: Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet» [MGIMO-University Publishing House], 28 p. (In Russian).
- Dmitrieva N.Ye. (2024). Elektronnyye obrashcheniya grazhdan v organy vlasti: Sravnitel'nyy analiz stran BRIKS [Electronic appeals of citizens to government agencies: a comparative analysis of the BRICS countries]. *Informatsionnoye obshchestvo* [Information Society], (5): 47–61. (In Russian).
- Rybakov V.M. (2012). Mekhanizm obshchesluzhebnoy otvetstvennosti v ugovolnykh zakonakh dinastii Tan [The mechanism of general official responsibility in the criminal laws of the Tang dynasty]. *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'* [The East. Afro-Asian Societies: History and Modernity], (5): 17–26. (In Russian).
- Troshchinskiy P.V. (2016). K voprosu o traditsionnykh vzglyadakh na pravo v kitayskom obshchestve [On the issue of traditional views on law in Chinese society]. *Vestnik universiteta imeni O.Ye. Kutafina* [Courier of Kutafin Moscow State Law University], 3 (19): 136–146. (In Russian).
- * * *
- Wang Xixin, Huang Zhijie (2024). Wangluo yi ju haishi wangluo baoli – wangluo jubao jiandu xingwei de bianjie ji falu kongzhi [Cyberheroic act or cyber violence – the boundaries and legal control of network reporting and monitoring behavior]. *Faxue luntan* [Legal Forum], 39 (5), 5–16. (In Chinese). [王锡锌, 黄智杰. 网络义举还是网络暴力——网络举报监督行为的边界及法律控制. 法学论坛].
- Zhang Yingxin (2020). Da shuju beijing xia Zhongguo hulianwang weifa weigui neirong de zhili yu fazhan [Governance and development of Internet illegal content in the Big Data background]. *Da shuju shidai* [Big Data Era]. (In Chinese). [张樱馨. 大数据背景下中国互联网违法违规内容的治理与发展. 大数据时代].

Поступила в редакцию:	27.06.2025	Received:	Jun 26, 2025
Принята к публикации:	14.07.2025	Accepted:	Jul 14, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-35-50

Регионоведение и современные российские исследования в КНР: парадигма и развитие

Сюй Бо¹,
Гармаева Светлана¹

¹ Цзилиньский университет

Аннотация. Работы, посвящённые России, являются важным компонентом исследований китайских регионоведов. В статье рассматриваются существующие подходы к изучению России, обобщаются фундаментальные точки зрения и текущие проблемы в рамках исследований Китая в этой области, а также анализируется прогресс, вызовы и потенциальные направления дальнейшего изучения страны. Авторы отмечают, что в исследованиях России доминируют вестернизм и нативизм. Вестернистская парадигма предлагает рассматривать изменения в политике, экономике и дипломатии России через призму развития западной цивилизации, в то время как нативистская парадигма основана на понимании особой исторической траектории страны. Ключевая задача сообщества китайских русистов заключается в том, чтобы выйти за рамки этих парадигм. После окончания холодной войны исследования Китая в области русистики достигли заметного прогресса, включая формирование академического сообщества, разработку программ прикладных исследований, попытки междисциплинарной интеграции и внедрения инновационных парадигм. Дальнейшие задачи включают усиление экономических исследований, расширение анализа на субнациональном уровне, а также более тщательное изучение и отслеживание российского общественного мнения. Ключевые направления развития предполагают диверсификацию тем, поощрение полевых исследований, усиление внимания к количественным методам и, в конечном счёте, создание системы «российских исследований» с китайской спецификой, как с академической, так и дисциплинарной точек зрения.

Ключевые слова: Китай, Россия, российские исследования, русистика, вестернизм, нативизм.

Авторы:

Сюй Бо, профессор, Центр исследований Северо-Восточной Азии, директор Института российских исследований, Цзилиньский университет (адрес: 2699 Китай, пров. Цзилинь, Чанчунь, ул. Цяньцзинь). ORCID: 0000-0002-0461-4611. E-mail: bxu2@jlu.edu.cn

Светлана Гармаева, доцент, Институт исследований международной коммуникации, Школа иностранных языков и культур, Цзилиньский университет (адрес: 2699 Китай, пров. Цзилинь, Чанчунь, ул. Цяньцзинь). ORCID: 0009-0004-0221-1722. E-mail: solnzevetrau@126.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сюй Бо, Гармаева С. Area studies and contemporary China's research on Russian affairs: paradigm and development [Регионоведение и современные российские исследования в КНР: парадигма и развитие] // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 35–50. (На англ.). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-35-50

Area studies and contemporary China's research on Russian affairs: paradigm and development

Xu Bo¹,
Garmaeva Svetlana¹

¹ Jilin University

Abstract. Research on Russian affairs constitutes a significant component of China's international studies. This article examines existing perspectives in Russian studies, summarizes fundamental viewpoints and prevailing issues within China's current research on Russian affairs, and analyzes the progress, challenges and potential future directions of this research. Globally, the dominant paradigms in Russian studies are Westernism and Nativism. The Westernist paradigm advocates examining changes in Russia's politics, economy and foreign policy through the lens of Western civilizational development, whereas the Nativist paradigm is grounded in an understanding of Russia's distinct historical trajectory. A key challenge for China's Russian studies community lies in transcending these two paradigms. Since the end of the Cold War, China's research on Russia has achieved notable progress, including the formation of a stable academic community, the establishment of application-oriented research agendas and initial attempts at interdisciplinary integration and paradigm innovation. However, future challenges include strengthening economic research, expanding the subnational-level analysis, and enhancing the study and tracking of Russian public opinion. The key future directions for development include promoting the diversification of research topics, encouraging fieldwork, enhancing the focus on quantitative methods, and ultimately aiming to establish a "Russian Studies" framework with Chinese characteristics, both in terms of academic content and disciplinary methods.

Keywords: China, Russia, Russian affairs, Russian studies, Westernism, Nativism.

Authors:

Xu Bo, Professor, Center for Northeast Asian Studies, Director of the Institute of Russian Studies, Jilin University (address: Qianjin Street 2699, Changchun City, Jilin Province, China). ORCID: 0000-0002-0461-4611. E-mail: bxu2@jlu.edu.cn

Svetlana Garmaeva, Assistant Professor, the International Communication Research Institute & School of Foreign Languages and Cultures, Jilin University (address: Qianjin Street 2699, Changchun City, Jilin Province, China). ORCID: 0009-0004-0221-1722. E-mail: solnzevetrau@126.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Xu Bo, Garmaeva S. (2025). Area studies and contemporary China's research on Russian affairs: paradigm and development. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 35–50. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-35-50

Introduction

Area studies has emerged as a new first-level interdisciplinary field in China, and its establishment holds significant importance for the Chinese academic community in addressing real-world international challenges and constructing an international research paradigm with Chinese characteristics. Research on Russian affairs represents both a key focus within area studies and a strategically vital research direction. As China's largest neighbor, Russia's political, diplomatic, and societal developments profoundly impact the PRC's national interests and regional security

environment. Thus, in-depth research on Russia should remain a priority in China's area studies discipline.

Historically, China and Russia share a complex and intertwined relationship. Over four centuries of bilateral relations, Russia has exerted comprehensive and profound influence on Chinese security, development, institutions, culture, and even modes of thinking, consistently occupying a pivotal position in its foreign strategy [Feng Yujun 2021]. Particularly since the early 20th century, the Soviet Union and later Russia have been among the most consequential external forces shaping China's developmental path. The late 20th-century upheavals in Eastern Europe and the Soviet Union's collapse dramatically altered the PRC's international and regional security landscape. Indeed, at every critical juncture in China's modernization, Russia has served as a decisive external variable influencing the country's political, diplomatic, and security trajectory.

In the 21st century, Russia, a major power sharing over 4,300 km of border with China, is undergoing another transformative phase, accelerated dramatically by the 2022 Russia-Ukraine conflict. Since the end of the Cold War, Russia's transition has entered a new stage of "re-transformation", the outcomes of which will profoundly impact global politics, the world economy, and the international system. As China advances its national rejuvenation, area studies must deepen its examination of contemporary Russian affairs to provide intellectual support for Chinese modernization. Central to this effort is developing Russian studies with Chinese characteristics while clarifying its core research questions and developmental directions.

From a global perspective, current international research on Russian affairs remains dominated by the two paradigms: the Westernist paradigm and the Nativist paradigm [Tsygankov 2014]. They hold vastly different and often fundamentally opposing views on the Russian civilization, its development path and key issues such as its politics, economy, and society. Moreover, they differ significantly in both focal concerns and analytical approaches. The fundamental task of China's research on Russian affairs is, without doubt, to build upon these two paradigms and develop a distinctly Chinese paradigm of "Russia Studies" rooted in the framework of area studies. This paradigm should be capable of explaining contemporary Russian political, economic and social issues – and their implications for China – from a broader perspective. Ultimately, it aims to contribute universally applicable area-based knowledge on Russia to the global international studies community.

This article examines existing perspectives in Russian studies, synthesizes prevailing viewpoints and their limitations, and analyzes the progress, challenges and future pathways for China's Russian studies within the framework of area studies.

Key perspectives on Russian studies within the framework of area studies

The origins of the Russian civilization can be traced to the East Slavs of the Eastern European steppes, with the mixed-ethnic Rus' people serving as the common ancestors of modern Russians, Belarusians and Ukrainians [Zhao 2022]. From the first East Slavic state of Kievan Rus' on the Dnieper River to the Mongol-conquered Golden Horde, the Grand Duchy of Moscow that emerged after throwing off Mongol rule, Peter the Great's Russian Empire, and eventually the Soviet Union shaped by Marxist ideology in the 20th century, the Russian civilization has developed through distinct phases marked by both the discontinuity and the cultural integration. The discontinuity reflects how Russia's civilizational trajectory has been repeatedly reshaped by external non-Slavic influences, particularly from Europe [Gu 2010: 131]. Two pivotal historical moments exemplify

this: the Christianization of Rus' (988 CE), when Prince Vladimir adopted Eastern Orthodoxy as the state religion of Kievan Rus', and the early 18th-century reforms initiated by Peter the Great, which launched Russia's modernization. These events fundamentally defined Russia's civilizational identity. Moreover, Russia's evolving position in the international system has been inextricably linked to its relations with the West. Its transformation from an Eastern European state to a major European power was cemented by its victory against Napoleon's invasion in 1812. Napoleon's invasion in 1812 positioned Russia as the core force of the European coalition against France, and its triumph significantly elevated its influence in European affairs. The Congress of Vienna and the ensuing Vienna System largely reflected the dominance of conservative powers led by Russia. Tsar Alexander I, bolstered by Russia's victory in the Napoleonic Wars, emerged as a central figure at the Congress [Riasanovsky 1977: 9]. Post-Vienna Russia became deeply enmeshed in European politics. By the mid-19th century, its extensive interventions in revolutionary movements across the continent earned it the moniker the "Gendarme of Europe". Although its defeat in the Crimean War (1853–1856) curtailed its European reach, Russia remained a decisive force in shaping the continent's alliance systems and international relations [Danilevsky 1991: 74–120]. The Great Game between Britain and Russia in the late 19th century not only redefined European geopolitics but also profoundly influenced global dynamics, especially in the evolving dynamics of East Asia [Feng Yujun 2021]. Entering the 20th century, Russia's influence in international relations rose once again with the victory of the October Revolution and the emergence of the Soviet Union. This resurgence was driven, on one hand, by the global ideological appeal of socialism, which the Soviet Union came to embody; on the other hand, it was solidified by the USSR's victory in the Great Patriotic War (1941–1945) against fascist Germany. This triumph elevated the Soviet Union's international standing beyond that of traditional European powers such as France, the United Kingdom and Germany, positioning it alongside the United States as a superpower. This transformation laid the foundation for Russia's current role in the global geopolitical and economic system [Bi 2009: 46]. Thus, Russia's international standing over the past three centuries has been fundamentally tied to its Western engagements. Its modernization began with Peter's Westernizing reforms, and its great-power status emerged through political and military contests with Western powers. This explains why the Westernist paradigm remains indispensable in analyzing Russian affairs.

Fundamentally, the Westernist paradigm examines changes in Russia's politics, economy, and foreign affairs through the lens of Western civilization's development. As scholars like Andrei Tsygankov have observed, Westernists do not merely view Russia from a Western perspective, they fundamentally regard it as culturally, historically and institutionally inferior to Western nations. Westernists maintain that Russia has pursued an unreliable historical trajectory, one that either deviates from proper development models or actively threatens Western interests and values [Tsygankov 2014]. The contemporary Westernist paradigm in analyzing Russian issues primarily encompasses three aspects. First, it adopts a critical perspective toward Russia's historical development path since modern times, viewing it as alienated and backward compared to the Western social civilization, political democracy and economic advancement. Scholars such as the Marquis de Custine in the 1830s and Richard Pipes in the 1970s represent this view. In his seminal work "Russia Under the Old Regime", Richard Pipes defined Russia as a "patrimonial state", characterizing its system as lacking rule of law and individual freedoms while maintaining highly efficient political, economic, and military structures [Pipes 2012]. Second, Westernist perspectives

are not unified internally and have diverged into two distinct forms: liberals and conservatives. Influenced by religious traditions and conservative ideologies, the conservatives place greater emphasis on Russia's historical uniqueness compared to the liberals within the Westernist camp. While conservatives similarly acknowledge that Russia's developmental path and values may pose a threat to Western nations, they believe Russia can reduce the possibility of conflict with the West through gradual reforms. Conservatives also tend to recognize the distinctive value of Russia's civilizational development, arguing that Russia could integrate into the Western-centered "international community" by improving its governance model. Third, the Westernist paradigm's most notable influence on Russia manifests in the "Atlanticism" geopolitical ideology within Russia itself. Atlanticism aims to facilitate Russia's rapid integration into Europe and Western society, both geopolitically and ideologically, to become "a member of the Western community". During the early Yeltsin administration, Atlanticism reached its peak prominence. The prominent Atlanticist Yegor Gaidar published "The State and Evolution" in the early 1990s, arguing that adopting the Western civilization as represented by Europe was the only viable path for Russia's national strength. Gaidar contended that throughout its historical development, Russia had only mechanically adopted Western knowledge and technology without genuinely embracing Western social structures and political thought, forcing it to perpetually play historical catch-up. Only by fully accepting Western political, economic and cultural ideals Russia could "shed its centuries-old layers of peculiarities" and truly become part of the Western society. Contemporary Russian Atlanticists maintain that the post-Cold War model of "democratic politics + market economy", centered around the United States, possesses considerable stability and reliability as the sole viable path for Russia's future development. Russia should therefore persist with this objective and adapt its domestic and foreign policies to facilitate integration into Western political, economic and military frameworks.

In opposition to the Westernist paradigm stands another approach to studying Russia – the Nativist paradigm. This perspective originates from an understanding of Russia's unique historical development path. Russia's history represents a process of interaction and integration between multiple civilizations, incorporating not only strong Western influences but also elements from Asian and Islamic cultures. Geographically positioned at the boundary between Eastern and Western civilizations, Russian culture developed as a distinct formation, one based primarily on Slavic traditions while systematically absorbing European, Islamic, Jewish, and East Asian influences. This composite civilization exhibits characteristics of Western rationalism and abstract thought alongside Eastern contemplative traditions and mysticism, while also adopting Western-style market economies and political systems [Gumilev 2007]. This process of absorbing and synthesizing multiple civilizations has endowed Russian culture with the profound complexity and diversity. Consequently, this geopolitical characteristic has made the examination of cross-civilizational exchanges and connections another central focus in Russian intellectual history. Early Russian geopolitical theories emerged largely from studying this unique civilizational identity, including Nikolay Danilevsky's and Konstantin Leontiev's works on Slavophilism, as well as Pyotr Savitsky's and Lev Gumilev's Eurasianism theories. Gumilev and other Eurasianist scholars particularly emphasized the significant impact of Eastern civilizations on Russia's historical development, arguing that Asian influences played a crucial role in forming a unified Russian state [Petrov 2008].

From an overall perspective, research on Russian affairs under the Nativist paradigm mainly encompasses three aspects. First, it emphasizes that the study of Russia must begin with understanding the endogenous development process of Russian civilization, rather than strictly following Westernist analytical approaches. The partial rejection by Russian scholars of the comparative analysis approach is implicit in this view. They argue that understanding Russia should begin internally, rather than by making direct comparisons with the development of other countries. Therefore, Nativist scholars are less critical in their analysis of Russia's institutional changes. Numerous Russian scholars, including Western ones such as Richard Sakwa, believe that the elements of authoritarian politics in Russia's historical tradition have played a role in overcoming party biases, mobilizing resources for long-term development, and achieving compatibility with Western democratic systems. Second, the Nativist paradigm encompasses several ideological factions, including Slavophilism, Populism, and Eurasianism. Among these, the Slavophile school maintains a particularly critical stance toward the Western world while emphasizing Russian (Slavic) ethnic and religious characteristics, advocating the preservation rather than abandonment of Slavic historical traditions. In international relations, deeply influenced by the Eastern Orthodox thought, the Slavophile school calls for uniting Slavic peoples to form alliances protecting Russian and Slavic interests¹. They argue Russia should not strategically align with the West but should instead pursue unique national interests grounded in its history. On the other hand, the Eurasian school emphasizes Russia's unique "Eurasian characteristics" from a geographical standpoint. It strongly critiques idealistic Atlanticism, while simultaneously rejecting radical nationalism and Pan-Slavism². The Eurasian school argues that Russia should carve out a path between the European and Asian civilizations that reflects its own distinct values through the "Eurasian civilization" and the "Eurasian way". Third, the Nativist paradigm offers a strong explanatory framework for understanding Russia's development trajectory in the 21st century. Nativists advocate for the "great power" strategy, which seeks to achieve development while maintaining Russia's strong national authority and asserting its independent geopolitical influence across Eurasia. This viewpoint is frequently echoed in President Putin's speeches, where he emphasizes: "Our country and its institutions have always played an extraordinarily important role in the lives of the state and its people". For Russians, a strong state is not something to be eliminated. On the contrary, they believe that a strong state is necessary to establish and maintain order, and to initiate and drive change. This "great power" strategy represents a return to Russia's traditional developmental path and a fusion of Slavophilism and Eurasianism. Advocates of the great power ideology wield considerable influence within the Putin administration and represent the most mainstream political thought within contemporary Russian political and international relations academia [Ivanov 2001].

In summary, Westernism and Nativism are the two most important perspectives for studying Russian affairs within the scope of area studies on a global scale today. Although there are significant differences between the two in terms of theoretical perspectives, analytical methods, and

¹ Within the context of uniting Slavs, different Slavophile scholars hold varying views on the specific targets and scope of this unity.

² The stance of Neo-Eurasianism toward Neo-Slavism is complex, with different Eurasian scholars holding differing views. On the one hand, Neo-Eurasianism views the entire Eurasian continent as the main stage for its geopolitical strategy, rejecting the notion of confining Russia's geopolitical interests to the Slavic world, and critiques the nationalist views as detrimental to Russia's geopolitical interests. However, many Neo-Eurasian scholars, such as Aleksandr Dugin, are also influenced by Neo-Slavism, resulting in certain nationalist inclinations. Moreover, the critiques of Atlanticism by Neo-Slavism during the 1990s have facilitated the development of Neo-Eurasianist thought.

real-world impact, both paradigms have undeniably contributed to the development of Russian affairs research to varying degrees, each giving rise to distinctive analytical themes. In fact, research on Russian affairs within China's area studies field has been greatly influenced by these two perspectives. It has also incorporated contemporary China's diplomatic, economic, and social needs, forming a uniquely Chinese approach to the study of Russian affairs. The key challenge facing Chinese academia in the future will be how to transcend these two paradigms.

Development of contemporary China's research on Russian affairs from the perspective of area studies

Due to the profound influence of the Soviet Union on contemporary Chinese history and its surrounding environment, research on Russian affairs within the framework of area studies in China is essentially rooted in Soviet studies. Owing to the ideological and geographical proximity once shared between the two countries, China's research on Soviet issues achieved significant success in the past. This laid a solid foundation for the development of Russian affairs research in China after the end of the Cold War. With the emergence and establishment of area studies, contemporary Chinese research on Russian affairs now faces a new round of developmental opportunities. Area studies research is characterized by its cross-regional, interdisciplinary, and spatiotemporal dimensions, which undoubtedly play a crucial role in helping Chinese academia establish a research paradigm on Russian affairs that transcends both Westernism and Nativism.

Under the guidance of area studies, current Chinese research on Russian affairs mainly exhibits the following four characteristics.

First, the overall number of academic journal papers on Russian affairs has remained relatively stable. A search of literature on Russia in the China National Knowledge Infrastructure (CNKI) reveals that over the past decade (2013–2023), academic journal articles on Russia have totaled more than 48,000, with more than 5,000 articles published annually from 2014 to 2017. Although the number of publications has been impacted by external factors such as the COVID-19 pandemic, more than 3,000 papers have been published each year (as shown in Figure 1). Among these, articles published in Chinese Social Sciences Citation Index (CSSCI) journals undoubtedly represent the core content of domestic academic research in this field. In recent years, the number of papers in the field of Russian studies has remained stable, with more than 500 papers published annually. This indicates that a relatively stable academic community has been established in the field of Russian affairs, producing steady academic contributions every year. The stability of this academic community is of immense importance to the development of Russian affairs research in China.

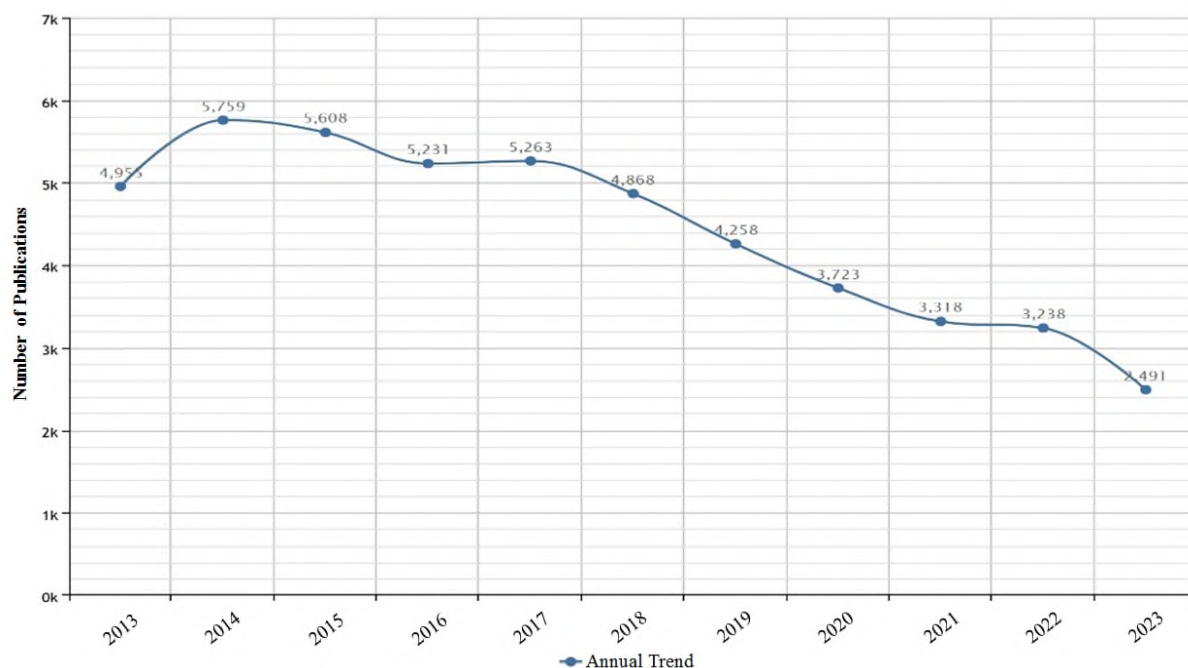

Figure 1. Publication trend on “Russian Studies” in CNKI from 2013 to 2023.

Source: China National Knowledge Infrastructure (CNKI).

At the same time, the relatively stable and distinctive academic journal construction is also one of the advantages of Russian studies within the field of area studies. Among the articles published in CSSCI academic journals, nearly 70% of the papers on Russian studies are published in four journals with the distinct area studies characteristics: “Russian and East European Studies”, “Russian Studies”, “The Russian Literature and Arts”, and “The Northeast Asia Forum”. The stable academic journal publication channels are an important support for the development of contemporary Chinese research on Russian affairs. In addition, due to the particularity of Soviet and Russian studies, the journals such as “Foreign Social Sciences”, “Foreign Theoretical Trends”, and “Contemporary World and Socialism” also serve as important platforms for publishing research on Russian affairs. As shown in Figure 3, from the perspective of the institutions of authors publishing in CSSCI journals, the development of Russian studies in China also demonstrates a clear regional characteristic. The main contributors to Russian studies in China are universities and research institutions in the northeastern region, Beijing and Shanghai. These regions form the core of the academic community in Russian studies. Universities and research institutions outside of these three regions have relatively low levels of participation in related research.

It is noteworthy that the outbreak of the Russia-Ukraine conflict in 2022 has had a profound impact on Russia’s development path, marking a significant historical turning point. Although overall statistics show a decline in the number of publications on Russian studies in China after 2022 (likely due to the substantial changes in the conditions and issues facing Russia), academic paper output in CSSCI journals has remained stable, with approximately 600 papers published annually (602 in 2021, 588 in 2022, and 593 in 2023). This indicates that the academic output of China’s research community on Russian affairs remains relatively stable, and the outbreak of the Russia-Ukraine conflict has not caused significant shifts. Although the content and methods of research have changed, the overall stability of the research subject will undoubtedly contribute to the future development of Russian studies.

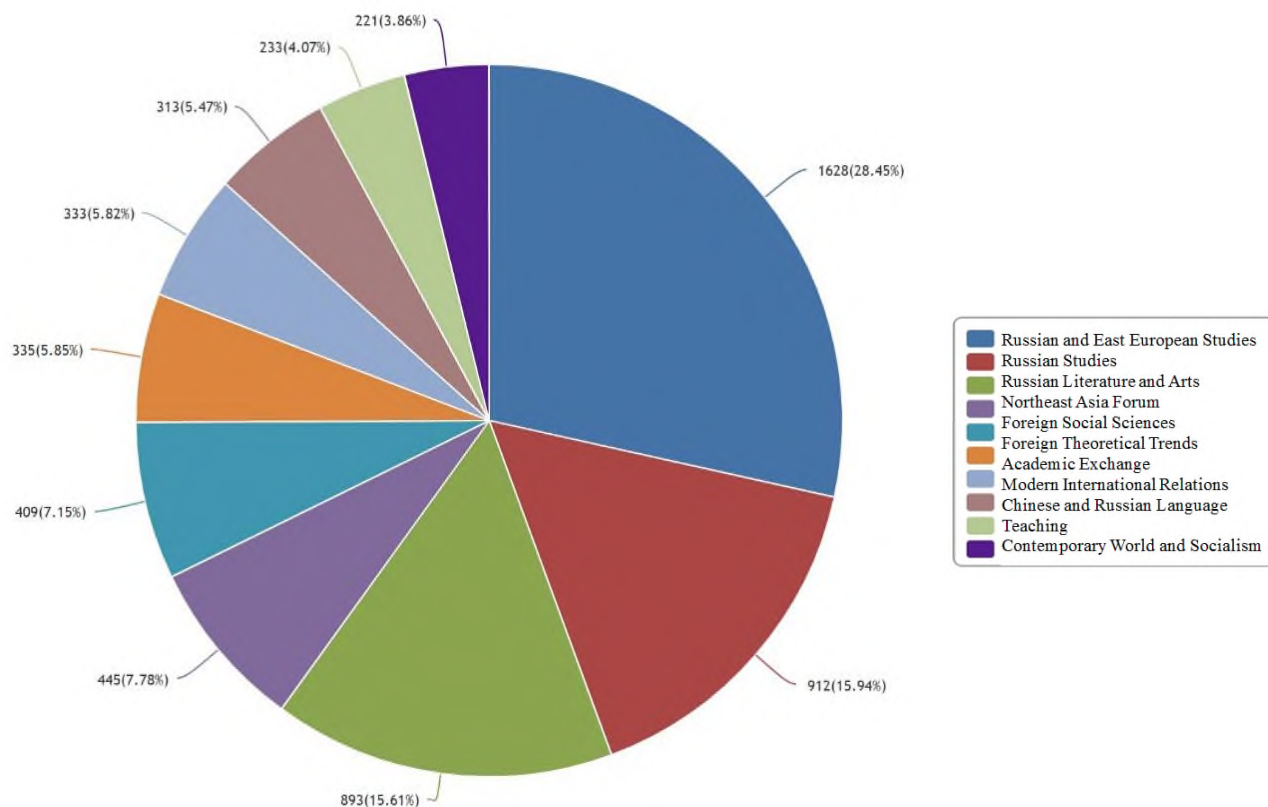

Figure 2. Distribution of CSSCI journal papers with “Russian Affairs Studies” as the main focus.

Source: China National Knowledge Infrastructure (CNKI).

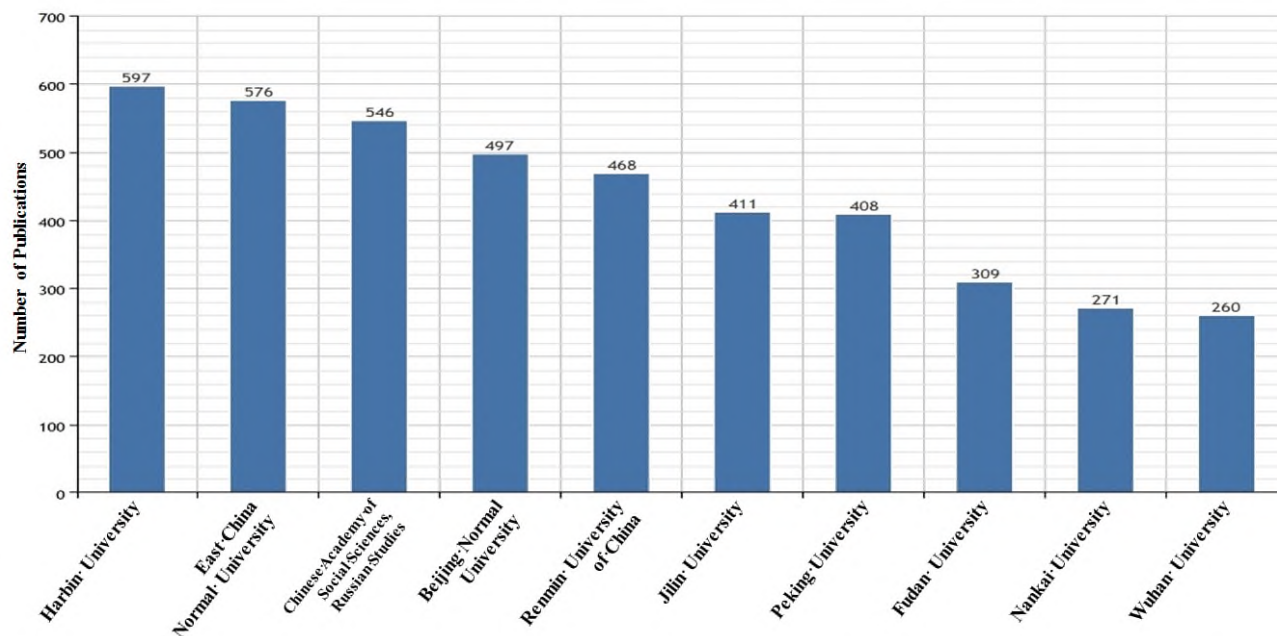

Figure 3. Institutions of authors publishing papers on Russian studies in CSSCI journals.

Source: China National Knowledge Infrastructure (CNKI).

Second, research on practical issues is the dominant direction of current Russian affairs studies in China's area studies field. A statistical analysis of articles published in three professional journals – "Russian and East European Studies", "Russian Studies Journal", and "Russian Studies" – reveals that out of 432 articles published in these journals, over 420 focus on practical issues. This indicates that contemporary Russian affairs research in China is still highly concerned with real-world problems. The focus on issues such as Russia's domestic political, economic and social realities, as well as their causes and trends, far outweighs the attention given to theoretical issues within Russian studies. On the one hand, this highlights the importance of Russian affairs research in the area studies field. The political, economic and diplomatic changes in Russia are closely linked to China's peaceful development and will undoubtedly have a significant impact on its foreign strategy, especially with the continued advancement of the Belt and Road Initiative. As a result, the mainstream focus of current Russian affairs research is on these practical issues. On the other hand, this also reveals a noticeable gap in the theoretical and methodological development of Russian studies within China's academic community. Particularly as a significant progress has been made in area studies, the challenge now lies in how to extract valuable experiences and paradigms for the overall development of area studies through research on Russian issues. This is of crucial importance for the future development of Russian affairs research.

Third, interdisciplinary integration is an important characteristic of the development of Russian affairs research in China within the framework of area studies. Interdisciplinarity is a key feature that distinguishes area studies from other traditional humanities and social sciences, and it is also a primary goal of talent cultivation within the discipline. Due to Russia's status as a major power, along with its complex historical development and contemporary issues, the specific topics within China's research on Russian affairs are relatively complex. As shown in Figure 4, from the disciplinary distribution of papers published in CSSCI journals, although political and diplomatic issues remain the mainstream focus of Russian affairs research, the scope of domestic Russian studies has expanded to include nearly all major topics in the humanities and social sciences, including politics, economics, society, history, education, culture, and law, thereby forming a relatively comprehensive interdisciplinary system. This development is partly the result of the academic foundation laid by China's Soviet studies, and partly due to the continued growth of China's Russian studies academic community since the 1990s. The emergence of an interdisciplinary approach is beneficial for the future development of a uniquely Chinese "Russian Studies" within the domestic area studies field, and it has significant positive implications for constructing regional studies that reflect China's characteristics.

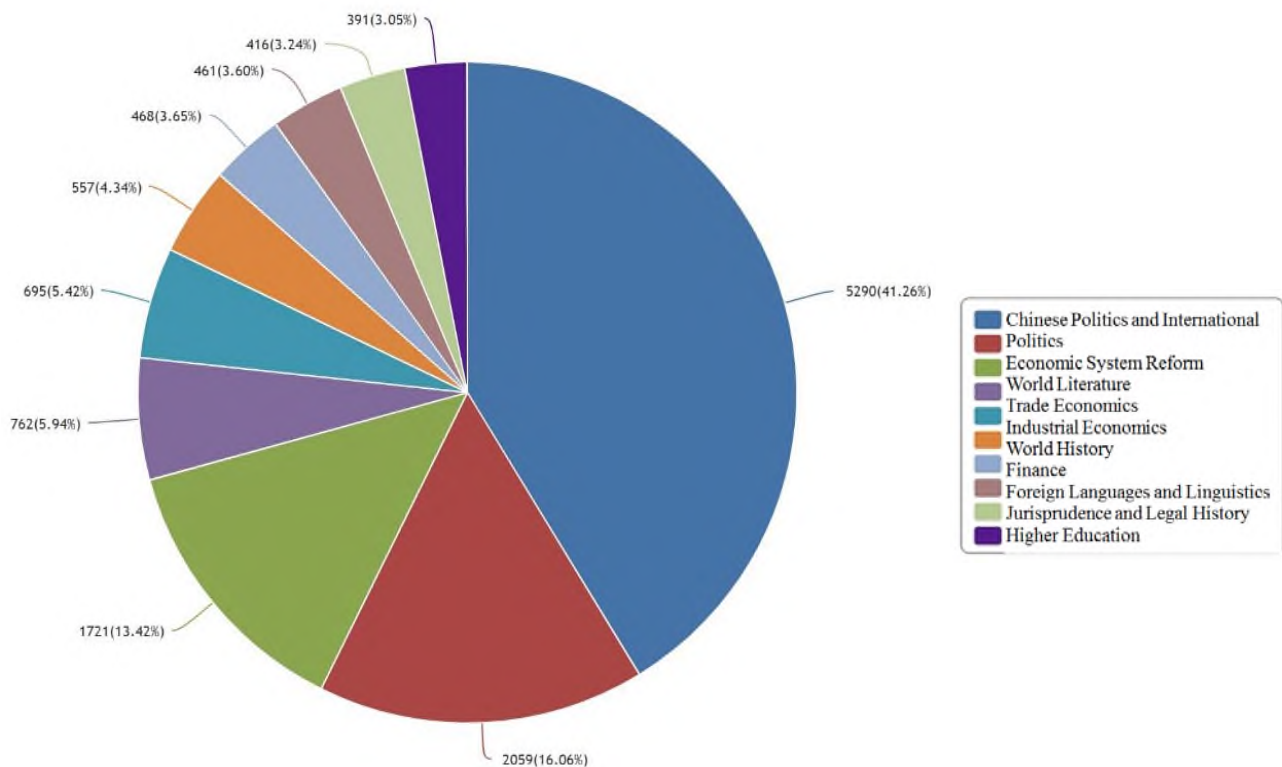

Figure 4. Major disciplines involved in academic papers on Russian studies published in CSSCI journals.

Source: China National Knowledge Infrastructure (CNKI).

Fourth, Chinese scholars of Russian affairs attempt to establish academic content in certain areas that goes beyond traditional paradigms such as Westernism and Nativism, aiming to develop a Russian affairs research framework with Chinese characteristics. Professor Feng Yujun points out that China's academic community on Soviet and Russian issues not only needs to continue consolidating and deepening exchanges with Russian scholars but must also strengthen communication with researchers from other countries. Chinese scholars should strive to secure a place in the international Slavic academic community and observe the multifaceted Russia through multiple lenses [Feng Yujun 2021]. Therefore, understanding diverse Russian research paradigms and expanding new perspectives in domestic Russian affairs research has become a key challenge that must be addressed within the framework of area studies in China. In recent years, more scholars have started to introduce and apply new research paradigms and perspectives. For example, from 2011 to 2016, "Russian Studies" published six articles introducing Russian-Eurasian research from countries like the United States, Europe and Japan, recommending research methods that could be adapted domestically. These articles include: "The 'British School' of Russian Studies: Historical Development, Ideological Spectrum, and Contemporary Features" by Feng Shuai, published in the 3rd issue of 2016; "The 'Japanese Paradigm' of Slavic-Eurasian Studies" by Yan Dexue, published in the 1st issue of 2011; "The Soviet Political Studies by the Rand Corporation: Nathan Leites and the 'Politburo Action Guidelines'" by Hao Yakun; "The Core and Extension of Western Soviet Studies" by Yu Bin; "Friends or Foes?—U.S. Russian Political Studies After 1991" by Peter R. Ratliff; "Central Eurasian Studies in Japan: The Close Integration of Russian Studies and Eastern Studies" by Uchiyama Tomohiko and Cheng Yanyang [Yang 2019]. Over the years, institutions

such as the Russian and East European Studies Institute at the Chinese Academy of Social Sciences and the Russian Studies Center at East China Normal University have also been continuously promoting the introduction of the latest foreign research achievements on Russian affairs. In 2024, Professor Feng Shaolei published a three-volume work titled “Crisis and Order: Russia’s Foreign Relations in the Context of Global Transformation”, which attempts to explore the drivers of contemporary international processes and Russia’s role within this framework and the context of the global transformation of the international order [Feng Shaolei 2024]. These academic works aim to transcend the constraints of traditional Westernist and Nativist paradigms by constructing Russian affairs research from a global perspective, thereby establishing a beneficial attempt to develop Russian affairs research within area studies with Chinese characteristics.

From the overall development trajectory of contemporary Chinese research on Russian affairs, after the end of the Cold War, China’s relevant research inherited the fine traditions of Soviet studies and formed an academic community for Russian affairs research that is relatively stable in structure and capable of significant academic output. This has profound significance for the future development of China’s area studies, especially in the research of Eurasian issues. At the same time, the consolidation of interdisciplinary characteristics, as well as the efforts by domestic scholars to transcend the traditional Westernist and Nativist paradigms of Russian studies, are opening new avenues for research on Russian affairs in China.

Challenges faced by contemporary China’s research on Russian affairs

The emergence and development of area studies are closely linked to the enhancement of China’s international status and the expansion of national interests. Consequently, the essence of the discipline must align with these developments: it requires the PRC to gain a more accurate, detailed and clear understanding of the external world, while also urging the external world to understand China in a more objective, rational and positive manner. However, under the new conditions and demands, there are still many deficiencies in China’s research on Russian affairs within the framework of area studies. These deficiencies not only pose challenges to the existing domestic research on Russian affairs but also provide opportunities for the future development of related research fields. In general, the main challenges currently facing Chinese research on Russian affairs include the following three aspects.

First, the research on Russia’s economic issues needs to be further strengthened. As one of the world’s major economies and a superpower in the global energy sector, Russia’s economic development and energy transformation issues should remain at the core of Russian affairs research. Especially with China’s continued promotion of the Belt and Road Initiative and the deepening of the Russia-Ukraine conflict, Russia’s economy has become an exceptionally important topic both in the global economy and in regional studies. The outbreak of the Russia-Ukraine conflict has greatly altered Russia’s economic development environment. It has not only resisted the high-intensity Western sanctions but also, with the continuous expansion of the military-industrial production, begun to show certain characteristics of economic structural transformation [Xu Poling 2024]. The emergence of these issues presents new topics and directions for the study of Russian economy, which should be closely monitored when our countries engage in economic cooperation.

According to data from China National Knowledge Infrastructure (CNKI), research on Russia’s economy in China has shown a clear downward trend in publication volume in CSSCI

journals: from a peak of 33 papers in 2018 to just 10 papers in 2022. Meanwhile, as Russia's economic position changes, both international and Chinese economic journals are facing more practical difficulties in publishing related articles. This undoubtedly hampers China's research on Russia and undermines the expansion of the China-Russia comprehensive strategic partnership in the new era. Therefore, one of the significant challenges for Russian affairs research in China, under the framework of area studies, is how to conduct high-level research on Russia's long-term economic transformation and short-term responses to Western sanctions amid the Russia-Ukraine conflict.

Second, the sub-national level of research in contemporary Russian studies still needs to be expanded. In the past research on Russian affairs, especially in the studies related to politics and diplomacy, Chinese scholars have tended to examine Russia as a unified concept, exploring the changes in its historical development, as well as adjustments in its political structure and state-society relations. However, it is important to note that there is an increasingly evident trend of a "domestic political turn" in contemporary international studies. This trend shares many similarities with the characteristics of area studies: it emphasizes the internal diversity of actors and places a strong focus on how internal differences significantly impact decision-making. From this perspective, Russia's development path and decision-making characteristics are shaped by complex internal interactions and effects, with sub-national elements playing an increasingly prominent role. Research on this issue is undoubtedly an area where China's research on Russian affairs needs to be further strengthened.

In terms of sub-national elements, there are two issues that are especially worth attention. The first is research on the central-local relations, which are a critical component of Russia's federal political structure. Therefore, effectively analyzing the current central-local relations within the Russian Federation is undoubtedly one of the most important topics in Russian studies. Particularly, with the emergence of Russia's "Eastward Turn" strategy, the development of the central-local relations and their impact on politics and diplomacy are key issues in Russian affairs research [Xu Bo 2019]. The second issue concerns research on sub-national actors. Due to Russia's historical pattern of a strong state and weak society, state power has long served as the primary point of departure in the study of Russian politics. However, in the 21st century, with the emergence of civil society and a middle class in Russia, many characteristics of the state-society relations are undergoing significant changes [Pang 2020]. Shifts in local political elites and the emergence of new domestic social issues, such as environmental protection, are the results of sub-national actors' influence [Xu, Zhong 2022]. These issues are of great significance for the country's future development, and are also areas that need more attention in future Russian studies.

The third issue is the need for in-depth tracking of Russian public opinion. Public opinion research is a significant topic in political science and sociology, closely linked to the development of electoral studies. As a "barometer" of Russian society, public opinion holds an important place in Western studies on Russia. The leading Russian studies journals, such as "Post-Soviet Affairs" and "Eurasian Studies", regularly publish research on Russian public opinion, covering such topics as the influence of domestic corruption on public political attitudes and the preferences of voters regarding emerging domestic issues [Reisinger et al. 2016]. In the past, Chinese scholars have often focused on elite politics as the core of Russian politics, with research on political elites far surpassing studies on Russian public opinion. However, with the ongoing expansion of globalization, the rise of information technology and the growth of populism, focusing solely on

elite politics no longer provides a comprehensive understanding of Russian politics. In this regard, research on public opinion can undoubtedly provide new and powerful support for a deeper understanding of the Russian society. Moreover, as an important feature of China's area studies, strengthening the tracking of Russian public opinion and gaining a deeper understanding of the views of different regions and social classes toward Sino-Russian relations is an important starting point for conducting in-depth research on Russian public opinion. This will also lay a deeper and more reliable foundation for fostering bilateral people-to-people exchanges in the future.

Future directions for contemporary China's research on Russian affairs

Clearly, Russia-related studies in China have made significant progress since the end of the Cold War and have maintained a vigorous academic vitality. However, in the face of the historical opportunities for the establishment and development of area studies and the new challenges presented by the unprecedented changes in the global landscape, contemporary China's research on Russian affairs can still make further progress in many areas, thus laying the foundation for the creation of the uniquely Chinese "Russia Studies" paradigm and perspective.

Specifically, the following four aspects can be seen as potential future directions for expanding China's research on Russian affairs.

First, promoting the decentralization of research topics to form a more comprehensive understanding of Russia's complexity. According to data from CNKI, nearly half of the published academic articles on Russia are focused on political, diplomatic issues, and Sino-Russian relations. While this research focus contributes to a better understanding of bilateral relations and Russian political processes, it has led to the neglect of other important issues, especially the study of Russia's socio-economic development. Therefore, future research on Russian affairs in China should advocate for decentralizing research areas, with particular emphasis on economic and social structural changes. This would facilitate a more comprehensive understanding of Russia's ongoing transformation in the 21st century, especially in the context of the Russia-Ukraine conflict. Even within the realm of politics and diplomacy, Chinese scholars should advocate for a greater focus on domestic political issues in Russia, such as central-local relations, political elite transformation, and changes in sub-national actors. This would prevent the over-concentration of research resources in foreign policy and diplomatic topics. Such decentralization of topics would also help in better assessing Russia's future development trajectory.

Second, encouraging domestic scholars to conduct fieldwork on Russian studies. Fieldwork is an important research method in area studies and is widely applied in sociology and political science. Given Russia's vast territory, its significant regional differences and diverse ethnic composition, many political, economic and social phenomena cannot be explained by a unified standard or approach. Therefore, fieldwork plays an irreplaceable role in this context. In the Slavic and Russian studies in the United States, European countries and Japan, fieldwork is considered a very important, even the most critical, research method. However, Chinese scholars have often overlooked this method due to various limitations in the past. Particularly in public opinion studies, conducting detailed fieldwork to better understand Russia will be beneficial to the construction of Sino-Russian strategic partnership.

Third, enhancing the emphasis on quantitative research, especially in the expansion of quantitative studies in Russian political research. From the perspective of global trends in

international research, quantitative analysis has inherent advantages, especially in the context of the rapid development of big data. Although quantitative research is not a cure-all for every issue, it has advantages that qualitative research often cannot match, especially in determining causal relationships and deriving variables. Overall, quantitative research, having undergone continuous development, has formed a collective research type with shared standards and a significant impact on disciplines both domestically and internationally. However, it is still rarely applied in domestic Russian studies. This is partly due to the educational background in Russian studies within China. However, well-conducted quantitative research could undoubtedly provide new insights into understanding Russian issues. Correspondingly, in CSSCI journals focused on Russian studies, quantitative research has been widely applied, covering topics such as central-local elections, public opinion, elite composition, and social governance. Therefore, increasing the emphasis on quantitative research and publishing more papers involving quantitative studies will be one of the key means to expand the international influence of Chinese research on Russian affairs.

Fourth, research on Russian affairs within the framework of area studies in China should still aim to establish content that transcends the Nativist and Westernist paradigms. As mentioned earlier, Nativism and Westernism are the two dominant trends in contemporary Russian studies. Since many Chinese scholars of Russian affairs have academic backgrounds from studying in Russia, Nativism has long dominated. However, with increasing international exchanges, especially with Western academia, the influence of the Westernist paradigm on Chinese scholars has become undeniable. Fundamentally, both paradigms are “imported” from abroad. Therefore, effective combination of qualitative and quantitative research and integration of the beneficial elements of both Nativism and Westernism to establish a distinctive “Russian Studies” content and methodological approach with Chinese characteristics remains the ultimate goal of Russian studies from the perspective of area studies.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. Москва: АСТ, 2007.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Москва: Книга, 1991.

Иванов И.С. Новая дипломатия России. Десять лет внешней политики страны. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

REFERENCES

Danilevskiy N.Ya. (1991). *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga. (In Russian).

Gumilev L.N. (2007). *Konets i vnov' nachalo* [The end and the beginning again]. Moscow: AST. (In Russian).

Ivanov I.S. (2001). *Novaya diplomatiya Rossii. Desyat' let vneshney politiki strany* [Russia's new diplomacy. Ten years of the country's foreign policy]. Moscow: OLMA-PRESS. (In Russian).

Bi Hongye (2009). *Russia-Europe Relations Research*. Beijing: Central Compilation & Translation Press.

Feng Shaolei (2024). Crisis and Order: Issues of Global Transformation in the 21st Century. *Russian Studies*, 3.

Feng Yujun (2021). The Significance of Russia to China and Research Methods on Soviet and Russian Issues. *International Forum*, 6. DOI 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2021.06.007

Gu Zhihong (2010). *Facts and Reality: Russian Geopolitics and Diplomacy*. Changchun: Changchun Publishing House.

- Pang Dapeng (2020). *Russia's Development Path: Domestic Politics and the International Community*. Beijing: Social Sciences Literature Press.
- Pipes Richard (2023). *Russia under the Old Regime*. Beijing: Democracy and Construction Press.
- Petrov Vasily (2008). *Russian Geopolitics*. Beijing: Social Sciences Academic Press.
- Reisinger W.M., Zaloznaya M., Hesli Claypool V.L. (2016). Does everyday corruption affect how Russians view their political leadership? *Post-Soviet Affairs*, 33 (4): 1–21. DOI 10.1080/1060586X.2016.1227033
- Riasanovsky N.V. (1977). *A History of Russia*. New York: Oxford University Press.
- Tsygankov A.P. (2014). *The Strong State in Russia: Development and Crisis*. Oxford: Oxford Press.
- Xu Bo (2019). The Domestic Political Factors of Russia's 'Eastward Turn Strategy: Strategic Culture, Central-Local Relations, and Political Structure. *Contemporary Asia-Pacific*, 6.
- Xu Bo, Zhong Rui (2022). Analysis of Russia's Pragmatic Climate Policy. *Northeast Asia Forum*, 1.
- Xu Poling (2024). Unexpected Transformation: the Russia-Ukraine Conflict and Russia's Reindustrialization. *Cultural Review*, 2.
- Yang Lei (2019). Disciplinary Development of China's Russian and Central Asian Studies Over Forty Years of Reform and Opening-Up. *Russian Studies Journal*, 1.
- Zhao Kejin (2022). Core Paradigms, Evolutionary Trends, and Developments in Contemporary Russian Studies. *Russian Studies*, 2.

Поступила в редакцию:

17.07.2025

Received:

Jul 17, 2025

Принята к публикации:

24.08.2025

Accepted:

Aug 24, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-51-66

США, Китай и Латинская Америка в тарифном противостоянии

Сафронова Елена Ильинична¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Основная задача статьи – охарактеризовать как внешние, так и глубинные причины американского тарифного демарша, вскрыть их геоэкономические и геополитические предпосылки. Работа строится на рассмотрении тарифных пертурбаций в рамках треугольника «США – Китай – Латинская Америка», потому что именно латиноамериканский континент ныне находится на перекрестье интересов США и КНР в незападном мире, обладая по сравнению с другими регионами Глобального Юга особыми преимуществами.

В статье подтверждается мысль о том, что практика протекционизма, включая введение тарифов, в настоящее время утратила функцию торгово-экономического механизма, превратившись в инструмент политического давления и санкций. Автор характеризует условия, при которых американские тарифы могли бы иметь если не полный, то компромиссный успех в диалоге с КНР, а также те меры, которые избрал Китай для демпфирования американской тарифной «атаки». Также описано текущее состояние китайско-бразильских отношений в свете тарифной угрозы и отмечен факт участия стран Латинской Америки в практике протекционизма относительно китайских товаров, что объясняется не только стремлением защитить внутренних производителей, но и нежеланием размежеваться с США.

Ключевые слова: Китай, США, Латинская Америка, Мексика, китайско-бразильские отношения, тарифы, протекционизм.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2021-0009 «Современная внешняя политика КНР и взаимодействие РФ и КНР в межгосударственной, экономической, других практических областях и во внешнеполитической сфере, в том числе в многосторонних форматах (РИК, БРИКС)»).

Для цитирования: Сафронова Е.И. США, Китай и Латинская Америка в тарифном противостоянии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 51–66. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-51-66

US, China and Latin America in the tariff standoff

Safronova Elena I.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The main objective of the article is to characterize both the external and underlying reasons for the American tariff demarche, to reveal their geoeconomic and geopolitical prerequisites. The work is based on the consideration of tariff perturbations within the triangle “USA–China–Latin America”, because it is the Latin American continent that is now at the crossroads of the interests of the USA and China in the non-Western world, possessing special advantages compared to other regions of the Global South.

The article confirms the idea that the practice of protectionism, including the introduction of tariffs, has currently lost the role of a trade and economic mechanism, turning into an instrument of political pressure and sanctions. The author characterizes the conditions under which American tariffs could have, if not complete, then compromise success in dialogue with the PRC, as well as the measures that China has chosen to dampen the American tariff “attack”. The author also describes the current state of Sino-Brazilian relations in the light of the tariff threat and notes the fact of the participation of Latin American countries in the practice of protectionism against Chinese goods. This can be explained not only by the desire to protect domestic producers, but also by the reluctance to distance themselves from the United States.

Keywords: China, USA, Latin America, Mexico, Sino-Brazilian relations, tariffs, protectionism.

Author: Safronova Elena I., PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117977, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0009 “The modern foreign policy of the People's Republic of China and the interaction of the Russian Federation and the PRC in interstate, economic, other practical areas and the foreign policy sphere, including multilateral formats (RIC, BRICS)”).

For citation: Safronova E.I. (2025). SSHA, Kitay i Latinskaya Amerika v tarifnom protivostoyanii [US, China and Latin America in the tariff standoff]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 51–66. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-51-66

Введение

Введение США повышенных тарифов в торговле с немалым числом их коммерческих партнёров¹, несомненно, поставило многих из них перед необходимостью найти адекватный ответ на эти меры, способный если не нивелировать, то минимизировать последствия тарифной «атаки». Возникает закономерный вопрос: каковы не только видимые, но и глубинные и потому более весомые причины американского тарифного демарша?

¹ Список стран, в отношении которых США введены торговые тарифы, содержит 184 государства и территории, включая страны-члены Европейского союза. Ставки тарифов для 57 из них подверглись в апреле 2025 г. «корректировке», а точнее, увеличению (за исключением трёх беднейших стран Африки, для которых они были снижены) (Tariff Rates by Country 2025. *World Population Review*. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/tariff-rates-by-country> (accessed: Jul 19, 2025). См. также: Annex I. *White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/04/Annex-I.pdf> (accessed: Jul 19, 2025)). Понятно, что подавляющее большинство американских торговых контрагентов несут тарифную нагрузку, размер которой, похоже, может измениться непредсказуемым образом.

Наиболее очевидный аспект – это выполнение экономических задач², а именно:

1. Путём повышения тарифов *увеличить государственные доходы и тем самым сократить отрицательность сальдо торгового баланса США*. Размер тарифов, объявленных 2 апреля (названного Д. Трампом «днём освобождения»), объясняется для конкретной страны-контрагента величиной её профицита в товарообороте с США. Чем больше профицит – тем более высокий «назначался» тариф³.

2. Путём введения ввозных пошлин *сократить прибыльность производства за рубежом и тем самым побудить к возвращению в США ряд отраслей, придав импульс внутреннему производству*. Производство редкоземельных металлов может послужить примером такой отрасли. Так, не сумев противостоять ценовой конкуренции со стороны китайских редкоземельных элементов, США были вынуждены в 1970–1980-х гг. свернуть своё производство редкоземельных элементов (подробнее см. [Сафронова 2024]). Сделав сейчас импортные редкоземельные элементы особенно дорогими при помощи их жёсткой таможенной тарификации, можно попытаться оживить внутреннее производство, становящееся более рентабельным.

Существуют и политические задачи.

1. Понятно, что *значительное повышение тарифов для стран-экспортёров со стороны США, крупнейшего мирового потребителя, резко усиливает глобальную тенденцию к реорганизации производственных цепочек* [Carvalho de Oliveira et al. 2025]. Это рискованная, но эффективная игра на перспективу. Похоже, что генеральная цель США заключается именно в этом, а соображения финансовой выгоды исполняют вспомогательную роль.

2. Другая задача заключается в том, чтобы под угрозой введения новых пошлин *побудить страны-партнёры изменить в интересах США своё внешнеполитическое или внешнеэкономическое поведение ещё до фактического применения новых тарифных ставок*. Ныне Вашингтон пытается путём жёстких переговоров оказать давление на страны Глобального Юга (ГЮ) и Европы прежде всего для того, чтобы принудить их ограничить торговлю с КНР. Это может касаться не только торговых ограничений, но и сокращения объёмов инвестиций и иных рестрикций, призванных помешать Китаю экспортировать свою продукцию, особенно от избыточных мощностей.

Отсюда ясно, что основной, до недавних пор не артикулируемой предпосылкой введения новых американских тарифов являются интересы геополитического свойства, а именно – улучшение позиций США в соперничестве с Китаем. Две крупнейшие глобальные экономики находятся в состоянии торговой войны, которая охватила практически все страны мира, включая более 30 государств Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК). Поскольку КНР весьма активно развивает свои политико-экономические связи с ЛАК, добившись там немалых успехов, можно рассматривать тарифную политику США в отношении этого региона как важную часть стратегии по глобальному сдерживанию Китая.

² См.: Executive Order 14257 – Regulating imports with a reciprocal tariff to rectify trade practices that contribute to large and persistent annual United States goods trade deficits. *US Federal Register*. URL: <https://public-inspection.federalregister.gov/2025-06063.pdf> (accessed: 19 Jul, 2025).

³ Здесь следует отметить, что этот принцип США соблюдают далеко не всегда. Сейчас в определении величины тарифа бóльшую роль играют соображения политического толка, о чём будет сказано ниже.

Торговые тарифы как механизм политического воздействия

То, что тарифные «игры» ныне имеют мало отношения к коммерции, а служат средством внеэкономического давления, наглядно подтверждается объявленным 10 июля 2025 г. намерением Вашингтона ввести 50 %-ные пошлины на всю продукцию Бразилии – крупнейшего латиноамериканского партнёра КНР. Соответствующие тарифы запланировано ввести с августа 2025 г.

В первую половину 2025 г. США свели свой торговый баланс с Бразилией с профицитом в 3,2 млрд долл.⁴. Так что оправдание нового тарифа упомянутыми выше экономическими соображениями не видится убедительным, тем более, что Д. Трамп прямо заявил о намерении ввести пошлину в качестве наказания за «плохое политическое поведение». В июле Бразилия, как председатель БРИКС 2025-го года, вместе с Китаем и другими членами этого форума сделала политические заявления, по мнению Вашингтона, противоречащие интересам США. Поиск БРИКС альтернативы доллару как расчётной единицы также объясняет 50 %-ный тариф для Бразилии и 10 %-ный тариф для всех стран-участниц объединения. По словам Трампа, «если они являются членами БРИКС, им придётся платить 10 %-ный тариф только за это – и членами они будут недолго»⁵. Кроме того, Трампу не понравилось юридическое преследование бывшего президента Бразилии – проамерикански настроенного Ж. Болсонару, обвиняемого в попытке государственного переворота после избрания Л.И. Лулы да Силва на новый срок.

Решение Д. Трампа ввести дополнительный 10 %-ный тариф для стран, разделяющих «антиамериканскую политику» БРИКС, бросает новый геополитический вызов членам форума. Эта угроза, лишённая чётких критериев и не обговорённая по официальным каналам, призвана умалить суверенитет стран БРИКС, используя торговлю как механизм наказания и изоляции.

Вашингтон не остановило даже то, что на Бразилию приходится 55 % импортируемой США железной руды и страна остаётся для американцев главным поставщиком кофе – товара их насущного потребления. Вzlёт цен на кофе уже выражается двузначными числами, дополняя и так высокую инфляцию в США⁶.

Опасения по поводу роста тарифов сказались и на вопросе об экспорте бразильской меди, цены на которую в течение первых дней июля выросли более чем на 10 %. Если 50 %-ный трамповский тариф (объясняемый в том числе намерением США вернуть производство меди на свою территорию) будет введён, то это, несомненно, увеличит цену на медь на мировых рынках. Рост цен на этот металл напрямую «бьёт» по интересам Китая, его крупнейшего потребителя.

Можно утверждать, что торгово-тарифная война – это и форма, и результат конкуренции между США и Китаем за сырьевые ресурсы. Однако всюду нужна мера: гонка

⁴ Tariffs are no longer just about trade. Editorial. *Bloomberg*, Jul 15, 2025. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2025-07-15/tariffs-are-no-longer-just-about-trade> (accessed: Jul 19, 2025).

⁵ Цит. по: Liu John, Egan Matt. Trump promises more tariff letters and warns BRICS of what's coming. *CNN*, Jul 9, 2025. URL: <https://edition.cnn.com/2025/07/09/business/tariffs-trump-letters-threat-brics-intl-hnk> (accessed: Jul 19, 2025).

⁶ Authers John. 50 % Brazil tariffs are about punishment, not trade. *Bloomberg*, Jul 10, 2025. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/newsletters/2025-07-10/50-brazil-tariffs-are-about-punishment-not-trade> (accessed: Jul 19, 2025).

за сырьём и его чрезмерное накопление «впрок» может не только повысить цены, но и привести к снижению мировых запасов ниже критических уровней, необходимых для поддержания рыночного функционала⁷.

США, Китай и Латинская Америка: хождение по тарифным лабиринтам

Насколько линия США по «воспитанию» мирового сообщества – прежде всего Китая – путём тарифной войны может быть успешной, зависит от всех затрагиваемых сторон. Во-первых, от политики самих США, а точнее, от их готовности пересечь четыре «красные линии», проведённые Пекином для обозначения границ допустимого в американо-китайском диалоге. Эти линии таковы: тайваньская проблема, права человека в КНР, социально-экономическая система Китая, а также право страны на развитие без искусственных препятствий (к которым как раз и относятся тарифные ограничения и иные формы протекционизма). Для Китая, как представляется, более болезненным является нарушение США первых трёх линий (имеющих для КНР экзистенциальное значение), которое может повлиять на государство серьёзнее, чем ущемление его текущих экономических позиций. При реальной угрозе этим линиям Китай, на наш взгляд, ещё способен пойти на компромиссы.

Во-вторых, от политики Китая, который, в случае невозможности справиться со своими внутренними экономическими трудностями в одиночку, будет вынужден пойти на уступки в торговых коллизиях с США, уменьшив на время активность в Западном полушарии, и сфокусироваться на позициях в «собственном» регионе, а именно в Восточной Азии, – или же укреплять отношения с ЕС.

Модель развития КНР по-прежнему нацелена на раскрытие потенциала потребления и на расширение производства в опоре на капиталовложения и экспортные поступления. Без внешних инвестиций и торговли Китаю может прийти нелегко, даже при всей масштабности его собственных капиталовложений, направляемых за рубеж потому, что они там находят более рентабельное применение. Если США волевым усилием пойдут на параллельное массированное ограничение как своих ПИИ в КНР, так и китайских инвестиций в США, это чревато для КНР ощутимым ущербом. Однако такая мера крайне маловероятна из-за её невыгодности для американских ТНК.

Способность Китая смягчать последствия тарификации будет зависеть от качества апгрейда его актуальной внешнеторговой политики. Продолжит ли Пекин активно девальвировать юань, поддерживая китайских экспортёров в попытке сохранить конкурентоспособность, что чревато аналогичной реакцией со стороны других развивающихся рынков и экономик? Такая конкурентная девальвация может повлечь укрепление доллара, что *политически* мало кому нравится на Глобальном Юге. Сможет ли Китай применить действенные фискальные стимулы для ускорения экономического роста, не усугубляя долговую ситуацию в собственной экономике, уже обременённой высоким уровнем

⁷ Authers John. 50 % Brazil tariffs are about punishment, not trade. *Bloomberg*, Jul 10, 2025. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/newsletters/2025-07-10/50-brazil-tariffs-are-about-punishment-not-trade> (accessed: Jul 19, 2025).

задолженности?⁸. По-видимому, для повышения эффективности внешнеэкономическая политика должна претерпеть определённую переакцентировку.

В марте 2025 г. ЦК КПК и Государственный совет КНР вскоре после «двух сессий» (两会, *лянхуэй*)⁹ совместно опубликовали Специальный план действий из 30 пунктов по стимулированию потребления. Это заявление, даже при отсутствии схемы его выполнения, вызвало немалый интерес, поскольку акцент на поощрении потребительских расходов мог сигнализировать о намерении Пекина отойти от экспортной ориентированности производства. Эта ориентированность обострила конкуренцию со внутренними производствами и со многими торговыми партнёрами Китая – от США до Бразилии, одновременно подпитывая избыточные мощности и подстёгивая ценовые войны. Рост потребления важен не столько потому, что он может простимулировать экономику, столько потому, что роль потребления подчинена целям более высокого порядка: в частности, изысканию средств на подъём Северо-Восточного Китая и поддержку производств ключевых потребительских товаров, таких как автомобили и бытовая электроника, которые уже сильно пострадали от внешних тарифов¹⁰.

В-третьих, успех «тарифной войны» для США зависит от политики стран Латинской Америки: от их настроенности либо терпеть «принудительную дипломатию» Вашингтона, либо переориентироваться на новые партнёрства, причём не только с Китаем. Чрезмерное давление США, на наш взгляд, уже даёт ощутимый импульс доселе проблемному на уровне интеграционных объединений диалогу Латинской Америки с европейскими странами, а именно – кооперации Общего рынка стран Южного конуса (МЕРКОСУР¹¹) и Европейского союза, в частности, путём создания долгожданной зоны свободной торговли (ЗСТ). Европа приблизилась и к соглашению о свободной торговле с Мексикой. Думается, что достижение соглашения о партнёрстве между ЕС и МЕРКОСУР в декабре 2024 г., после 25 лет переговоров¹², является красноречивым свидетельством настроя ЛА на срочное расширение круга партнёрств.

Тарифная политика Д. Трампа, несомненно, дезорганизовала процессы глобальной коммерции, включая торговлю Китая с его латиноамериканскими партнёрами. И пока страна оказывается в самом невыгодном положении в контексте американских тарифов. При всех изошённых обсуждениях новой тарифной ставки, для Китая она достигнет 27,4 %. Если добавить к этому 20 %-ный тариф «на фентанил», введённый в марте 2024 г., и действующий 11 %-ный средний тариф, то КНР столкнётся с самой высокой эффективной ставкой в мире. Аналитики полагают, что без адекватных мер реагирования эти тарифы в 2025–2027 гг. могут снизить рост ВВП Китая на 2,5 процентных пункта¹³.

⁸ Rojas-Suarez L., Albe I., Segal S. US tariffs may have limited impact on Latin America now, but the future hinges on China's macro policy response. *Center for Global Development*, Apr 8, 2025. URL: <https://www.cgdev.org/blog/us-tariffs-may-have-limited-impact-latin-america-now-future-hinges-chinas-macro-policy> (accessed: 19 Jul, 2025).

⁹ «Две сессии» — заседания Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК).

¹⁰ Gallagher Mary. For Xi, Boosting China's Domestic Consumption Means Working Harder. *WPR*, Mar 18, 2025. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/china-xi-economy-consumption> (accessed: Jul 19, 2025).

¹¹ Члены МЕРКОСУР – Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай.

¹² Теперь задача состоит в успешной взаимной ратификации этого соглашения.

¹³ Rojas-Suarez L., Albe I., Segal S. (2025). US tariffs...

В ответ на тарифный демарш Китай в декабре 2024 г. объявил о проведении антимонопольного расследования в отношении компании по производству чипов *Nvidia* и запретил экспорт некоторых редкоземельных минералов, имеющих решающее значение для производства современных полупроводниковых чипов. Пекин также объявил о новых мерах экспортного контроля, нацеленных на 28 американских компаний, большинство из которых действуют в оборонном секторе. А национальные СМИ сообщили, что Пекин также может ограничить экспорт технологий литиевых аккумуляторов, что нарушит планы китайской автомобильной промышленности по её глобальному расширению, но поможет сохранить производство и ключевую переработку необходимых ресурсов в стране, поскольку внутренняя экономика испытывает трудности¹⁴. Здесь следует отметить, что наиболее заинтересованы в китайских технологиях именно страны латиноамериканского «литиевого треугольника» (Аргентина, Боливия, Чили), и если ограничение будет распространено на них, то это не станет примером удачного сотрудничества «Юг-Юг», за которое так ратует Пекин.

Итак, для демпфирования эффекта американских пошлин Китай первым делом пошёл по пути расширения своей внешней торговли, причём Латинской Америке здесь отводится важная роль. Из всех регионов Глобального Юга именно ЛА обладает наиболее «компетентными» рынками, способными поглотить китайскую продукцию самых высоких переделов, относительно высокой платёжеспособностью, а также готовностью к крупным инфраструктурным проектам. Китай рассматривает экономическое взаимодействие с ЛА как геополитическую возможность и ответ на попытки США изолировать его посредством тарифов и технологических ограничений.

К 2025 г. общий объём торговли между Китаем и Латинской Америкой впервые превысил 518,5 млрд долл., увеличившись с 12 млрд долл. в 2000 г.¹⁵, т.е. почти в 42 раза. Несмотря на то, что Соединённые Штаты традиционно были главным торговым партнёром Мексики, Центральной Америки и стран Карибского бассейна, за последние 25 лет Китай достиг положения основного контрагента для большинства стран Южной Америки. По состоянию на 2024 г. на его долю пришлось 28 % южноамериканского экспорта, что значительно превышает долю США в 16 %.

КНР не одно десятилетие является заинтересованным покупателем латиноамериканской продукции, главным образом бразильской и аргентинской сельскохозяйственной и горнорудной. Кроме того, ЛА – это крупнейшее направление китайских инвестиций за пределами Азии. В 2023 г. Китай стал основным рынком сбыта горнодобывающей продукции из Аргентины (порядка 45 %). Тогда же на КНР пришлось свыше 50 % чилийского экспорта недргоценных минералов (в основном меди)¹⁶.

Общая с ЛА тарифная угроза стала поводом для Пекина «поднять на щит» и мировоззренческие мотивы партнёрства с регионом. Так, на министерском совещании форума «Китай–CELAC» (Сообщество государств Латинской Америки и Карибского

¹⁴ Приводится по: Gallagher Mary. Trump has lost the plot on the U.S.-China trade war. *WPR*, Jan 7, 2025. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/us-china-trade-war-trump> (accessed: Jul 19, 2025).

¹⁵ General Administration of Customs. People's Republic of China. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/80ab1a29-cd9a-4fca-b8ca-8e373ef88308.html>; <http://english.customs.gov.cn/Statics/e1351568-5e17-4534-affd-c369e3506613.html> (accessed: Jun 15, 2024).

¹⁶ Rojas-Suarez L., Albe I., Segal S. (2025). US tariffs...

бассейна), состоявшемся в мае 2025 г. в Пекине, председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что «запугивание и принуждение ведут лишь к изоляции». Контекст этого высказывания был предельно ясен всем. Совещание состоялось менее чем через 24 часа после того, как США согласились снизить пошлины на китайский импорт на 115 % в течение 90-дневного периода переговоров. В результате этого снижения средние пошлины уменьшились со 145 % до 30 %, в то время как Китай снизил ответные пошлины со 125 % до 10 %. Были отменены дополнительные рестрикции, такие как ограничение экспорта критически важных минеральных ресурсов.

Хотя соглашение временно ослабило напряжённость, давние споры с от прекурсоров фентанила до доступа к полупроводникам – остались неурегулированными¹⁷.

Китай использовал саммит CELAC для продвижения своего видения принципа глобального сотрудничества: «путь вперёд – это совместный рост, а не конфронтация». Продекларированный принцип сочетания финансирования, инвестиций и политической солидарности, по-видимому, сигнализировал о становлении альтернативы традиционным альянсам под руководством США. Председатель КНР также активно продвигал на форуме идею о стабильности и договороспособности своей страны, что резко контрастирует с непредсказуемой позицией Вашингтона¹⁸.

Си Цзиньпин подчеркнул готовность Пекина сотрудничать со странами ЛАК в условиях «растущей геополитической напряжённости и блоковой конфронтации, односторонних действий и протекционизма»¹⁹, пообещав увеличить импорт из Латинской Америки, поощрять китайские компании к наращиванию инвестиций на континент и предоставить 66 млрд юаней (9,1 млрд долл.) в виде новых кредитов для стран региона. Китайские официальные лица охарактеризовали эти шаги как часть работы по усилению роли Глобального Юга в международном развитии.

Си Цзиньпин также выразил надежду на углубление участия Латинской Америки в инициативе «Пояс и путь». Этот призыв не остался без отклика: даже президент Колумбии Г. Петро, который в январе согласился принять рейсы с депортированными из США лицами после того, как Д. Трамп пригрозил ему масштабными пошлинами, во время форума «Китай–CELAC» заявил, что его страна присоединится к ИПП²⁰.

Антигегемонистский «разогрев» латиноамериканской общественности проводился и китайскими масс-медиа. Так, китайские государственные СМИ цитировали слова Мяо Дэюя, помощника министра иностранных дел КНР, о том, что «народы Латинской Америки и Карибского бассейна стремятся к независимости и самоопределению, а не к так называемой новой доктрине Монро»²¹, в попытках возрождения которой обвиняют Д. Трампа.

По словам известного латиноамериканского исследователя Э. Дюссель-Петерса, торговые, инвестиционные и инфраструктурные инициативы, совместные с КНР, оказывают

¹⁷ Nigrelli Craig, Jackson William. China boosts Latin America ties after US tariff retreat. *San.com*, May 13, 2025. URL: <https://san.com/cc/china-boosts-latin-america-ties-after-us-tariff-retreat/> (accessed: Jul 19, 2025).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Jett Jennifer. China's Xi touts stability to Latin America amid Trump's global tariffs. *NBC news*, May 13, 2025. URL: <https://www.nbcnews.com/world/asia/chinas-xi-touts-stability-latin-america-trumps-global-tariffs-rcna206427> (accessed: Jul 19, 2025).

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

большое влияние на Латинскую Америку и в нынешнем противостоянии между США и Китаем Пекин предстаёт наиболее надёжным и долгосрочным партнёром²².

Китайско-бразильские отношения в свете тарифной войны

Крупнейший латиноамериканский коммерческий контрагент Китая – Бразилия – не впервые оказывается в эпицентре тарифного конфликта между США и КНР. Во время первого президентства Д. Трампа (2017–2021), положившего начало американско-китайской торговой войне, Бразилия воспользовалась ситуацией, значительно увеличив поставки сои в КНР, которые в 2018 г. достигли 26,8 % бразильского экспорта. Это произошло благодаря переориентированию поставок бразильской сои с американского на китайское направление из-за резкого «санкционного» сокращения продаж американской сои в КНР. В том же году Бразилия зафиксировала положительное сальдо торгового баланса в размере 58,7 млрд долл., второе по величине в истории страны, достигнутое во многом благодаря росту продаж сои и железной руды в КНР [Abrantes da Silva et al. 2025].

В настоящее время, при угрозе Вашингтона повысить тарифы на бразильский импорт до 50 %, перспективы бразильской внешней торговли становятся туманными. Но это же обстоятельство может побудить страну активно искать дополнительные торговые пути и серьёзно заняться диверсификацией собственной экономики. Президент Бразилии Лула проявил в текущей обстановке бойцовские качества, показав, что ЛА может сопротивляться тарифному произволу Вашингтона. Так, Конгресс Бразилии уже одобрил законопроект, известный как «Закон об экономической взаимности», который разрешает Палате внешней торговли принимать ответные тарифы и устанавливать нетарифные барьеры в качестве реакции на необоснованные проявления протекционизма. Но в то же время правительство выразило готовность углубить диалог с США в надежде на отмену или смягчение объявленных мер.

Поскольку Китай тоже вынужден разнообразить свою внешнюю торговлю, это заставит его «распылять» экспортную продукцию по другим рынкам и, возможно, в ущерб бразильской доле. Если же китайский импорт из Бразилии будет расти, то для неё это может иметь и негативные последствия, такие как рост внутренних цен на товары, которые теперь будут предназначены для экспорта, ставшего более доходным.

В торговле Бразилии и США наметилась обратная тенденция: после заявления Д. Трампа 9 июля о введении 50 %-ной пошлины на бразильский импорт с 1 августа, американские оптовики практически прекратили закупки. В результате бразильские трейдеры были вынуждены «выбрасывать» скопившиеся продукты на внутренний рынок. Вследствие этого цены на говядину снизились за месяц в среднем на 7,5 %, в то время как в 2024 г. за аналогичный период наблюдался рост цен почти на 21 %. При этом производители мяса не снижают производство, рассчитывая на альтернативные рынки

²² Приводится по: Miller Harley. China courts Latin America amid US tariff chaos. *Eurotoday*, May 13, 2025. URL: <https://eurotoday.net/2025/05/13/china-courts-latin-america-amid-us-tariff-chaos-dw-05-13-2025-eurotoday> (accessed: Jul 19, 2025).

сбыта: Китай, страны региона и Ближний Восток. Благодаря этому в первую половину 2025 г. экспорт бразильской говядины увеличился на 13 %, а объём производства вырос на 1,3 %²³.

Как уже упоминалось, Китай является первым для Бразилии торговым партнёром: товарооборот этих стран вырос с 1 млрд долл. в 2000 г. до более чем 130 млрд в настоящее время²⁴. Из-за высокой зависимости Бразилии от экспорта сырьевых и сельскохозяйственных товаров в государстве периодически звучат голоса, обеспокоенные вероятным ростом экономической зависимости от КНР.

Во время визита Си Цзиньпина в Бразилию в ноябре 2024 г. стороны разработали план сотрудничества для усиления синергии. В нём отмечено, что Китай и Бразилия будут определять «проекты, представляющие общий интерес», уделяя приоритетное внимание: «1) финансовому сотрудничеству; 2) расширению инфраструктуры, начиная с проектов, стимулирующих развитие; 3) развитию производственных цепочек, особенно высокотехнологичных, в таких секторах, как искусственный интеллект, энергетика, общественное здравоохранение, цифровые технологии, гражданская авиация и аэрокосмическая промышленность; 4) экологической трансформации с акцентом на энергетику, транспортные средства, декарбонизацию и экологическую устойчивость; 5) сотрудничеству в области передачи технологий и развития стратегических технологий, содействию инновациям» (приводится по [Carvalho de Oliveira et al. 2025]). Очевидно, что данный план имеет целью противостоять последствиям повышения американских пошлин, и по ходу торговой войны продвижение этих мер превратится в политический механизм, гипотетически препятствующий росту нездоровой зависимости Бразилии от экономики КНР.

Как известно, президент Бразилии Л.И. Лула да Силва заинтересован в «неоиндустриализации» страны на цифровой, технологической и «зелёной» основе. На наш взгляд, эти планы зиждутся более на политической воле бразильского лидера, нежели на трезвом учёте текущих возможностей. Сейчас в Бразилии преобладает такая модель торговли с Китаем, когда страна продаёт товары с небольшой добавленной стоимостью и покупает промышленные наименования высоких переделов. Эта модель не благоприятствует индустриализации Бразилии. Если она не будет получать экспортные доходы, достаточные для инвестиций в высокотехнологичные отрасли, то ей придётся продолжить закупать продукцию *high-tech* за рубежом, ибо отечественное массированное высокотехнологичное производство с экономической точки зрения не будет иметь смысла. Всё это отложит индустриализацию на неопределённое время.

В целом новые тарифы вынудят Китай количественно расширить промышленный экспорт, чтобы не допустить значимых потерь экспортной выручки. Поскольку на западном направлении экспорт будет затруднён, оживится тенденция к переброске китайских продаж в развивающиеся страны – более уступчивые торговые контрагенты, что может негативно повлиять на их местное производство и общее развитие. Во многих странах Глобального Юга, включая Бразилию, опасаются «цунами» китайских товаров, с которым будет трудно конкурировать [Carvalho de Oliveira et al. 2025].

²³ См.: Степушова Л. Секреты бразильского рынка: как тарифы Трампа снизили цены на мясо и кофе – жадность сожгла планы. *Правда*, 30.07.2025. URL: <https://www.pravda.ru/economics/2254302-trump-tariffs-brazil-market-impact/> (дата обращения: 30.07.2025).

²⁴ Miller Harley. China courts Latin America amid US tariff chaos. *Eurotoday*, May 13, 2025. URL: <https://eurotoday.net/2025/05/13/china-courts-latin-america-amid-us-tariff-chaos-dw-05-13-2025-eurotoday> (accessed: Jul 19, 2025).

Китай видит средством противостояния тарифам также и наращивание капиталовложений за рубеж, главным образом в покупку производственных мощностей. Китайские инвестиции резко возросли в первые месяцы второго президентства Д. Трампа, способствуя умножению национальной производительной собственности за пределами КНР. По предварительным данным Государственного валютного управления, в первом квартале 2025 г. китайские компании увеличили свои международные активы примерно на 48 млрд долл. Это на 28 % больше, чем за тот же период в 2024 г.²⁵. Путём создания рабочих мест и экономических возможностей на зарубежных площадках китайские компании пытаются ослабить напряжённость во внутренней экономике и смягчить тарифные эффекты.

Есть все основания полагать, что, хотя Д. Трамп в ЛА и имеет явных сторонников, включая президента Сальвадора Н. Букеле и президента Аргентины Х. Милея, антиамериканские настроения в регионе растут. Это происходит под влиянием нескольких факторов: новых пошлин, воспринимаемых как недружественный шаг; непредсказуемой политики США, весьма осложняющей отношения с Латинской Америкой; угроз Трампа «вернуть» Панамский канал, а также его уничижительных высказываний в адрес латиноамериканских иммигрантов²⁶. На этом фоне ужесточение тарифной политики и риторики Вашингтона контрастно повышает привлекательность мягкой силы Китая, который периодически снижает или даже отменяет пошлины для менее успешных экономик Глобального Юга и придерживается подчёркнуто уважительного тона в официальном общении с развивающимся миром.

Примечательно, что некоторые страны Глобального Юга смогли самостоятельно извлечь выгоду из тарифной угрозы. Так, Мексика, как в своё время и Бразилия, выиграла от конкуренции между Вашингтоном и Пекином, заменив на рынке США некоторые товары, ранее производимые в Китае.

Китайский фактор вносит напряжённость в отношения США и Мексики. Ключевой проблемой здесь стал рост китайских инвестиций и компонентов в автомобилях, произведённых в Мексике и экспортируемых в США. Во время своей предвыборной кампании Д. Трамп предложил ввести пошлины в размере 200–500 % на автомобили, импортируемые из Мексики. А до этого президент Дж. Байден предлагал запретить китайское оборудование и программное обеспечение в автомобилях на американских дорогах – шаг, который заблокировал бы ввоз китайских автомобилей в США через Мексику²⁷. Мексика помнит эти угрозы и вынуждена вести себя с северным соседом весьма осторожно.

²⁵ См.: Xiao Josh. Chinese investment abroad surged 28 % as Trump launched trade war. *Bloomberg*, May 9, 2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-05-09/chinese-investment-abroad-surged-28-as-trump-launched-trade-war> (accessed: Jul 19, 2025).

²⁶ Jett Jennifer. China's Xi touts stability to Latin America amid Trump's global tariffs. *NBC news*, May 13, 2025. URL: <https://www.nbcnews.com/world/asia/chinas-xi-touts-stability-latin-america-trumps-global-tariffs-rcna206427> (accessed: Jul 19, 2025).

²⁷ Estefan B., Rodríguez Pueblita J.C. China ties could be a liability for Mexico under Trump 2.0. *Americas Quarterly*, Jan 13, 2025. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/china-ties-could-be-a-liability-for-mexico-under-trump-2-0/> (accessed: 19 Jul, 2025).

Протекционизм в исполнении латиноамериканских стран и Китай

Следует отметить, что тренд к практике протекционизма не обошёл и сам латиноамериканский регион.

Мексика, чей экспорт зависит от США более чем на 80 %, столкнулась с растущим давлением Вашингтона, недовольного как ростом её торговли с КНР, так и объёмом китайских инвестиций, особенно в экспортно-ориентированный автомобильный сектор²⁸. А тот факт, что Мексика порой служит «чёрным ходом» для китайских товаров, реэкспортируемых в США по льготным условиям USMCA²⁹, вызывает раздражение у Вашингтона и Оттавы. Всё это может укрепить Д. Трампа в намерении ввести чрезвычайные пошлины на китайские товары, в том числе проходящие через циклопический порт Чанкай в Перу, построенный при непосредственном финансовом и техническом содействии КНР и пригодный для использования Военно-морскими силами Китая.

В конце 2024 г., в интересах внутренних производителей и с учётом позиции США, мексиканское правительство приняло ряд новых торговых правил, введя 35 %-ную импортную пошлину на более чем 100 текстильных изделий, импортируемых из Китая, и 16 %-ный НДС для трансграничных платформ электронной коммерции, связанных с ним³⁰. Есть мнение, что Мексика положила конец своей внешнеполитической двусмысленности по отношению к КНР: так, она ужесточила надзор за импортом китайской стали и алюминия и повысила тарифы на импорт из всех стран, не входящих в USMCA. Президент страны К. Шейнбаум представила План Мексики по стимулированию внутреннего производства товаров, которые в настоящее время импортируются из Китая, подчеркнув роль USMCA в противодействии экономической конкуренции со стороны КНР.³¹

Эти меры согласуются с позицией Белого дома, обращавшего внимание Мехико на особенности торговли с «третьими странами», которые не являются частью USMCA³². Ожидается, что под давлением Вашингтона Мексика ограничит возможности Пекина по экспорту товаров в Штаты через свою территорию.

А в Бразилии сталелитейной фирме *Gerdau*, также опасавшейся китайской конкуренции, в начале 2024 г. удалось убедить правительство ввести тарифы на сталь из КНР сначала в размере 25 %, а к концу 2024 г. они были повышены до 35 % [Fonseca Ana Camille da et al 2025]. Также страна повысила пошлины и на полуфабрикаты железа и оптоволоконный кабель – продукцию, которая в основном поставляется из Китая.

Но как бы то ни было, тарифные коллизии 2025 г. между США и Китаем подстегнули китайско-латиноамериканские экономические связи. По новым данным, хотя экспорт Китая в США заметно сократился (в 2024 г. на 21 %, а в апреле 2025 г. на 20,2 %) после резкого

²⁸ Stott M., Leahy Joe, Murray C. Latin America wary of US trade backlash as it builds relations with China. *Financial Times*, May 11, 2025. URL: <https://www-ft-com.ezphost.dur.ac.uk/content/2cda1e08-cf1e-47fd-ac4b-ac575aa957a9> (accessed: Jul 19, 2025).

²⁹ United States–Mexico–Canada Agreement, USMCA – Соглашение о свободной торговле, заключённое США, Мексикой и Канадой. Вступило в силу 1 июля 2020 г., заменив подписанное в 1994 г. Североамериканское соглашение о свободной торговле, НАФТА (North American Free Trade Agreement, NAFTA).

³⁰ Zhang Junhua. Why countries worldwide are cautious of Chinese exports. *Global Intelligence Services AG*, Feb 2, 2025. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/chinese-exports> (accessed: Jul 19, 2025).

³¹ Estefan B., Rodríguez Pueblita J.C. China ties...

³² Спрос на морские грузоперевозки из Китая в Мексику вырос на 60 %. *ChinaВЭД*. URL: <https://chinaved.com/spros-na-morskie-perevozki-iz-kitaya-v-meksiku-vyros-na-60> (дата обращения: 15.06.2025).

повышения тарифов с обеих сторон, китайские поставки в Латинскую Америку значительно возросли. В результате общий объём китайского экспорта за месяц, последовавший за «днём освобождения» (2 апреля 2025 г.), вырос на 9,3 % в годовом исчислении в юанях (и эта тенденция пока сохраняется). Иными словами, сокращение экспорта в США было полностью компенсировано за счёт его направления в другие части мира³³.

В отношении ЛА есть основание полагать, что регион имеет шанс улучшить свои позиции в условиях тарифной войны не столько благодаря относительно низким тарифам, наложенным Вашингтоном – 10 % для большинства стран за редким исключением в лице Бразилии (50 %) и Мексики (25 %³⁴) и ряда небольших карибских государств (см. табл., – сколько за счёт внешнеэкономических связей с остальным миром, главным образом с Китаем.

Таблица. Ставки тарифов США на импорт из стран Латинской Америки и Карибского бассейна и из Китая*, %

Table. US tariff rates on imports from Latin America and the Caribbean and China, %

	По состоянию на 3 апреля 2025 г.	По состоянию на середину июля 2025 г. (после корректировки для ряда стран)
Антигуа и Барбуда	10	10
Аргентина	10	10
Багамы	10	10
Барбадос	10	10
Белиз	10	10
Бермуды	10	10
Боливия	10	10
Бразилия	10	50
Венесуэла	15	15
Гаити	10	10
Гайана	38	38
Гватемала	10	10
Гондурас	10	10
Гренада	10	10
Доминиканская Республика	10	10
Колумбия	10	10
Коста-Рика	10	10
Мексика	25	30
Никарагуа	18	18
Панама	10	10
Парагвай	10	10
Перу	10	10
Сальвадор	10	10
Сент-Винсент и Гренадины	10	10

³³ Xu Zeyu, Meng Shuyan. Parsing U.S.-China trade talks China trade expert Cui Fan on the present and future of U.S.-China trade landscape. *Sinical China*, May 20, 2025. URL: <https://www.sinicalchina.com/p/parsing-us-china-trade-talks> (accessed: 19 Jul, 2025).

³⁴ В июле Вашингтоном было объявлено о повышении тарифа для Мексики до 30 %. См.: Trump impone nuevos aranceles a 25 países [Трамп вводит новые пошлины в отношении 25 стран]. *Altavoz*, 12.07.2025. URL: <https://www.altavoz.pe/internacional/trump-impone-nuevos-aranceles-a-25-paises-mira-la-lista/> (дата обращения: 19.07.2025). (На исп.).

Сент-Люсия	10	10
Тринидад и Тобаго	10	10
Уругвай	10	10
Чили	10	10
Эквадор	10	10
Ямайка	10	10
Китай	34. С 10 апреля – 145 (изначальные 10 %, 20 % – «за фентанил» и ещё 115 % – «ответная» пошлина как реакция на повышение пошлин Китаем)	С 29 июля, согласно обоюдной договорённости, – 30 (ставка будет действовать до 12 августа). Однако совокупный фактический тариф выше – 51 %. Из них 10 % – базовая ставка, 20 % – за «фентанил», 21 % – остающийся с первого срока Трампа)

Источник / Source: Составлено автором на основании данных: Tariff rates by country 2025. World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/tariff-rates-by-country> (accessed: Jul 19, 2025); Panther A. The whole list of Trump's tariffs. ISF Customs Broker, Apr 5, 2025. URL: <https://isfcustomsbroker.com/the-whole-list-of-trumps-tariffs/> (accessed: 19 Jul, 2025); Gladys Gerbaud G., Harrison Ch. Tracking Trump and Latin America: Trade–U.S. Congressional delegation meets with Sheinbaum. AS/COA, Jul 29, 2025. URL: <https://www.as-coa.org/articles/tracking-trump-and-latin-america-trade-us-congressional-delegation-meets-sheinbaum> (accessed: 30 Jul, 2025).

Вместо заключения

Тарифная фаза торговой войны, инициированной США, не только подразумевает применение мер экономического принуждения, но и формирует атмосферу глобальной неопределённости, дестабилизирующей как мировой финансовый рынок, так и в целом многосторонний международный порядок, только начинающий реально формироваться. Бросая вызов принципу свободной торговли, тарифная война угрожает и основам сложившегося в рамках ВТО международного торгового режима.

Иными словами, нарушая стабильность текущего экономического мироустройства, при всём его несовершенстве, Соединённые Штаты нарочито препятствуют формированию нового экономического порядка, выстраиваемого на основе справедливости, равноправия, взаимовыгодности и обоюдного уважения интересов.

Перед лицом американского тарифного вызова все страны ЛАК – и большие, и малые – роднит то, что для них фискальные проблемы чреваты реальными рисками, связанными с ограничением роста валового внутреннего продукта (ВВП). Замедление же роста ВВП всегда сказывается на динамике рынка (торгового или финансово-инвестиционного) и ослабляет внутренний спрос.

Давление протекционистских мер, нанося ущерб экономикам-«мишеням», вынуждает их искать новых торгово-финансовых партнёров. В этом контексте Китай представляется латиноамериканскому региону (за исключением отдельных стран) привлекательной альтернативой, предлагающей масштабные инвестиции, причём без каких-либо предварительных условий. А жёсткая тарифная политика Вашингтона, вкупе с иммиграционными рестрикциями, отдаляет латиноамериканские страны от США, повышая дипломатическую и экономическую привлекательность КНР.

Бразильские политологи полагают, что две сверхдержавы придерживаются диаметрально разных концепций отношений с ЛА: для правительства США это

«проблемный» регион, а для КНР – поле экономических возможностей³⁵. И это импонирует латиноамериканцам.

Тем не менее, даже в стремлении диверсифицировать свои внешнеэкономические контакты, регион не намерен рушить торговые и инвестиционные связи с США. Страны Латинской Америки, в том числе Бразилия, «осмелевшая» под руководством президента Лулы, не могут себе позволить окончательный выбор между США и Китаем. Обе сверхдержавы остаются важными партнёрами в ВЭС Латинской Америки. Однако текущая динамика очевидна: влияние США ослабевает, а влияние Китая растёт³⁶.

Независимо от того, будет ли регион успешен в ближайшие годы или испытает экономический спад из-за тарифной войны, Латинская Америка ослабит свою зависимость от США. Тарифная война объективно подталкивает её к необходимости расширять международные и внутрирегиональные связи. Однако ЛА может столкнуться с трудностями на этом пути, ибо диверсификация торговли и круга коммерческих партнёров всегда сопряжена с ростом конкуренции на мировых рынках.

Текущие сложности в экономике Китая тоже способны повлиять на положение ЛА. Так, если рост экономики КНР существенно замедлится, риски чего не устранены, это может спровоцировать заметное снижение мировых цен на нефть из-за спада китайского спроса. Замедление экономики КНР чревато и падением спроса на другие сырьевые товары, являющиеся основными экспортными наименованиями ЛА (подробнее см. [Сафронова 2025]).

В такой переходный период странам Глобального Юга особенно важно сохранять баланс между стремлением к экономической выгоде и уважением интересов партнёра – члена ГЮ. Этот баланс является важным фактором жизнеспособности, продуктивности и безопасности отношений «Юг-Юг», ярким носителем которых выступает БРИКС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Сафронова Е.И. Влияние экономических проблем в Китае на китайско-латиноамериканские отношения // Внешняя политика КНР и российско-китайское взаимодействие в год 75-летия двусторонних дипломатических отношений. Москва: ИКСА РАН. С. 15–17. DOI 10.48647/ISSA.2025.39.93.004
- Сафронова Е.И. Редкоземельные элементы и геополитическое значение БРИКС // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 6. С. 74–90. DOI 10.31857/S0131281224060058

REFERENCES

- Safronova E.I. (2024). Redkozemelnye elementy i geopoliticheskoe znachenie BRICS [Rare earth elements and the geopolitical significance of BRICS]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 6: 74–90. (In Russian). DOI 10.31857/S0131281224060058
- Safronova E.I. (2025). Vliyaniye ekonomicheskikh problem v Kitaye na kitaysko-latinoamerikanskiye otnosheniya [The impact of economic problems in China on Sino-Latin American relations] In:

³⁵ Miller Harley. China courts Latin America amid US tariff chaos. *Eurotoday*, May 13, 2025. URL: <https://eurotoday.net/2025/05/13/china-courts-latin-america-amid-us-tariff-chaos-dw-05-13-2025-eurotoday> (accessed: Jul 19, 2025).

³⁶ Подробнее см.: Miller Harley. China courts Latin America amid US tariff chaos. *Eurotoday*, May 13, 2025. URL: <https://eurotoday.net/2025/05/13/china-courts-latin-america-amid-us-tariff-chaos-dw-05-13-2025-eurotoday> (accessed: Jul 19, 2025).

Vneshnyaya politika KNR i rossiysko-kitayskoye vzaimodeystviye v god 75-letiya dvustoronnikh diplomaticheskikh otnosheniy [China's Foreign Policy and Russian-Chinese Interaction in the Year of the 75th Anniversary of Bilateral Diplomatic Relations]. Moscow, ICCA RAS: 15–17. (In Russian). DOI 10.48647/ICCA.2025.39.93.004

* * *

- Abrantes da Silva A.C., Dantas B., Placido G.A., Cochi H., Assis Araujo de J., Alves de Oliveira J., Bacarini J.C., Nogueira S.G., Campos da Rocha Y., Barbanti O. (2025). Avaliação inicial dos impactos no agro nacional. *O Observatório da Política Externa e Inserção Internacional do Brasil (OPEB)*, Jul 10. URL: <https://opeb.org/2025/07/10/tarifaco-de-trump-consequencias-para-o-brasil-agricola-e-impactos-ao-meio-ambiente-no-ano-da-cop-30> (accessed: 19 Jul, 2025). (In Portuguese).
- Carvalho de Oliveira A.C., Anderson R., Santos S., Édina M., Gasques Nogueira G., Fernandes da Cruz L.R. (2025). Brasil e China no tarifaço. *O Observatório da Política Externa e Inserção Internacional do Brasil (OPEB)*, Apr 17. URL: <https://opeb.org/2025/04/17/impactos-e-oportunidades-da-guerra-comercial-para-as-relacoes-brasil-china/> (accessed: 19 Jul, 2025). (In Portuguese).
- Fonseca A.C. da, Bianchet L., Bertucci M.C., Abrao R. (2025). A importância do petróleo para a China e Brasil. *O Observatório da Política Externa e Inserção Internacional do Brasil (OPEB)*, Feb 20. URL: <https://opeb.org/2025/02/20/a-contribuicao-da-china-para-a-ascensao-do-brasil-como-potencia-petrolifera> (accessed: 19 Jul, 2025). (In Portuguese).

Поступила в редакцию:	19.07.2025	Received:	Jul 7, 2025
Принята к публикации:	29.07.2025	Accepted:	Jul 29, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-67-83

Японская газета «Урадзио ниппо» и её эпоха, 1917–1930 годы

Часть 1

Ёсида Нориаки¹

¹ Университет Риссё, Япония

Аннотация. Статья посвящена исследованию японоязычной газеты «Урадзио ниппо», издававшейся во Владивостоке с 1917 по 1930 г. Газета была основана Идзуми Рёносукэ и стала единственным периодическим изданием для местной диаспоры в период революционных событий и т.н. Сибирской экспедиции. Тираж варьировался от 180 до 442 экземпляров и финансировался местными предпринимателями из общины. Издание освещало жизнь японской диаспоры, публиковало новости из России и Японии, а также аналитические материалы о политической ситуации. Особое внимание уделялось Сибирской экспедиции, отношениям с Дальневосточной республикой и процессу вывода войск Японии. Газета выступала площадкой для формирования общественного мнения в среде местных жителей и организовывала массовые съезды общины. В исследовании рассмотрены связи газеты с японскими военными и разведывательными службами, показана её роль в информационном противостоянии и коммуникации между диаспорой и властью в сложный период революционных трансформаций на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: Япония, Владивосток, Сибирская экспедиция, Дальневосточная республика, межкультурная коммуникация, революция, история.

Автор: Ёсида Нориаки, PhD (социология), Институт гуманитарных наук, Университет Риссё (адрес: 4-2-16 Осаки, Синагава-ку, Токио 141-8602, Япония). ORCID: 0009-0001-4426-1689. E-mail: yoshida.noriaki@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Автор благодарит переводчиков – Игоря Савельева (Университет Риссё) и Евгения Филиппова (Российская национальная библиотека) за ценные замечания.

Для цитирования: Ёсида Н. Японская газета «Урадзио ниппо» и её эпоха, 1917–1930 годы. Часть 1 // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 67–83. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-67-83

The Japanese newspaper Uraio Nippo and its era, 1917–1930

Part 1

Yoshida Noriaki¹

¹ Rissho University, Japan

Abstract. The article is devoted to the study of the Japanese-language newspaper Uraio Nippo, published in Vladivostok from 1917 to 1930. The newspaper was founded by Izumi Renosuke and became the only periodical for the local diaspora during the revolutionary events and the Siberian expedition. The print run ranged from 180 to 442 copies and was funded by local entrepreneurs from the community. The newspaper covered the life of the Japanese diaspora, published news from Russia and Japan, as well as analytical materials on the political situation. Special attention was paid to the Siberian expedition, relations with the Far Eastern Republic, and the withdrawal of Japanese troops. The periodical served as a platform for shaping public opinion among local residents and organized large-scale community gatherings. The study examines the newspaper's connections with the Japanese military and intelligence services, and shows its role in the information confrontation and communication between the diaspora and the government during the complex period of revolutionary transformations in the Russian Far East.

Keywords: Japan, Vladivostok, Siberian expedition, Far Eastern Republic, intercultural communication, revolution, history.

Author: Yoshida Noriaki, PhD (Sociology), Institute of Humanistic Sciences, Rissho University (address: 4-2-16 Osaki, Shinagawa-ku, Tokyo 141-8602, Japan). ORCID: 0009-0001-4426-1689. E-mail: yoshida.noriaki@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. The author thanks the translators Igor Savelyev (Rissho University) and Evgeny Filippov (National Library of Russia) for their valuable comments.

For citation: Yoshida N. (2025). Yaponskaya gazeta «Uraio nippo» i yeyo epokha, 1917–1930 gody. Chast' 1 [The Japanese newspaper Uraio Nippo and its era, 1917–1930. Part 1]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 67–83. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-67-83

Введение

В последнее время значительно продвинулись вперёд исследования, касающиеся Сибирской экспедиции¹ 1918 г. В Японии она также известна как «забытая Семилетняя война». В то время военные расходы, которые требовались для содержания экспедиционных сил на материке, вызвали экономический спад, из-за чего по всей стране вспыхивали рисовые бунты. Однако ещё до начала интервенции и отправки войск в Россию во Владивостоке уже сформировался район компактного проживания японских мигрантов.

¹ «Сибирская экспедиция» – имеется в виду военная интервенция Японии на Дальнем Востоке. В российской историографии принято название «интервенция». Однако при рассмотрении вопроса с японской точки зрения здесь и далее будет использовано общеупотребительное в Японии название «Сибирская экспедиция».

Именно для них издавалась газета «Урадзио ниппо»² («Урадзио» – это сокращённое японское название Владивостока ウラジオストク, которое звучит как «Урадзиосутоку»). Подробности об этой газете, первый выпуск которой вышел во Владивостоке 9 декабря 1917 г., были неизвестны в исследованиях о зарубежных газетах на японском языке [Yoshida 2025].

«История зарубежных книг и журналов на японском языке» (опубликована в 1936 г.) содержит следующее упоминание: «В то время это издание было единственной японоязычной газетой в порту Владивосток и могло оказывать огромное влияние на проживающих там японцев». Однако, судя по всему, её тираж был невелик. В отчёте Министерства иностранных дел 1925 г. утверждается, что «это единственная японоязычная газета во Владивостоке, основной задачей и темой статей является освещение главных новостей. Публикуемый тираж небольшой» [Ebina 1936: 252]. А в отчёте Министерства иностранных дел за 1928 г. уточняется, что «Урадзио ниппо» была «основана в 1917 г., издаётся ежедневно тиражом 150 экземпляров, является единственной японоязычной газетой в России, а большинство статей перепечатаны из японских и русских газет»³.

Сегодня оригиналы экземпляров газеты хранятся в Японии в фондах библиотек городов Цуруга и Хакодате, а также в Национальной парламентской библиотеке, а за рубежом – в Российской национальной библиотеке. Однако конкретные номера, находящиеся на хранении в фондах учреждений, различаются годами выпуска⁴.

² 浦潮日報 – «Урадзио» или «Урасио ниппо», а также встречается название «Владиво ниппо». Позже появилась версия газеты на русском языке. Для её обозначения в статье используется «Владиво ниппо». В остальных случаях (японоязычная версия, издательство как компания и т.п.) в статье используется название «Урадзио ниппо».

³ Газеты и журналы, издаваемые японцами. Приложение. *Сибирь, Центр азиатских исторических материалов [Японии]* (Далее сокр. JACAR) Ref. B02130820400. Газеты в зарубежных странах. Сёва 3 (1928). Том 1 / Раздел Азия, Африка и Океания. Документ № 30 (Дипломатический архив Министерства иностранных дел).

⁴ Над упорядочиванием информации о местах хранения оригинальных печатных изданий «Урадзио ниппо» в Японии и за границей неустанно трудился почётный профессор Университета Канадзава Тэцуя Хасимото. В 2023 г. он скончался. На сайте Общества исследований истории японо-русского обмена г. Хакодате размещён «Список коллекций и мест хранения», составленный Хасимото (21 апреля 2012 г.). URL: <https://hakodate-russia.com/main/book/book-2011/2011-02.html> (дата обращения: 16.07.2025). На основе этого списка автор обновил и дополнил информацию о местах хранения. Ниже приведён обновлённый список:

1. Номера 1–56 (9 дек. 1917–23 фев. 1918) – Библиотека г. Цуруга;

2. Номера 40–303 (3 фев. 1918–дек. 1918) – Центральная библиотека г. Хакодате;

3. Номера 964–1375 (4 мая 1921–30 сен. 1922) – Национальная парламентская библиотека (Японии), (некоторые номера отсутствуют);

4. Включённые в статьи от редакции в монографиях Идзуми Рёносукэ «Перемены на Дальнем Востоке», «Перемены на Дальнем Востоке. Продолжение» (16 дек. 1917 – 30 апр. 1919) – Центральная библиотека Университета Васэда;

5. Номера 1715–1755 (17 дек. 1923–13 фев. 1924) – Центральная библиотека г. Хакодате;

6. Номера 1819–1877 (5 мая–22 июн. 1924) – Центральная библиотека г. Хакодате;

7. Номера 1–28, 1839–3345 (9 дек. 1917–19 янв. 1918, некоторые номера отсутствуют), (29 мая 1924–31 дек. 1930) – Российская национальная библиотека.

Часть коллекции, хранящейся в Японии, – пункты списка 1–5. И, хотя некоторые выпуски отсутствуют, оставшиеся экземпляры номеров охватывают период с 1917 по 1924 г.

Коллекция за пределами Японии хранится в Российской национальной библиотеке (п. 7), имеющиеся в этом фонде оригинальные издания охватывают период с 1924 по 1930 г. У автора была возможность лично ознакомиться с зарубежной частью коллекции изданий газеты при помощи Евгения Филиппова, ведущего библиотечного отдела литературы стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки. Кроме того, на электронном ресурсе «Цифровая коллекция японских газет» Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета есть оцифрованный архив выпусков с № 1303 по № 1375 (с 1 июля по 30 сентября 1922 г.) – выпуски за тот же период доступны и в Национальной парламентской библиотеке Японии. – *Прим. авт.*

Основным исследованием по истории «Урадзио ниппо» принято считать биографию основателя газеты Идзуми Рёносукэ. В ней автор объясняет, что «в целом *Урадзио ниппо* не была политической газетой, а скорее её можно назвать коммерческой. Складывается впечатление, что хотя сотрудники и демонстрировали понимание социализма, они не были социалистами, а тем более коммунистами. Скорее всего, они были обычными журналистами. В издании первых тиражей решающим фактором стало финансирование за счёт средств, собранных жителями-японцами, и поэтому издание последовательно сохраняло свою позицию – представлять интересы японских жителей. А они в основном были владельцами малого и среднего бизнеса. Ни в коем случае тональность статей в газете не могла стать радикально коммунистической» [Niyama 1981: 97]. Принимая всё это во внимание, можно с уверенностью предположить, что «Урадзио ниппо» следует рассматривать как общественную коммерческую газету для местного сообщества японцев, публикующую повседневную информацию о жизни и различные новости о России и Японии.

Разработка этой темы в Японии началась в 1990-х гг. и продолжила довоенные исследования российских специальных корреспондентов, работавших над изучением экономики и торговли в регионе Японского моря [Furumoto 1991; Hashimoto 1992]. Позже последовал ряд работ российских учёных, изучающих газетные архивы, историю Владивостока и т.д. [Saveliev 1996; Sato 2011]. Все указанные исследования охватывают период издания «Урадзио ниппо» с 1917 по 1924 г. Кроме того, в 2005 г. стало известно о существовании версии «Владиво ниппо» на русском языке и было представлено её содержание, обстоятельства её публикации и связь с японскими военными [Зайцев 2005; Zaitsev 2006].

Опираясь на предшествующие исследования и принимая во внимание специфику хранения дошедших до нас экземпляров, автор, во-первых, рассматривает особенности «Урадзио ниппо» в контексте анализа официальных документов и других исторических материалов. Во-вторых, отмечая то, как освещались Сибирская экспедиция и мнение местных жителей в пользу решения о выводе японских войск, считает оправданным утверждать, что газета продемонстрировала способность выражать своё независимое мнение. В-третьих, ставит задачу изучить взаимоотношения между «Урадзио ниппо» и японскими военными до и после Сибирской экспедиции, а также различные вопросы разведки и пропаганды с точки зрения истории СМИ.

Японские жители Владивостока и местные СМИ

По географическому расположению Дальний Восток России считался ближайшим зарубежьем для Японии. Поэтому начиная с периода Мэйдзи японцы, которые искали для себя новую сферу деятельности за границей, отправлялись сначала во Владивосток, где создали общину, а оттуда некоторые двигались дальше – в г. Харбин в Маньчжурии. Период японской активности на этом «Северном континенте» охватывал гораздо больший временной промежуток, чем 13 лет существования Маньчжоу-Го. По Пекинскому договору в 1860 г. Владивосток стал территорией России, а в 1862 г. – портом свободной торговли и получил статус порто-франко^{5,6}.

⁵ *Порто-франко* [свободная (вольная) гавань, англ. free port; итал. porto franco] – ограниченная портовая территория, на которой установлен режим свободного ввоза и вывоза товаров, их выгрузки, перегрузки и переупаковки, совершения с ними других сопутствующих операций без уплаты таможенных пошлин и налогов, применяемых при внешнеторговых операциях, и без выполнения иных установленных законом

В 1875 г. японское правительство предложило открыть консульство Японии во Владивостоке. Но российские власти отклонили эту инициативу на том основании, что здесь находился военно-морской порт. В итоге в 1876 г. страны договорились о размещении в городе Торгового представительства Японии. Особую важность имели права для японских рыбаков из Хакодате, Ниигата, Нагасаки и некоторых районов побережья Тихого океана на рыболовство в «Северном море»⁷, полученные после русско-японской войны по Портсмутскому договору, а также возможность японцам развивать коммерческую деятельность на Дальнем Востоке. После открытия Торгового представительства под его контроль перешли японские торговые компании и управление импортом и экспортом, что положило конец сезонной рабочей силе, контрабанде и уличной торговле.

В 1881 г. было установлено регулярное судоходное сообщение с Нагасаки. В 1892 г. была создана Ассоциация японских жителей Владивостока. В 1894 г. уже открылась японская начальная школа, а численность диаспоры достигла примерно 770 человек, постоянно проживающих в городе. В 1902 г. появилась Ассоциация японских жителей Владивостока, членами которой стали все проживавшие там японцы. И, наконец, в 1903 г. была открыта Транссибирская магистраль, расширившая торговые возможности стран.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. японцы были временно эвакуированы на родину. После войны они вернулись домой, во Владивосток, и начался новый период развития отношений. В 1906 г. было открыто регулярное пароходное сообщение между Владивостоком и г. Цуруга, пароходы отправлялись два раза в неделю. А с 1912 г. этот маршрут был соединён с международными поездами, следующими из Владивостока в Европу. Например, в мае 2012 г. Ёсано Акико, поэтесса и писательница, отправляется из Цуруга, пересекает Японское море, а затем следует к своему мужу Ёсано Тэкан в Европу.

Когда в 1914 г. началась Первая мировая война, японские торговые компании экспортировали в Россию большое количество оружия и боеприпасов. «Рублёвый нувориш» стало модным выражением в японском языке. В 1913 г. население Владивостока насчитывало 53 957 русских, 26 787 китайцев, 8210 корейцев, 1830 японцев и 1480 европейцев и американцев. К 1919 г. численность японцев, по данным Ассоциации японских жителей Владивостока, достигла пика – 5915 человек [Hashimoto 1992: 75]. Это привело к активизации взаимодействия между японскими и российскими промышленными группами, а также между Ассоциацией и правительством Приморского края.

Идзуми Рёносукэ, впоследствии ставший издателем газеты «Урадзю Ниппо», приехал во Владивосток в 1907 г. Он родился в префектуре Ибараки в 1871 г. и был одним из немногих прямых учеников Футабатэй Симэй⁸ на русском отделении Токийского

таможенных формальностей. *Большая Российская энциклопедия*, 24.12.2024. URL: <https://bigenc.ru/c/svobodnyi-port-07e6c1> (дата обращения: 16.07.2025). – *Прим. ред.*

⁶ В 1909 г. для Владивостока был упразднён статус порта свободной торговли и повышены тарифы. Поэтому лапшу, рис и другие товары японцы стали производить на месте. – *Прим. авт.*

⁷ Рыболовство, которое ведётся Японией в северной части Тихого океана и его прибрежных морях – Беринговом и Охотском. – *Прим. авт.*

⁸ Футабатэй Симэй (настоящее имя – Хасэгава Тацуносукэ, 1864–1909) – выдающийся японский писатель, критик и переводчик, один из пионеров японского реалистического романа. Обогастил японскую литературу новыми идеями и формами, заложил фундамент для серьезного изучения и перевода русской литературы в Японии, став одной из центральных фигур в истории двусторонних литературных связей и японской русистики. Подробнее см.: Futabatei Shimei. *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/biography/Futabatei-Shimei> (accessed: Aug 25, 2025). – *Прим. ред.*

университета иностранных языков. В 1907 г. Идзуми начал работать в Ассоциации японских жителей Владивостока учителем в начальной школе, преподавал русский язык и оставался во Владивостоке до 1922 г. Вместе с работой в Ассоциации Идзуми также служил корреспондентом газеты «Осака майнити симбун».

Человеком, порекомендовавшим Идзуми работу корреспондента в «Осака майнити симбун», был Оба Како, известный журналист и репортёр, специализировавшийся на новостях из России. Также примерно с 1916 г. у Идзуми сложились дружеские отношения с Отакэ Хирокити, первым управляющим филиалом Восточного информационного агентства во Владивостоке «Тохо: Цусинся», связанного с Министерством иностранных дел. Как Оба, так и Отакэ активно участвовали в процессах «демократии Тайсё». Во главе этого объединения стояла группа людей, причастных к инциденту со статьёй «Белая радуга», опубликованной в газете «Осака Асахи симбун» – Тории Сосэн, Хасэгава Нёдзэкан, Ояма Икуо и др. Предположительно дружба с Оба и Отакэ привела Идзуми к выбору карьеры в журналистике [Hashimoto 1992: 77]. Опыт, приобретённый им за время работы в качестве корреспондента, позже стал основой для руководства изданием «Урадзио ниппо».

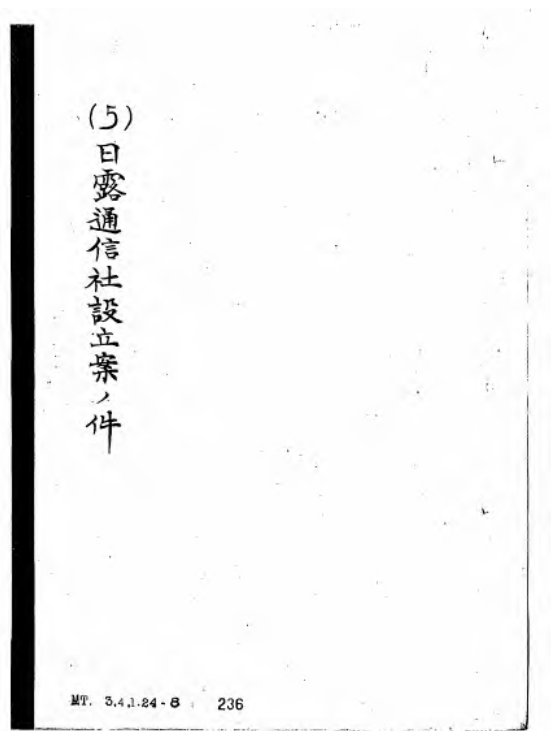
Основание «Урадзио ниппо»

Центральной фигурой при основании газеты стал Идзуми Рёносукэ. Планируя учредить издание на японском языке, он в июле 1917 г. направил письменный запрос областному комиссару, избранному Приморским областным съездом делегатов, а также при содействии профессора Восточного института Е.Г. Спальвина подал прошение об издании газеты⁹. По мере того, как разгоралась Гражданская война, беженцы стекались во Владивосток, и численность японского населения в городе, составлявшая в мирное время около 4000 человек, быстро увеличилась до 10 000–15 000 чел.

Газеты доставлялись во Владивосток из Японии регулярными рейсами три раза в неделю и проходили таможенную, почтовую и цензурную процедуры, прежде чем примерно через 10 дней приходили на дом подписчикам. До русско-японской войны цензура осуществлялась в Восточном институте, а затем в Петербурге. В результате газеты добирались до Владивостока несколько месяцев. Поэтому среди японцев, уставших от цензуры и связанных с ней задержек в доставке газет, вырос запрос на актуальную информацию.

В июле того же года правительство Керенского выдало разрешение на издание газеты «Урадзио ниппо». Это была первая газета на иностранном языке, учреждённая в послереволюционной России [Hashimoto 1994: 104]. Поскольку разрешение на публикацию было получено внезапно, Идзуми спешно приступил к работе по созданию издательской компании (илл. 1).

⁹ Восточный институт был основан во Владивостоке в 1899 г., в период СССР был высшим учебным заведением на Дальнем Востоке, а сейчас существует как часть Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Спальвин Е.Г. (1872–1933) – японовед, переводчик. Окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета, стал профессором японской словесности, занимал должности заведующего библиотекой, старшего профессора, заведующего кафедрой японского языка Восточного института. Позже стал деканом Восточного факультета, а в 1922–1923 гг. исполнял обязанности ректора Дальневосточного университета.

Илл. 1 Предложение (проект) о создании японо-русского информационного агентства, 1919 г.

Источник: JACAR Ref. B11090476500. URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/B11090476500> (accessed: Aug 27, 2025).

III. 1. The proposal (draft) for the establishment of the Japanese-Russian information agency, 1919

Source: JACAR Ref. B11090476500. URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/B11090476500> (accessed: Aug 27, 2025).

Илл. 2. Первый выпуск «Урадзио ниппо», 1917 г.

III. 2. The first issue of Urajiro Nippo, 1917.

Обычного японского шрифта оказалось недостаточно, а из-за того, что в августе правительство Керенского издало указ о запрете импорта, приобретение печатных станков и дополнительного шрифта стало затруднительно. Усилиями членов Ассоциации японских жителей и благодаря финансовой поддержке местных компаний 9 декабря 1917 г. был опубликован первый номер (илл. 2). Ниже приводится текст «Письма об одобрении запроса на публикацию ежедневной газеты «Урадзио»» [Niyama 1981: 89]:

«7 июля 1917 г. Владивосток,

Настоящим вручаю гражданину Японии Идзуми Рё:носукэ на двух листах Разрешительный Сертификат № 8. Заявка, поданная указным лицом 4 июля этого года, была принята сегодня. Японская газета будет издаваться в городе Владивосток под названием «Урадзио ниппо». Основанием для этого является статья 2 Постановления Временного правительства от 16 июля этого года.

Исполнительный комитет Приморского края
[Приморский областной комиссар Временного правительства
Областной комиссар [неразборчиво]
Милов, заместитель комиссара».

В условиях революционного хаоса железнодорожное сообщение между российским центром и Владивостоком было нарушено, а экономический ущерб, нанесённый крахом банковской сферы, вызвал большую тревогу. С конца января по начало февраля 1918 г. В газете «Урадзио ниппо» публиковались «Мнения о текущей ситуации» председателя и заместителя председателя Ассоциации японских жителей Владивостока [Fujimoto 2018: 32].

Примерно к июню 1918 г. система работы издательской компании была отлажена: были решены такие вопросы, как финансирование, оплата труда сотрудников и дивиденды акционерам. Также через консульство было получено решение о выделении гранта в размере 7200 иен в год от правительства Японии [Morgun 2016: 193]¹⁰. Из дневников лиц, связанных с изданием, известно, что это было акционерное общество, финансируемое местными жителями на добровольной основе, и что её основные акционеры, в том числе Наодзо Хориэ (Хориэ Сёкай), поддерживали финансирование и участвовали в управлении.

Издавалась газета «Урадзио ниппо» для японских жителей, в том числе для многих представителей малого и среднего бизнеса (розничных торговцев, фотографов, работников индустрии общественного питания, гостиничного бизнеса, прачечных, плотников, мастеров по обуви, мастеров по ремонту часов, ювелиров, специалистов по драгоценным металлам и др.). Издание можно назвать ежедневным: оно выходило шесть раз в неделю и имело «четырёхсторонний формат»¹¹. Когда компанию только учредили, в ней работало 12 сотрудников, включая штатных работников. В состав редакционного совета входило трое, и, кроме Идзуми, это были Нода Хироси Хисаси (бывший репортёр местной газеты в Нагасаки, скончавшийся от болезни год спустя) и Табути Ёсикадзу (окончил кафедру английского языка Университета Васэда, был корреспондентом «Дзидзи симпо:», а после возвращения в Японию присоединился к ежедневному изданию «Осака Асахи симбун»).

Издание имело следующую структуру. На первой странице размещалась колонка редакции, чаще всего написанная Идзуми. Идзуми и Табути писали аналитические статьи о ситуации в Советской России, Восточной Сибири и Приморском крае. В разделе телеграмм, помимо «Внутренних телеграмм из Японии», содержались и «Новости российских городов» в формате срочных сообщений из российской столицы и главных городов. Также в номер входили переведённые редакцией статьи из изданий, принадлежащих различным политическим группам России, что позволяло читателям самостоятельно анализировать текущую ситуацию. На третьей странице публиковались местные новости, касающиеся японских жителей Владивостока (сведения об их численности, о важных событиях в храме Урадзио Хонган-дзи, о японской школе и пр.), а также литературный и юмористический раздел под названием «Самовар». Последняя, четвёртая страница была предназначена для размещения рекламы японских компаний и предпринимателей.

С 1918 г., по мере увеличения численности японцев во Владивостоке, к составу редакции присоединились ещё четыре человека:

¹⁰ Основание для предоставления гранта в размере 7200 иен неясно, но автор монографии на стр. 281 ссылается на «Японскую газету Владивостока» // Вестник факультета востоковедения Дальневосточного государственного университета (Специальный выпуск). 1998 (на русском языке). Кроме того, в работе указано, что «Урадзио ниппо» издавалась в течение пяти лет с 1917 по 1922 гг., но, как можно увидеть из данной статьи, газета печаталась до 1931 г.

¹¹ Четырёхсторонний формат газеты подразумевает «конструкцию на четырёх основных страницах» – такую вёрстку, где, например, на первой стороне размещаются новости и события, на второй и третьей – мнения, интервью и комментарии, а на четвёртой – анонсы, читательские мнения и т.п. – *Прим. пер.*

Ямаути Хосукэ – бывший журналист «Дэнцу»¹², выпускник Токийской православной духовной семинарии.

Накаяма Садао – также выпускник Токийской семинарии, директор Русско-японского общества в Петрограде. В 1919 г., совмещая работу в «Урадзио ниппо», вошел в штат «Асахи симбун». По возвращении в Японию он занимал в «Асахи симбун» должность начальника отдела Европы и Америки в отделе иностранных новостей, а также работал в отделе исследований военных материалов. Скончался в 1974 г.

Хироока Мицухару в 1919 г. познакомился с Отакэ Хирокити и стал его преемником в качестве управляющего филиалом Восточного информационного агентства «Тохо Цусинся», проживал во Владивостоке до 1926 г.

Икэда Хитоси – менеджер отдела продаж, переведённый в конце 1918 г. из «Осака майнити». Хотя «Осака майнити» и «Урадзио ниппо» не имели финансовых взаимоотношений, журналисты обоих изданий поддерживали связи. Многие репортёры работали в штате «Урадзио ниппо», им помогали и находящиеся во Владивостоке специальные корреспонденты других японских газет.

Поскольку готовилась отправка в Сибирь многочисленных войск, в районе Владивостока было создано отделение Особой службы¹³ – разведывательного органа Императорской армии Японии. Ещё в 1914 г. в Забайкальскую область под видом горных инженеров были направлены военные офицеры. Канцелярия главнокомандующего Квантунской армии, отвечавшей за территорию вдоль Южно-Маньчжурской железной дороги, направила в Иркутск офицеров запаса для создания разведывательного органа. С февраля 1917 г. подполковник Куросава Хитоси был прикомандирован к военному департаменту канцелярии главнокомандующего Квантунской армией и отвечал в Харбине за координацию действий разведчиков со всей страны. Первым главой этой службы считается Куросава [Asada 2016: 43].

Благодаря архивным документам выяснилось, что к изданию «Урадзио ниппо» имел отношение старший обер-офицер армии Хигути Киитиро, который с 1919 г. состоял во Владивостокском отделении Особой службы (возглавляемом полковником Исомэ Рокуро) [Higuchi 1971]¹⁴. Исследователь Сибирской экспедиции Хара Тэрююки писал: «Помимо угрозы применения силы, японское военное управление предусматривало издание публичной информационной газеты «Урадзио ниппо», а также имело отдельное подразделение под названием «Ассоциация японских жителей». Сразу же после статьи о «Разоружении революционной армии» в газете «Урадзио ниппо», впервые вышедшей в декабре 1917 г., под руководством главы Особой службы Исомэ начала издаваться и русскоязычная версия. Продолжали развиваться всё более тесные связи с военными. Именно эта газета поспешила опубликовать призывы к протестам и забастовкам против

¹² Японская международная компания, занимающаяся рекламой и связями с общественностью. Сейчас крупнейшее рекламное агентство Японии и пятая по величине сеть рекламных агентств в мире по объёму доходов. – *Прим. пер.*

¹³ Среди историков эту службу принято называть «Военной миссией». Однако автор полагает более точным использовать наименование «Особая служба» – 特務機関. Это специальная организация в Императорской армии Японии, которая занималась разведывательной деятельностью, контршпионажем, пацификацией населения на оккупированных территориях или в зоне боевых действий. Другие варианты названия: Особая служба, Служба тайных операций, Секретная служба, Ведомство тайных операций. – *Прим. пер.*

¹⁴ Документ о финансировании «Урадзио ниппо». JACAR Ref. B03025293100. Дневник «Оуэкэ Дай никки», часть 5 из 5, декабрь 1921 г. Национальный институт оборонных исследований Министерства обороны.

денежной реформы» [Teiguuki 1998: 548]. Кроме того, Накаяма Садао, с 1918 г. работавший в газете «Урадзио ниппо», был племянником полковника Исомэ.

После выпуска из Военной академии¹⁵ в 1909 г. Хигути стал армейским офицером в 1-м пехотном полку, а затем, после окончания Высшей военной академии¹⁶, изучал русский язык в вечерней школе иностранных языков. В декабре 1919 г. он, получив приказ из штаба экспедиционной армии во Владивостоке, стал агентом Особой службы. Хигути был поклонником Токутоми Рока из «Кокумин симбун», статья которого «Мир и Япония после Великой войны» была переведена Хигути на русский язык и опубликована в «Урадзио ниппо» в 1921–1922 гг.

Когда в 1917 г. вышел первый номер «Урадзио ниппо», единственный офис газеты находился по адресу: г. Цуруга, Осима-тё, Уэда Садацунэ, но уже к 1924 г. у неё было несколько филиалов: в Осаке, Токио и Йокогаме. Плата за подписку составляла 2 иены в месяц. Тираж в начале выпуска насчитывал 180 экземпляров, но затем часто колебался в зависимости от изменений социальных условий, увеличившись до 442 между 1924 и 1926 гг. и примерно до 140 между 1926 и 1928 гг. В ноябре 1926 г. тираж сократился до 40, но к 1929 г. вырос до 221 экземпляра [Saveliev 1996: 121].

Сибирская экспедиция и массовые съезды жителей

Японское правительство официально приняло решение об отправке войск в Сибирь только в августе 1918 г. «Урадзио ниппо» использовала нарратив, что Япония начала свои военные действия на фоне растущего вмешательства западных держав. Когда под предлогом защиты жителей-японцев были отправлены военные корабли, на некоторые японские магазины были совершены нападения. Ситуация стала тревожной.

В этих обстоятельствах газета «Урадзио ниппо» опубликовала колонку редакции, в которой говорилось, что «укрепление российско-японской дружбы никогда не было столь актуальным, как сегодня»¹⁷. Кроме того, в статье «Почему бы не построить федеративное государство Дальнего Востока?» выдвигалась идея федеративного государства: «Что мы бы осмелились предложить верхним и нижним территориям российского Дальнего Востока – это объединить соседние страны Дальнего Востока, а именно Западную Маньчжурию и Монголию, и объединиться им в одно целое, создав тем самым федеративное государство Дальнего Востока»¹⁸. Можно рассматривать эти аргументы как соответствующие идее создания Дальневосточной республики, основанной позже.

Начиная с марта 1918 г. Япония продолжала военные действия в сотрудничестве с США. В то время как в Соединённых Штатах существовал правительственный комитет общественной информации (CPI: The Committee on Public Information или Creel Committee (chairman George Creel)), который занимался освещением отправки войск, в Японии не было

¹⁵ Военная академия Императорской армии Японии 陸軍士官学校 Рикугун сикан гакко: – главное высшее учебное заведение по подготовке офицеров Императорской армии Японии. – *Прим. пер.*

¹⁶ Высшая военная академия Императорской армии Японии 陸大 Рикудай – высшее учебное заведение в непосредственном подчинении Генерального штаба Императорской армии Японии. – *Прим. пер.*

¹⁷ «Урадзио ниппо» № 51. Выпуск от 17 февраля 1918 г. «Необходимость в дружбе между Японией и Россией никогда не была столь актуальна, как сегодня».

¹⁸ «Урадзио ниппо» № 64. Выпуск от 5 марта 1918 г. «Почему бы не построить федеративное государство Дальнего Востока? Часть 2».

соответствующей организации по связям с общественностью. В августе в Сибирь был отправлен Артур Буллард, глава российского отделения CPI [Asada 2023: 9]. В связи с этим Мацудайра Цунэо, назначенный МИД Японии на должность начальника военно-политического отдела экспедиционного корпуса во Владивостоке, предложил министру иностранных дел Утида Косай создать «Японо-российское информационное агентство» под руководством эксперта по России – Идзуми¹⁹. Военно-политический отдел экспедиционного корпуса состоял не только из военных, но и из административных работников и технических экспертов, представлявших военно-морской флот, различные министерства и Губернаторство Карафуту.

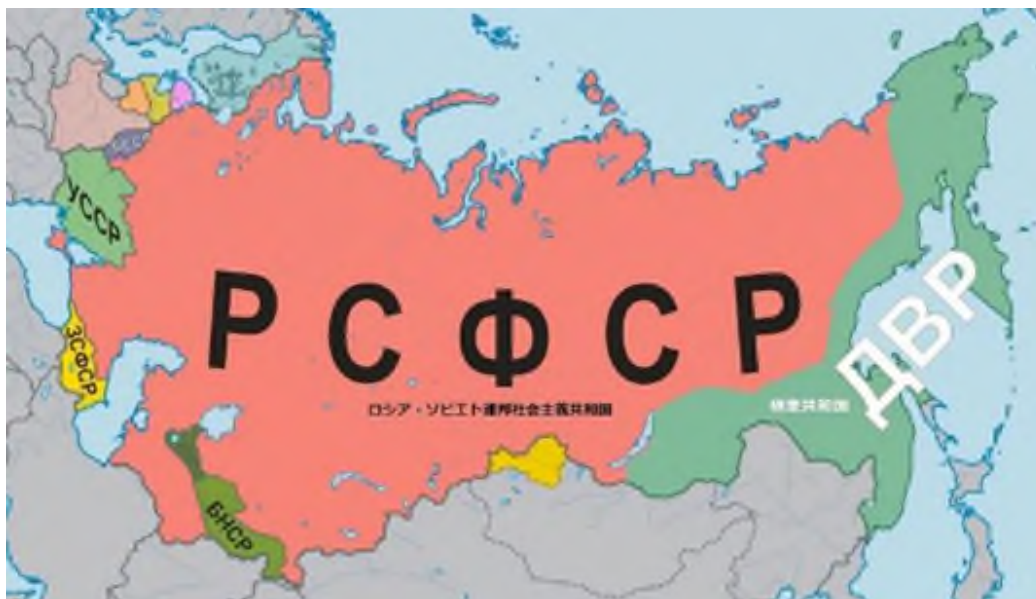
До 1919 г. обстановка в Сибири была благоприятной для контрреволюционных сил правительства Колчака. Однако в начале 1920 г. режим Омского правительства рухнул. Оценив ситуацию, такие страны, как Великобритания, США и Франция, к июню вывели свои войска из Сибири, чтобы избежать боевых столкновений с Красной Армией. Вывод американских войск, в частности, означал, что интерес международного сообщества к Сибири начал ослабевать. В различных частях России контрреволюционеры, лишившиеся поддержки союзников, отступали. Однако кабинет Хара²⁰, наоборот, направил дополнительные войска и продолжал поддерживать контрреволюционные силы, которые теряли позиции. Красная Армия избегала прямого столкновения с превосходящими силами японцев и не развивала активного наступления восточнее Иркутска. Оценив ситуацию, Отакэ Хирокити, начав с 7 марта 1920 г., опубликовал статью в четырёх частях под названием «Неудачная ставка» в газете «Токио нити-нити симбун». В качестве примера он приводил Великобританию, которая одной из первых перешла к прагматичному дипломатическому подходу. В статье утверждается, что победа революционного правительства неизбежна; продолжение поддержки контрреволюционных сил только усугубит разруху в конце Гражданской войны; общественные настроения на Дальнем Востоке России уже склонились в сторону поддержки большевиков; революционеры не будут мстить жителям-японцам и др. [Furumoto 1991]. Кроме того, отмечалось, что Японии следует отказаться от военной дипломатии и как можно скорее вступить в конкретные переговоры с Советской Россией.

Советский Союз и Дальневосточная республика

В апреле того же года, когда в отношениях между Японией и СССР наступило затишье, было объявлено о создании Дальневосточной республики (ДВР) (илл. 3). Это государство охватывало территорию к востоку от озера Байкал и было призвано создать буферную зону между японскими военными и советским правительством. Некоторые из тех, кто стоял у истоков основания республики, были идеалистами и хотели сделать её независимой, но на деле она стала марионеточным государством Советского Союза. Япония первоначально рассматривала этот регион как продолжение Маньчжурии и уже давно планировала сделать его де-факто протекторатом. С другой стороны, В. Ленин полагал, что мог бы воспользоваться амбициями Японии и рассматривал ДВР как крепость для предотвращения экспансии в Сибирь.

¹⁹ Проект «5. Создание японо-российского информационного агентства», февраль 1919 г. JACAR Ref. B11090476500 «Вопросы, касающиеся экономической помощи и пропаганды в Западной Азии» (B-3-4-1-23-8).

²⁰ Кабинет министров Японии, возглавляемый Хара Такаси. – *Прим. авт.*

Илл. 3. Карта РСФСР и ДВР, 1917 г.

III. 3. The map of the Russian Soviet Federative Socialist Republic and the Far Eastern Republic, 1917.

Спустя год после основания Дальневосточной республики (ДВР) газета «Урадзио ниппо» в редакционной статье под названием «Приветствуем и желаем счастья Дальневосточной республике» поздравила республику по случаю того, что теперь она может играть роль буферного государства²¹. Фактически же, в то время японо-советские переговоры велись именно через ДВР. Позднее, после вывода японских войск, ДВР сразу же вошла в состав Советского государства.

С начала мая 1921 г. и до завершения вывода Сибирской экспедиционной армии 25 октября 1922 г. было опубликовано значительное количество статей на страницах газеты «Урадзио ниппо». Среди них и сообщение об Обата Како, который приехал в Россию после революции и пропал без вести²².

В городе действовали 234 японских магазина и проживало более 5000 японцев. Царил хаос, японские и российские горожане были разделены, в нестабильной ситуации вести бизнес было трудно, но «Урадзио ниппо» пыталась выполнить свою миссию как газета, собирающая и предоставляющая информацию самой разной тематики из множества различных источников. Таким образом, издание служило площадкой для формирования общественного мнения среди японских жителей Владивостока, особенно по вопросам обеспечения их интересов и вывода войск.

В этот период японские войска начали отступление из некоторых районов Сибири. По вопросам их вывода из Дальневосточной республики в 1921–1922 гг. состоялись Дайрэнская²³ и Чанчуньская²⁴ конференции. И поскольку точная дата, время и условия

²¹ «Урадзио ниппо» № 965. Выпуск от 5 мая 1921 г. «Приветствуем и желаем счастья Дальневосточной Республики».

²² В 1014-м номере «Урадзио ниппо» от 5 июля 1921 г. в статье «Обата Како: сотрудничает с газетой «Чита»» сообщается, что Обата пишет статью для газеты Дальневосточной республики под названием «Япония и Дальневосточная республика».

²³ Дайрэнская конференция проходила в г. Дайрэн (Далянь) с перерывами с 26 августа 1921 по 16 апреля 1922 г.

вывода были неясны, среди японских жителей процветали всевозможные домыслы, предположения и спекуляции. Организовать эту информацию в спокойной и сдержанной манере было доверено изданию «Урадзио ниппо». Обсуждались следующие вопросы: 1) следует ли Японии рассматривать Дальневосточную республику в качестве стороны, с которой можно вести переговоры о выводе войск; 2) как Японии смотреть на вывод своих военных сил и на последующее обращение с жителями-японцами в ДВР. В «Урадзио ниппо» постепенно стало увеличиваться количество редакционных и журналистских статей, а также начали публиковаться колонки с комментариями и мнениями экспертов. Эти публикации были посвящены вопросам обеспечения экономической деятельности, безопасности и имущественных прав японских жителей в ДВР, а также участию японского правительства в защите их интересов после вывода войск.

Многие авторы указывали на то, что большинство японских жителей Владивостока живёт в крайне тяжёлых условиях. Японское правительство же стояло в стороне и утверждало: «Никаких оснований для материальной помощи нет, как нет никаких оснований и для финансирования». Естественно, это вызывало большое недовольство²⁵. Член редакционной коллегии Хироока Мицухару представляет обзор информации, полученной им от правительственных источников во время деловой поездки в Токио²⁶. В связи с тем, что войска были отправлены с целью защиты японских жителей в России, в комментариях также звучали и вопросы, например: «какой будет политика правительства в отношении России после того, как большинство японских жителей вернётся на родину?». В действительности существовало несколько различных теорий и предложений, как следует действовать самим жителям сейчас и как прогнозировать ситуацию в будущем.

В номерах «Урадзио ниппо» за октябрь 1921 г. эти теории были разделены на «оптимистичный» и «пессимистичный» подходы²⁷. «Оптимистическая» точка зрения заключалась в том, что после вывода войск между Японией и Дальневосточной республикой будет заключён договор о дружбе и торговле, гарантирующий безопасность японских жителей. Предусматривалось, что те, кто сотрудничал с военными, вернутся домой, в Японию, но остальные останутся, и, вероятно, обстановка в целом улучшится. Хотя с началом вывода войск будет сохраняться некоторый риск для тех, кто останется. В конечном итоге настанут спокойные времена, поскольку обе страны хотят развивать взаимную торговлю. «Пессимистическая» точка зрения отвергала оптимизм в целом, но особенно в отношении перспективы заключения торгового договора. Её сторонники предсказывали, что Владивосток в итоге перейдёт под управление Дальневосточной республики, находящейся под влиянием «революционных радикалов». И, поскольку положение беженцев из других сибирских городов оставалось крайне тяжёлым, сторонники этого подхода призывали к дальнейшему присутствию японских войск.

В итоге, не обретя надежды на защиту со стороны Японии, в «Урадзио ниппо» так и не смогли предложить какие-либо конкретные решения. Высказывались также тезисы об

²⁴ Чанчуньская конференция проходила в Чанчуне (Китай) с 4 по 26 сентября 1922 г.

²⁵ «Урадзио ниппо» № 1092. Выпуск от 8 октября 1921 г. «Помощь иностранным жителям и причины для этого».

²⁶ «Урадзио ниппо» № 1092. Выпуск от 8 октября 1921 г. «Ко всем местным жителям иностранцам» (Хироока Мицухару) (корреспондент).

²⁷ «Урадзио ниппо» № 1097. Выпуск от 14 октября 1921 г. «Вывод войск и соотечественников, оставшихся в стране».

эмиграции: что это «нечто большее, чем просто шаг за границу», «необходим дух независимого развития», что «при эмиграции следует оставить позади понятия страны и национальных концепций и стать гражданами мира»²⁸.

Несмотря на то, что японские жители обменивались информацией и обсуждали этот вопрос, ситуация становилась всё более напряжённой, и требовалось неотложно принимать какие-то ответные меры. И они были приняты. Реакцией стало проведение съезда японских жителей, состоявшегося 14 мая 1922 г. После отправки экспедиционных войск Японии в Сибирь в 1918 г. такие съезды, проводившиеся несколько раз, стали представительной площадкой для выражения мнений японских жителей Владивостока. Наиболее бурную эмоциональную реакцию вызвал съезд, проходивший в июле 1920 г., когда обсуждалась новость о том, что Дальневосточная республика заменяет свои денежные знаки на новый рубль [Hashimoto 1994: 118].

В апреле 1922 г. газета «Урадзио ниппо» опубликовала редакционную статью под названием «Давайте объединимся!», где, несмотря на «тяжёлое положение, в котором находятся наши соотечественники, проживающие во Владивостоке, и изо дня в день пытаются выжить», призывала людей «сплотиться и объединиться ради самосохранения» и для разрешения ситуации²⁹. Затем, начиная с 4 мая, на первой странице каждого номера появлялась специальная колонка под названием «Необходимо срочно провести собрание жителей для преодоления сложившейся трудной ситуации», в которой газета апеллировала к общественному мнению, представляя голоса различных «влиятельных и уважаемых людей». В итоге съезд жителей был проведён 14 мая. Исполнительный комитет, ответственный за подготовку, состоял из 10 членов, включая Идзуми и других лиц, связанных с газетой «Урадзио ниппо». Инициативная группа жителей включала 42 активиста, среди которых был и репортёр газеты Отаке Хирокити³⁰. После собрания были единогласно приняты «Резолюция съезда жителей Владивостока» и «Наши требования»³¹. Сообщается, что в нём приняли участие 700 человек, что составляет более четверти всех японцев, проживающих в ДВР³².

Упомянутый выше Хироока Мицухару позже вспоминал события того времени: «... Отаке договорился с Идзуми Рёносукэ из газеты «Урадзио ниппо» и другими, чтобы провести съезд жителей Владивостока, на котором было принято решение способствовать ускорению вывода японских экспедиционных сил. <...> Сам гарнизон считал, что жители находятся под его защитой, живут, получая от этого выгоду, и поэтому им нет необходимости требовать вывода войск. Однако сами жители провели съезд и постановили, что присутствие войск ухудшит будущие отношения между Японией и Советским Союзом, а значит войска следует вывести. Это был серьёзный удар по гарнизону. В результате Отаке

²⁸ «Урадзио ниппо» № 1100. Выпуск от 16 октября 1921 г.

²⁹ «Урадзио ниппо» № 1250. Выпуск от 28 апреля 1922 г. «Давайте объединимся!».

³⁰ «Урадзио ниппо» № 1265. Выпуск от 16 мая 1922 г. «Резолюция съезда жителей (14 мая)»; редакционная статья «Первое копье» (Идзуми Рёносукэ).

³¹ «Урадзио ниппо» № 1265. Выпуск от 16 мая 1922 г. Она включала в себя резюме выступлений 11 спикеров под заголовком «Симфония сердец между ораторами на трибуне и присутствующими: резюме львиного рёва яростного пламени каждого оратора».

³² «Урадзио ниппо» № 1265. Выпуск от 16 мая 1922 г. «Конференция жителей прошла с огромным успехом, мест не было, зал полон настолько, что не осталось места даже стоять».

и Идзуми подверглись угрозам со стороны «факелоносцев» военных, которые грозились совершить на них ночное нападение» [Hirooka 1961: 266].

Съезды жителей также проводились в июле и августе 1922 г. В газете сообщалось: «японские жители Владивостока провели съезд, чтобы потребовать от правительства исправления ситуации. Собрание посетили более 800 человек, и резолюция была принята немедленно». Также было решено, что согласованные в мае «Резолюция» и «Требования» должны были быть переданы правительству как «Конкретные заявления»³³. Затем в октябре армия Дальневосточной республики, подошедшая к городу, подписала соглашение с японской армией, и военные организованно отступили морским путём.

«Урадзио ниппо», как упоминалось выше, активно участвовала в общественной жизни: она организовывала съезды жителей, а также проводила честный и независимый сбор и подсчёт голосов, отражающих «чувства народа». На основании этих данных газета критиковала Сибирскую экспедицию. Это был период её наибольшей выразительности и влияния. Хотя, с точки зрения потомков, газета, возможно, и не обладала полной информацией о внутривосточной ситуации в Японии, она, тем не менее, объективно освещала борьбу японцев, которые, несмотря на зависимость от государственной политики, отчаянно отстаивали собственные интересы.

Заключение

В данной статье «Урадзио ниппо» анализируется не только как традиционная коммерческая и региональная газета, ориентированная на освещение повседневной жизни местных жителей, но и как издание, способное формировать и выражать собственное мнение в критические моменты, например, при выводе японских экспедиционных сил. Более того, документы Министерства иностранных дел и Министерства обороны показывают, что японские военные спецслужбы использовали «Урадзио ниппо» как средство пропаганды, запустив также публикацию русскоязычной версии. Таким образом, газета оказалась вынуждена лавировать между противоречивыми требованиями местного населения и военных. В более широком контексте Сибирская экспедиция выявляет общие черты с последующей японо-китайской войной: сопротивление военных планам правительства, приводившее к двойной дипломатии Японии; создание специальных военных подразделений для заговоров, разведки и пропаганды; а также формирование и попытки контроля марионеточных правительств на местах.

Таким образом, анализ «Урадзио ниппо» в период с 1917 по 1930 г. обеспечивает многогранное понимание положения местной японской диаспоры и влияния международных отношений на жизнь людей. В статье предпринята попытка осветить общий исторический контекст, акцентируя внимание на процессах и изменениях в средствах массовой информации и обществе, связанных с японскими жителями Владивостока и Сибирской экспедицией Японии. Более глубокое изучение самого издания как архивного документа предлагается в качестве темы для будущих исследований.

³³ «Урадзио ниппо» № 1311. Выпуск от 11 июля 1922 г. «Резолюция о проведении съезда жителей принята единогласно. Петиция правительству из 7 статей», «Проект предложений резолюции»; «Урадзио ниппо» № 1312. Выпуск от 12 июля 1922 г. «Японские жители Владивостока собрались, чтобы потребовать от правительства принятия мер». В том же номере газеты от 12 июля № 1312 статья «Японские жители Владивостока встречаются, чтобы потребовать принятия правительства мер».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зайцев Дмитрий. Новый взгляд на основание русской версии газеты «Урадзю ниппо» // Север № 21. 2005.

REFERENCES

Zaytsev Dmitriy (2005). Novy vzglyad na osnovanie russkoy versii gazeti «Urajio nippo» [A new look at the founding of the Russian version of the newspaper “Urajio Nippo”], Sever, No. 21.

* * *

Asada Masafumi (2016). *Shiberia shuppei kindainihon no wasure rareta shichinensensō* [The Siberian intervention: modern Japan's forgotten the Seven Years' War]. Chuko Shinsho, 43 p. (In Japanese). [麻田雅文『シベリア出兵 近代日本の忘れられた七年戦争』中公新書、2016年、43頁].

Asada Masafumi (2023). Shiberia teppei-ron no keifu to zumotomotosada [The genealogy of the Argument for the withdrawal of troops from Siberia and Zumoto Motosada]. *Colonial Cultural Studies*, 21: 4–16. (In Japanese). [麻田雅文「シベリア撤兵論の系譜と頭本元貞」『植民地文化研究』第21号、2023年].

Ebihara Hachiro (1936). *Kaigai hōjishinbun zasshi-shi* [The history of overseas Japanese language newspapers and magazines]. Gakujishoin (reprinted in 1980), 252 p. (In Japanese). [蛸原八郎『海外邦字新聞雑誌史』学而書院、1936年（復刻1980年）、252頁].

Fujimoto Wakio (2018). Roshia kakumei to Nihon — zai Urajiosutoku sōryōji hōkoku o yomu [The Russian revolution and Japan: reading the report of Consul General in Vladivostok]. Sever, 34: 32, article from the *Ura Shio Daily*, 37–38, January 30–31, 1918. (In Japanese). [藤本和貴夫「ロシア革命と日本 — 在浦潮斯德総領事報告を読む」『セーヴェル』34号、2018年、32頁所収の『浦潮日報』37-38号、1918年1月30～31日号記事].

Furumoto Shozo (1991). *Roshia tokuhain* [The Russian correspondent]. Nauka. (In Japanese). [古本昭三『ロシア特派員』ナウカ、1991年].

Hashimoto Tetsuya (1992). “Urajio nippō” no seiritsu to “Shiberia shuppei” [The establishment of the Urashio Daily News and the Siberian intervention]. *Kanazawa University Faculty of Economics Review*, 12. (In Japanese). [橋本哲哉「『浦潮日報』の成立と『シベリア出兵』」『金沢大学経済学部論集』12号、1992年].

Hashimoto Tetsuya (1994). Shiberia shuppei-ki ni okeru “urajio nippō” [The Urashio Daily News during the Siberian intervention]. In: *Rediscovering the History of Northeast Asia*, Tadao Furumaya (ed.), Yushindo Kobunsha, 104 p. (In Japanese). [橋本哲哉「シベリア出兵期における『浦潮日報』」古厩忠夫編『東北アジア史の再発見』有信堂高文社、1994年、104頁].

Higuchi Kiichiro (1971). *Attsu, Kisuka-gun shirei-kan no kaisō-roku* [Memoirs of the Commander of the Attu and Kiska Forces]. Fuyo Shobo, 82 p. (In Japanese). [樋口季一郎『アッツ、キスカ軍司令官の回想録』芙蓉書房、1971年、82頁].

Hirooka Mitsuharu (1961). Urajiosutoku de no Ōtake-san no shigoto [Otake's work at Vladivostok]. In: *Hiroyoshi Otake's Manuscripts and Memories*. Otake-kai, 266 p. (In Japanese). [広岡光治「浦潮斯德での大竹さんの仕事」大竹博吉『遺稿と追憶』大竹会、1961年、266頁].

Hiyama Kunihiro (1981). “Urajio nippō” sōritsu-sha Izumi Ryōnosuke [Izumi Ryonosuke, the founder of the Urashio Nippo]. Sankei Shimbun Lifestyle Information Center, 97 p. (In Japanese). [桧山邦祐『『浦潮日報』創立者 和泉良之助』サンケイ新聞生活情報センター、1981年、97頁].

- Morgun Zoya (2016). *Urajiosutoku nihonjin kyoryūmin no rekishi 1860–1937-nen* [The History of Japanese residents in Vladivostok, 1860–1937]. Tōkyōdōshuppan, 193 p. (In Japanese). [ゾーヤ・モルグン 『ウラジオストク 日本人居留民の歴史 1860～1937 年』 東京堂出版、2016 年、193 頁].
- Sato Yoichi (2011). *Teisei-ki no urajiosutotsuku – shigaichi keisei no rekishi-teki kenkyū* [Vladivostok in the imperial period: a historical study of urban development]. Waseda University Press. (In Japanese). [佐藤洋一 『帝政期のウラジオストク—市街地形成の歴史的研究—』 早稲田大学出版部、2011 年].
- Saveliev Igor (1996). Nihongo shinbun “Urajio nippō” to Urajiosutoku no nihonjin imin [The Japanese-language newspaper “Urashio Nippo” and Japanese immigrants in Vladivostok]. *Annual Report on Immigration Studies*, 2, March. (In Japanese). [サヴェリエフ・イゴリ 「日本語新聞『浦潮日報』とウラジオストクの日本人移民」 『移民研究年報』 第 2 号、1996 年 3 月].
- Teruyuki Hara (1998). *Urajiosutoku monogatari* [The story of Vladivostok]. Sanseido, 548 p. (In Japanese). [原暉之 『ウラジオストク物語』 三省堂、1998 年、548 頁].
- Yoshida Noriaki (2025). “Urajio nippō” to sono jidai 1917–1930 – kyoryūmin, Shiberia shuppei, kyokutōkyōwakoku o tsunaida hōji-shi [The Urashio Daily News and its Era 1917-1930: a Japanese-language newspaper that connected residents, the Siberian intervention, and the Far Eastern republic]. *Intelligence*, 25: 50–63. [吉田則昭 「『浦潮日報』とその時代 1917–1930—居留民、シベリア出兵、極東共和国をつないだ邦字紙」 インテリジェンス. 2025.25.50–63].
- Zaitsev Dmitry (2006). Hōbun shinbun “Urajio nippō” no hōdō kara mita nikō jiken [The Nikkei incident as seen in the reports of the Japanese newspaper “Urashio Nippo”]. *Journal of Japanese Studies, Osaka University*, 25. (In Japanese). [ザイツェフ・ディミトリー 「邦文新聞『浦潮日報』の報道から見た尼港事件」 『大阪大学日本学報』 第 25 号、2006 年].

Поступила в редакцию:	13.05.2025	Received:	May 13, 2025
Принята к публикации:	01.06.2025	Accepted:	Jun 1, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-84-101

Адмирал Ли Сун Син в политике Пак Чон Хи

Ким Ен Ун¹Сенчищева Мария Викторовна¹¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Адмирал Ли Сун Син – национальный герой корейского народа, почитаемый как в КНДР, так и в Республике Корея. Спустя более четырёх с половиной веков после героической гибели его образ был активно востребован другим историческим деятелем – Пак Чон Хи. Генерал Пак Чон Хи, пришедший к власти в результате военного переворота, в течение 18 лет железной рукой правил Южной Кореей. Согласно опросам общественного мнения, этот президент на протяжении многих лет остаётся самым популярным в истории страны. Его главная заслуга – создание «экономического чуда на реке Ханган», которое превратило одну из беднейших стран мира в процветающее государство. Президент Пак активно, настойчиво и умело внедрял героический образ флотоводца Ли Сун Сина в массовое сознание. В интерпретации исторической роли адмирала на протяжении правления Пак Чон Хи делались разные акценты. Сначала Ли Сун Син представлял как патриот, отдавший жизнь в борьбе с иностранными захватчиками, выдающийся военачальник и создатель первого в мире броненосного корабля. Затем на первый план выдвинулся образ верноподданного: чиновника, который, несмотря на несправедливость по отношению к нему со стороны высшей власти, никогда не выступал против неё, продолжал служить ей верно, не помышляя о личном обогащении или славе. Исследование показывает, что через призму этой исторической фигуры Пак Чон Хи успешно укреплял свой режим и легитимизировал собственную политику, основанную на национализме и антикоммунизме.

Ключевые слова: Ли Сун Син, Пак Чон Хи, легитимация власти, патриотизм, исторический образ.

Авторы:

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kim@iccaras.ru; kimkorea@list.ru

Сенчищева Мария Викторовна, бакалавр, помощник Учёного секретаря, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0003-9233-8702. E-mail: mashasenchischeva@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № 0194-2019-0004 «Национальные интересы России на Корейском полуострове. Проблемы обеспечения безопасности и денуклеаризация Корейского полуострова. Социально-экономическое развитие КНДР и РК и перспективы торгово-экономического сотрудничества России с двумя корейскими государствами»).

Для цитирования: Ким Ен Ун, Сенчищева М.В. Адмирал Ли Сун Син в политике Пак Чон Хи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 84–101. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-84-101

Admiral Yi Sun-sin in Park Chung-hee's politics

Kim En Un¹

Senchishcheva Mariya V.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. Admiral Yi Sun-sin is a national hero of the Korean people, revered both in the DPRK and in the Republic of Korea. More than four and a half centuries after his heroic death, his image was actively revived by another historical figure, Park Chung-hee. General Park Chung-hee, who came to power through a military coup, ruled South Korea with an iron fist for 18 years. According to public opinion polls, this president has remained the most popular in the country's history for many years. His main achievement is the creation of the “economic miracle on the Hangang River”, which turned one of the poorest countries in the world into a prosperous state. President Park actively, persistently and skillfully introduced the heroic image of Naval Commander Yi Sun-sin into the public consciousness. The interpretation of the Admiral's historical role changed during the reign of Park Chung-hee. At first, Yi Sun-sin was portrayed as a patriot who gave his life in the fight against foreign invaders, an outstanding military leader and the creator of the world's first armored ship. Then, the image of a loyal subject came to the fore: an official who, despite the injustice of the higher authorities, never opposed them and continued to serve the government faithfully, without thinking about personal enrichment or fame. The study shows that through the prism of this historical figure, Park Chung-hee successfully consolidated his regime and legitimized his own policies based on nationalism and anti-communism.

Keywords: Yi Sun-sin, Park Chung-hee, legitimization of power, patriotism, historical image.

Authors:

Kim En Un, PhD (Philosophy), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kim@iccaras.ru; kimkorea@list.ru

Senchischeva Mariya Viktorovna, bachelor, Assistant to the Academic Secretary, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0003-9233-8702. E-mail: mashasenchischeva@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project № 0194-2019-0004 “National interests of Russia on the Korean Peninsula. Problems of ensuring security and denuclearization of the Korean Peninsula. Socio-economic development of the DPRK and RK and prospects for trade and economic cooperation between Russia and the two Korean states”).

For citation: Kim En Un, Senchischeva M.V. (2025). Admiral Li Sun Sin v politike Pak Chon Khi [Admiral Yi Sun-sin in Park Chung-hee's politics]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): p1–p2. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-p1-p2

Введение

В 2025 г. исполняется 480 лет со дня рождения адмирала Ли Сун Сина – единственного национального героя, почитаемого как в КНДР, так и в Республике Корея. Ли Сун Син родился в обедневшей дворянской семье и поздно начал карьеру: лишь в 31 год он получил низший, 9-й ранг государственного чиновника. Однако, несмотря на все перипетии своего

жизненного пути, Ли Сун Син, погибший в бою с японскими интервентами, был посмертно удостоен высших государственных почестей: звания 성무일등 공신 («Сонму Илдын Консин» – «привилегированная особа первого класса»), титула 덕풍 부원군 («Токпхун Пувонгун» – «Великий князь Токпун») и почётного имени 영원 귀중 («Ёнвон Гвичжун»), которое присваивалось только высшим руководителям государства. Получив смертельное ранение во время боя, адмирал приказал своему племяннику скрывать его смерть до исхода сражения, чтобы не подорвать боевой дух войск. Ли Сун Син вошёл в историю мирового военно-морского искусства как первый полководец, применивший бронированные корабли-черепахи (거북선 – «кобуксоны») для уничтожения вражеского флота.

Рис. 1. Кобуксон («корабль-черепаха» – первый в мире бронированный корабль).

Рис. Ю.Б. Балашевой.

Pic. 1. Geobukseon («Turtle ship» – the world's first armored ship). Pic. by Yu.B. Balasheva.

Источник: Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2076168 (дата обращения: 10.09.2025).

Source: The Great Russian Encyclopedia 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2076168 (accessed: Sep 10, 2025).

В 2024 г. исполнилось 45 лет со дня гибели Пак Чон Хи – третьего президента Республики Корея (согласно официальной нумерации – пятого, шестого, седьмого, восьмого и девятого). Будучи выходцем из бедной крестьянской семьи в колониальной Корее, он окончил училище и японскую академию сухопутных войск и служил лейтенантом в Квантунской армии. Несмотря на спорные страницы биографии, согласно опросам общественного мнения, он остаётся самым выдающимся президентом в истории Южной Кореи. Пак Чон Хи был убит начальником собственной охраны во время частного ужина. 15 августа 2024 г. в родном городе Тэгу ему был установлен памятник.

Что связывает этих двух исторических деятелей? Один погиб, сражаясь против японских агрессоров, другой начинал карьеру в японской армии и даже подписал клятву верности императору. Парадоксально, но именно Пак Чон Хи сделал всё для сохранения

памяти о Ли Сун Сине, образ которого японские колонизаторы пытались стереть из народного сознания. Это противоречие обусловило цель исследования: выявить причины, принципы и методы, благодаря которым Пак Чон Хи сформировал и использовал образ Ли Сун Сина как символ истинного патриотизма, верности долгу и государству.

Роль образа Ли Сун Сина в легитимизации власти Пак Чон Хи

Военный переворот 16 мая 1961 г. в Республике Корея был осуществлён при молчаливом согласии властей США. С середины апреля по 15 мая президент США получил не менее восьми докладов от ЦРУ о готовящемся путче. В этих документах указывались его руководители, а также была дана характеристика фактического лидера переворота – генерал-майора Пак Чон Хи¹. Американское руководство знало его как проверенного союзника. Пак Чон Хи сотрудничал с командованием войск США ещё в период оккупации южной части Корейского полуострова (с сентября 1945 г. по 15 августа 1948 г. – день провозглашения независимой Республики Корея), а затем и во время Корейской войны 1950–1953 гг., где отличился в боях. Кроме того, во второй половине 1950-х гг. Пак прошёл годовую стажировку для высшего командного состава армии Южной Кореи на территории США.

Почему США, никогда не одобрявшие вмешательство военных в политику, молчаливо поддержали переворот в стране, считавшейся их сателлитом?

У любого военного переворота существует множество причин. В случае с Республикой Корея можно выделить две основные. Во-первых, после падения режима диктатора Ли Сын Мана к власти пришли т.н. либеральные демократы. Часть из них ранее служила прежнему правителю, другие были идеалистами, полагавшими, что одних лишь демократических лозунгов и свобод достаточно для процветания страны. Они коренным образом изменили государственное устройство, заменив президентскую республику парламентской, по образцу США и Японии. По их замыслу, реальная власть должна была перейти к премьер-министру, в то время как президент оставался бы символической фигурой. Однако эти идеалистические представления столкнулись с суровой реальностью: менее чем за год в стране сменилось пять составов правительства, что привело к политическому хаосу и немедленно отразилось на общественной безопасности и экономике; резко возросла организованная преступность, усилились коррупция и рэкет, а экономическое положение продолжало ухудшаться. Сложившаяся нестабильность создала почву для военного вмешательства.

Во-вторых, провозглашённая свобода привела к росту влияния левых и социалистических партий. Это было закономерно: КНДР, имевшая вдвое меньше населения и понёсшая больший урон в войне, к 1961 г. занимала 50-е место в мире по ВВП на душу населения, тогда как Южная Корея – лишь 101-е [Торкунов, Денисов, Ли 2008]. На севере были проведены социальные реформы: установлено равенство прав мужчин и женщин, введено бесплатное образование и медицина, принята пенсионная система. Это делало социалистические идеи популярными на юге. Студенты и рабочие требовали сотрудничества с КНДР и аналогичных преобразований. Была даже запланирована массовая демонстрация у 38-й параллели на 20 мая 1961 г. для «братания» с северной молодёжью. Такое развитие событий не устраивало ни США, ни правящий класс Южной Кореи. Военный переворот

¹ Соответствует воинскому званию генерал-лейтенанта в армии России.

16 мая под руководством Пак Чон Хи был хорошо организован: части морской пехоты захватили ключевые объекты Сеула, а заговорщики объявили о «спасении нации».

Для легитимации власти хунте требовалась народная поддержка. Одним из методов было демонстративное наведение порядка. Был введён комендантский час, запрещены митинги и деятельность политических партий. Под лозунгом борьбы с коррупцией разогнали парламент, закрыли более 170 газет и уволили 40 тысяч чиновников, служивших при предыдущих режимах и обвинённых в коррупции. Как и при других военных переворотах, новые власти сочетали репрессии с демонстративными действиями: так, в сентябре 1973 г., в Чили было свергнуто правительство социалиста Сальвадора Альенде. Тогда сразу после убийства президента во дворце Ла Монеда путчисты арестовали десятки тысяч людей и согнали их в созданные на стадионах и в других местах концентрационные лагеря и начали массовые казни³. Военный режим в Республике Корея тоже начали с мер устрашения, хотя и без применения массовых арестов или создания лагерей. Особенно жёсткие репрессии обрушились на социалистические партии. Многие граждане были заключены в тюрьму без суда и следствия лишь на основании принадлежности к активу этих организаций. В частности, были казнены руководители Социалистической народной партии. Эти меры против социалистов и их сторонников, выступавших за сотрудничество с КНДР, также служили внешнеполитическим целям: демонстрация непримиримой антикоммунистической позиции, направленной на получение поддержки со стороны США, что было необходимо для интеграции страны в глобальную экономику и привлечения иностранных инвестиций. Параллельно хунта взялась за криминал: около 12 тысяч главарей банд были арестованы, публично проведены по улицам Сеула в наручниках, а затем сосланы на остров Чеджудо под строгий надзор.

Очевидно, что устойчивость политического режима не может обеспечиваться исключительно репрессивными мерами, основанными на запугивании. Для долговременной стабилизации власти была необходима широкая общественная поддержка, что требовало целенаправленного завоевания доверия населения. В этом контексте Пак Чон Хи как лидер военного правительства стремился продемонстрировать не только решительную борьбу с преступностью и коррупцией, которые особенно негативно воздействовали на малый и средний бизнес, но и свою патриотическую позицию. Его преданность национальным интересам нашла подтверждение в ходе Корейской войны, в течение которой он сделал стремительную карьеру от капитана до бригадного генерала. Значимым свидетельством национальной самоидентификации Пак Чон Хи стало его решение после освобождения Кореи остаться на родине, несмотря на звание лейтенанта японской армии. Этот выбор, вне зависимости от его личных мотивов, продемонстрировал осознанную связь с Кореей как с истинной родиной – несмотря на то, что его личностное становление происходило в период японского колониального правления.

Для Пак Чон Хи апелляция к патриотизму служила не только инструментом консолидации общества, но и идеологической основой для продвижения национализма в качестве объединяющей доктрины. В историческом контексте послевоенной Кореи, где сохранялись сильные антияпонские настроения, канонизация образа Ли Сун Сина –

³ Tobar H. Stadium's Renaming an Ode to Singer Martyred There. *Los Angeles Times*, Sept. 9, 2003. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2003-sep-09-fg-stadium9-story.html> (accessed: Aug 24, 2024).

национального героя, погибшего в борьбе против японских захватчиков, представлялась стратегически верным решением. Это позволяло режиму получить народную поддержку и укрепить легитимность власти, одновременно отвлекая внимание от компрометирующего факта службы самого Пака в японской армии в колониальный период. Параллельно начал культивироваться нарратив о том, что Пак Чон Хи с детства восхищался адмиралом Ли Сун Сином, считая его спасителем корейской нации в период Имджинской войны (1592–1598). Данный миф был призван создать образ патриотически настроенного лидера, чьи личные ценности и исторические ориентиры полностью совпадали с интересами нации.

Можно предположить, что для Пак Чон Хи, родившегося в период утраты Кореей независимости после аннексии 1910 г., фигура Ли Сун Сина имела особое символическое значение. Более того, сам Пак Чон Хи, вероятно, усматривал определённые параллели между своей биографией и жизнью адмирала. Президенту удавалось искусно проводить в своей риторике аналогии между кризисными ситуациями периода Имджинской войны и вызовами середины XX в., используя эти исторические отсылки для легитимации собственного политического режима и мобилизации народной поддержки.

Пак Чон Хи начал свою политическую деятельность с критического переосмысления корейской истории. В его интерпретации она представляла как череду регрессивных процессов и застоя, характеризующаяся борьбой за выживание в условиях иностранного господства и репрессий [Park 1963]. Он подвергал резкой критике внутриэлитную фракционную борьбу, утверждая, что она не только подрывала национальный суверенитет, но и подавляла волю к экономическому развитию, поскольку правящий класс был поглощён исключительно политическим соперничеством. Данная историческая концепция Пак Чон Хи отчасти сформировалась под влиянием «Биографии Ли Сун Сина»⁴, с которой он познакомился в детстве. В этом произведении подробно описано бездействие правителя Сонджо и коррумпированных правительственных чиновников в период японского вторжения 1592 г., что символизировало для Пака системный кризис и несостоятельность традиционной правящей элиты.

Такая интерпретация корейской истории позволила Пак Чон Хи представить Ли Сун Сина как ключевую фигуру, продемонстрировавшую высшие образцы патриотизма в условиях национального кризиса в период Имджинской войны. Стремясь к реформированию исторического нарратива, администрация Пака инициировала систематическую кампанию по возвеличиванию образа адмирала, результатом которой стало окончательное закрепление его статуса как «национального героя». Согласно данным архива корейского новостного портала Naver, пики медиа-освещения, связанного с Ли Сун Сином, в XX в. пришлись на 1931 и 1962 гг.⁶. Если всплеск интереса в 1931 г. объясняется публикацией биографии полководца, то активность 1962 г. была непосредственно связана с культурной политикой режима Пак Чон Хи. В рамках стратегии легитимации власти через апелляцию к национальным героям именно в этом году были осуществлены масштабные проекты: выпущены балетная

⁴ Автор данной книги, литератор Ли Гван Су, участник собрания студентов-корейцев, учившихся в Токио и подписавших революционную по характеру Декларацию независимости от 8 февраля 1919 г., во время её написания выступал за независимость своей родины, но в период Второй мировой войны он активно поддержал японскую агрессию, за что был внесён в официальный список прояпонских коллаборационистов РК.

⁶ Naver 뉴스 라이브러리 이순신 [Новостная библиотека Naver, «Ли Сун Син»]. Naver. URL: <https://newslibrary.naver.com/> (дата обращения: 03.01.2024). (На кор.).

постановка, полнометражный фильм и историческая драма (무용극 이순신, 영화 '성웅 이순신, 연속사극 '성웅 이순신'), посвящённые образу адмирала как символу героизма и жертвенности. Параллельно правительство организовало беспрецедентные по размаху памятные мероприятия, призванные утвердить культ Ли Сун Сина в общественном сознании.

Увековечение памяти Ли Сун Сина в памятниках материальной культуры

Среди событий, связанных с увековечиванием памяти Ли Сун Сина, особое значение приобрела масштабная реставрация в 1966 г. мемориального святилища, первоначально возведённого в 1706 г., затем снесённого и восстановленного в 1932 г. Церемония открытия стала кульминацией празднования дня рождения адмирала, на ней присутствовало около десяти тысяч человек. Выступая перед собравшимися, Пак Чон Хи заявил: «Способ уважать и обожать адмирала Ли от всего сердца заключается не в простом сооружении святилища, а в подтверждении нашей решимости и усилий смотреть в лицо беспокойной реальности нашего отечества и преодолевать её, верно следуя драгоценным учениям, которые он оставил после себя...» [Park 1970: 243].

Фото 1. Ритуальная церемония в день рождения адмирала Ли в 1963 г.

Photo 1. A ceremony marking Admiral Yi's birthday in 1963.

Источник / Source: Kim Jihong. Making 'the National Image' of Korea: From the Shrine of the Joseon Dynasty to the National Memorial of the Republic of Korea. *Buildings*, Oct 27, 2022. URL: <https://www.mdpi.com/2075-5309/12/11/1799> (accessed: Sep 10, 2025).

Другой инициативой президента стало установление памятника, посвящённого адмиралу, на площади Кванхвамун в Сеуле. В период с 1968 по 1972 гг. правительственный «Патриотический комитет по строительству памятников предкам» (애국선열조상건립위원회) координировал установку 15 статуй, посвящённых выдающимся историческим деятелям Кореи. Комитет заявлял, что целью данной инициативы было «возведение памятников великим личностям и мученикам, оставившим бессмертный след в национальной истории, с целью популяризации их духа и утверждения их в качестве

образца для нации» [Jeon 2007]. Мемориальные проекты эпохи Пак Чон Хи, включая программу установки памятников, были направлены на укрепление национального единства на основе идей модернизации, экономического развития, антикоммунизма и объединения нации. «Движение по строительству памятников предкам» также преследовало цель преодоления кризиса, наступившего в середине правления Пака, и подавления оппозиции. Стоит заметить, что из 15 памятников, включённых в программу «Движения», только установка статуи Ли Сун Сина была оплачена из личных средств президента Пак Чон Хи.

Фото 2. Пространство для поклонения и пространство для хранения главного зала святилища Хёнчхунса.

Photo 2. Worship space and storage space of the main hall of Hyeonchungsa Shrine.

Источник / Source: Kim Jihong. Making ‘the National Image’ of Korea: From the Shrine of the Joseon Dynasty to the National Memorial of the Republic of Korea. *Buildings*, Oct 27, 2022. URL: <https://www.mdpi.com/2075-5309/12/11/1799> (accessed: Sep 10, 2025).

Культурная политика эпохи Пак Чон Хи, которая стремилась стабилизировать режим и объединить нацию посредством мемориальных проектов, не ограничивалась «движением по возведению «памятников предкам». В 1966 г. начался спонсируемый правительством проект по превращению храма Хёнчхунса в святилище [Сенчищева 2024]. С 1967 г. также продвигался памятный проект, посвящённый королю Седжону⁸.

Первоначально открытие статуи адмирала Ли Сун Сина было запланировано на 21 октября 1967 г., однако затем церемония была перенесена на 27 апреля 1968 г. – за день до 423-й годовщины со дня рождения героя. Причиной послужили публичные споры относительно внешнего вида статуи. Ситуация приобрела особую остроту, поскольку установка памятника королю Седжону (которая была завершена 28 сентября 1967 г.) и монумента монаху XVI в. Юджону (ноябрь 1967 г.) была отложена из-за скандала вокруг памятника Ли Сун Сину, лично курируемого Пак Чон Хи и финансируемого по его инициативе. Критика касалась трёх основных аспектов: исторической достоверности внешности адмирала, типа меча и способа его держания.

Главным предметом разногласий стал меч, который оказался японским. Автор памятника, скульптор Ким Се Джун аргументировал свой выбор тем, что меч адмирала,

⁸ Седжон Великий – четвёртый ван корейского государства Чосон (1418–1450 гг.). При нём был создан хангыль – корейский алфавит.

хранящийся в святилище Хёнчхунса, имеет японское происхождение, поскольку в тот период такое оружие считалось наиболее передовым. Кроме того, на клинке из Хёнчхунса присутствует надпись о мастерах Тэ Гу Рёне и Ли Му Сене, изготовивших его в апреле 1594 г. (год Кабо), что соотносится с записью в дневнике самого Ли Сун Сина «Нанджун ильги» от 26 августа 1595 г. о выдаче сабель работы этих же кузнецов офицерам флота [Ли Сун Син 2013: 181].

Вторым пунктом критики стало скульптурное изображение адмирала держащим меч в правой руке, что сделало бы невозможным извлечение клинка из ножен, если бы он не был левшой. На это Ким Се Джун ответил, что поза имеет символическое значение: Ли Сун Син предстаёт как победитель в войне с Японией, что и оправдывает решение держать меч в правой руке – как знак триумфа.

Фото 3. Памятник адмиралу Ли Сун Сину на площади Кванхвамун.

Photo 3. The monument to Admiral Yi Sun-sin at Gwanghwamun Square.

Источник / Source: vecteezy.com. URL: <https://www.vecteezy.com/photo/22246753-seoul-south-korea-nov-14-2017-the-statue-of-admiral-yi-sun-shin-was-erected-at-the-front-of-gwanghwamun-square-south-korea> (accessed: Sep 10, 2025).

Местом для установки статуи была избрана площадь Кванхвамун. Согласно распространённой интерпретации, выбор обусловлен тем, что учёные-пхунсу (геоманты) указывали на необходимость нейтрализации избыточного влияния японской энергетики, проникавшей в «сердце нации» через широко открытые проспекты Седжон-но и Тхэпхён-но. Для гармонизации этого потока требовалось установить мощный символический объект. Таким объектом и призван был стать памятник адмиралу Ли Сун Сину – национальному

герою, одержавшему победу над японским вторжением. Данное решение подтверждается свидетельством Ким Чжон Пхия, премьер-министра Республики Корея (1971–1975, 1998–2000) и первого председателя Комитета по строительству памятников: «Комитет задумывался как масштабное духовное движение, призванное пробудить национальную гордость и волю к возрождению нации. Президент Пак Чон Хи прямо приказал мне: “Постройте на перекрёстке Седжон-но статую того, кого в Японии больше всего боятся и почитают”» [Jeon 2007]. Такой исторической фигурой символического защитника-хранителя стал адмирал Ли Сун Син. На ключевом геополитическом и сакральном перекрёстке Кванхвамун его монумент визуально воплощал функцию охраны «сердца нации».

Открытие статуй, созданных в рамках работы комитета, всегда было приурочено к событиям, имевшим особое значение для режима Пак Чон Хи. В апреле-мае 1968 г. были открыты памятники адмиралу Ли Сун Сину, королю Седжону и монаху Самендану, а в мае 1972 г. – памятники военачальнику государства Корё в XI в. Кан Гам Чхану, Ким Дэ Гонгу (первому католическому священнику Корё, казнённому в возрасте 25 лет) и Юн Бон Гилю (расстрелянному в возрасте 24 лет за взрыв бомбы, унёсшей жизнь японского генерала в Шанхае). Открытие этих памятников было приурочено к годовщине военного переворота 16 мая 1961 г. В свою очередь открытие памятников Ли И (неоконфуцианцу, борцу с коррупцией в XVI в.), Вон Хё (писателю, буддистскому наставнику), Ким Юсину (военачальнику, сыгравшему решающую роль в создании Объединённого Силла, подчинившего в VII в. Когурё и Пекче) и Ыльчжи Мундоку (военачальнику конца VI в. государства Когурё, разгромившему войска китайской династии Суй), воздвигнутых с августа по октябрь 1969 г., подчёркивало важность «освобождения» корейской нации от японского господства. В октябре 1970 г. увековечены в монументах были Ю Гван Сун – казнённая в 1920 г. в возрасте 17 лет участница Первоапрельского движения, Син Саимдан – художница, поэтесса XVI в., Чон Мон Чжу – конфуцианский учёный периода Корё, Чон Як Ён – учёный-энциклопедист, философ, представитель движения за практические науки Сирхакпха, Ли Хван – выдающийся философ-неоконфуцианец Тхэге XVI в. Таким образом, правительство Пак Чон Хи проводило церемонии открытий памятников, чтобы укрепить систему власти, приурочивая события к юбилеям или периодам политических действий, о значении которых народ должен был помнить. «Движение по строительству памятников предкам» проводилось с целью преодоления кризисной фазы в середине правления Пак Чон Хи, а также для того, чтобы подавить оппозицию правящему режиму.

Более того, деятельность комитета, продолжавшаяся с 1968 по 1972 гг., охватывает период, когда режиму Пак Чон Хи требовалось вернуть поддержку народа, так как уже в 1967 г., после его переизбрания на второй президентский срок, состоялись выборы в Национальное собрание, результатами которых многие были недовольны. По всей стране прошли студенческие демонстрации против фальсификации выборов, вследствие чего 19 июня 1967 г. 31 университет и 136 средних школ повышенной ступени были закрыты.

Следующий кризис режима Пак Чон Хи был вызван его желанием переизбраться на третий срок, однако Конституция 1962 г. ограничивала период президентских полномочий двумя четырёхлетними сроками, в связи с чем требовалось внести в неё поправку. Чтобы поправка была принята Национальным собранием, Пак Чон Хи провёл чистки в Демократической республиканской партии, от которой он был выдвинут президентом

в 1963 г., оставив только лояльных своему режиму политических деятелей. Президент собрал лояльных депутатов ночью в парламенте, потом вывез их в одно из правительственных зданий, где они проголосовали за решение, позволявшее ему избираться на третий срок. Благодаря принятию поправки Пак, хоть и с небольшим перевесом голосов, смог переизбраться, победив выходца из провинции Чолладо, у которого явно не было шансов выиграть. Итоги выборов вызвали особое недовольство среди граждан – по всей стране продолжались протестные демонстрации.

Столкнувшись с растущим общественным недовольством и очевидной невозможностью законного переизбрания, Пак Чон Хи, осознававший кризис легитимности своего режима, предпринял меры по радикальной централизации власти. 6 декабря 1972 г. его администрация провозгласила «общегосударственное чрезвычайное положение», объявив безопасность страны высшим приоритетом правительственной политики. В заявлении подчёркивалось недопущение любых форм социальных волнений и провозглашалась необходимость формирования новой системы ценностей, основанной на принципах национальной безопасности. При игнорировании протестов оппозиции 27 декабря 1972 г. на внеочередном заседании Национального собрания был принят закон «Об особых мерах по защите государства», который легитимизировал чрезвычайное положение и предоставил президенту исключительные полномочия. К ним относились права замораживать заработную плату и цены, мобилизовывать человеческие и природные ресурсы, ограничивать публичные собрания и демонстрации, осуществлять контроль над средствами массовой информации и общественными организациями, а также перераспределять бюджетные средства [Lee 2012: 227]. Консолидировав всю полноту власти, Пак Чон Хи инициировал создание Конституции Юсин, которая де-факто предусматривала возможность его пожизненного правления. После формальной ратификации основного закона он был переизбран на четвёртый срок в качестве единственного кандидата, завершив трансформацию политической системы в авторитарный режим.

Таким образом, можно заключить, что деятельность Комитета по возведению памятников предкам осуществлялась в период острого политического кризиса режима Пак Чон Хи. Параллельно с проведением конституционных реформ, направленных на радикальную централизацию власти, администрация Пака использовала исторический нарратив как инструмент легитимации. Апеллируя к образам национальных героев, известных своей жертвенной преданностью отечеству, режим стремился нейтрализовать общественное недовольство и сформировать новый общественный консенсус, основанный на патриотизме и лояльности правящей власти.

Эволюция трактовки образа Ли Сун Сина

Трактовка образа Ли Сун Сина отражала тенденции государственной политики того времени, трансформируясь и адаптируясь под конкретные правительственные нужды [Santos 2018: 30]. Первая репрезентация Ли Сун Сина в официальном дискурсе 28 апреля 1964 г. как национального героя, спасшего нацию на поле боя, отражала идеологический контекст начала 1960-х гг. с его акцентом на антикоммунизм и приоритет национальной безопасности. Эта интерпретация напрямую коррелировала с программными установками, изложенными в Декларации революционного правительства от 16 мая 1961 г., где из шести ключевых

пунктов два непосредственно касались антикоммунистической борьбы: укрепление антикоммунизма как государственной идеологии и воспитание сил, способных противостоять коммунистическому влиянию для будущего объединения нации.

В дальнейшем образ Ли Сун Сина постепенно трансформировался, что было обусловлено переходом экономической политики Пак Чон Хи к полномасштабной реализации в середине 1960-х гг. В мемориальной речи 1966 г. адмирал был представлен как провидец и выдающийся стратег, разработавший комплекс контрмер против японского вторжения задолго до его начала. Этот новый акцент подчёркивал не только военные заслуги исторического деятеля, но и его исключительную дальновидность. Особое значение в выступлении 1966 г. получила этическая составляющая образа адмирала. Пак Чон Хи акцентировал беспрецедентное благородство и патриотизм Ли Сун Сина, который, будучи несправедливо смещён с поста главнокомандующего в результате придворных интриг, не проявил ни малейшей обиды по отношению к правительству. Его добровольное возвращение на службу при повторном призыве было представлено как акт абсолютной преданности нации. Президент провёл прямую параллель между историческим контекстом и современными вызовами, заявив, что для преодоления внешних угроз корейский народ должен руководствоваться мудростью и дальновидностью адмирала. Эта риторика была призвана мобилизовать общество на реализацию долгосрочного курса развития, предлагаемого режимом, представив его как единственно верный путь, предопределённый самой историей и национальными героями [Park 1970: 277–278].

Сделанный Пак Чон Хи акцент на дальновидность адмирала объясняется тем, что президенту требовалось придать позитивный имидж подписанию договора о нормализации отношений между Кореей и Японией. Данный внешнеполитический шаг, инициированный под давлением США, был призван обеспечить экономическое развитие Южной Кореи за счёт японских инвестиций и технологий, одновременно снижая финансовую нагрузку по содержанию южнокорейской армии для Вашингтона [Тихонов 2011: 223]. Ключевой момент заключается в том, что в процессе попыток Пак Чон Хи нормализовать отношения с Японией и подписать договор его режим столкнулся с очередным политическим кризисом. Более чем 200 представителей оппозиционных партий, религиозных и культурных организаций объединились в Общенациональный комитет по противодействию унижительным переговорам с Японией. Студенты активно выступали на демонстрациях протеста. Режим Пак Чон Хи пресёк народное возмущение, введя военное положение в Сеуле 3 июня 1964 г. Однако, когда соглашение с Японией было представлено для ратификации в Национальное собрание, более 60 оппозиционных законодателей объявили об отставке [Тихонов 2011: 223]. Пак Чон Хи удалось преодолеть этот кризис и без учёта народного мнения подписать договор с Японией в 1965 г.

Акцент на стратегическую расчётливость адмирала Ли Сун Сина в мемориальной речи Пак Чон Хи 1966 г. служил инструментом легитимации непопулярного корейско-японского договора 1965 г. Через историческую параллель Пак транслировал ключевое послание: истинный патриотизм проявляется не в эмоциональном неприятии компромиссов, а в способности принимать стратегически верные, хотя и непопулярные, решения для долгосрочного блага нации. Образ адмирала, который в своё время действовал прагматично и дальновидно, использовался для обоснования текущей политики. Режим представлял договор не как уступку Японии, а как проявление государственной мудрости, аналогичной

той, что демонстрировал Ли Сун Син в период Имджинской войны. Таким образом, критика договора подавлялась не только силовыми методами, но и через подмену понятий: несогласие с властью представлялось как «близорукость» и непатриотичный эмоциональный порыв, в то время как поддержка трактовалась как проявление «дальновидности» и верности национальным интересам. В обращении президента 1967 г. Ли Сун Син предстал как исторический символ национальной модернизации, как учёный, который изобрёл корабль-черепашу [Park 2004: 31]. Данная трансформация образа Ли Сун Сина отражает идеологический сдвиг конца 1960-х гг., когда наряду с антикоммунизмом ключевой государственной доктриной стала ориентация на экономическое развитие. Риторика Пак Чон Хи, акцентирующая стратегическое видение и экономическую автономию адмирала, напрямую коррелировала с запуском второго пятилетнего плана экономического развития (1967–1971), где провозглашалась цель построения полностью самостоятельной экономики к 1980 г. Достичь цели планировалось путём выполнения следующих задач:

- самообеспечения продуктами питания, развития лесной и рыбной промышленности;
- создания базы высокотехнологичной промышленности через строительство предприятий химической, металлургической, машиностроительной отраслей;
- достижения уровня экспорта в 700 млн долл.;
- увеличения занятости населения с помощью политики планирования семьи;
- повышения доходов населения;
- повышения уровня научно-технического развития и уровня подготовки людских ресурсов [Курбанов 2009: 527].

В мемориальной речи 1969 г., посвящённой дню рождения Ли Сун Сина, Пак Чон Хи осуществил тонкую политическую инструментализацию образа адмирала. Упоминание о завершении реконструкции святилища Хёнчхунса служило не только выражением уважения к историческому герою, но и создавало символический капитал для легитимации собственной власти. Ключевым элементом выступления стала цитата, акцентирующая аполитичность адмирала, который «отправился в море сражений без официальных знаков отличия... благоразумно держась в стороне от высокой политической власти и богатства» [Park 1970: 243]. Эта риторика не случайно совпала с кампанией по принятию конституционной поправки, позволявшей Пак Чон Хи баллотироваться на третий срок. Представляя Ли Сун Сина как эталон служения нации вне политических амбиций, президент косвенно дискредитировал оппозицию, приравнивая её политическую активность к корыстным интересам, чуждым истинному патриотизму. Таким образом, память о национальном герое была использована для создания нарратива, в котором поддержка действующей власти и её инициатив (включая спорные конституционные изменения) подавалась как моральный долг каждого патриота, в то время как оппозиционная деятельность рассматривалась как проявление недостойных амбиций.

Ещё один аспект, который президент затрагивал в памятной речи 1969 г., посвящённой адмиралу, – «провокации и запугивания со стороны коммунистического режима на севере страны», с которыми необходимо бороться, одновременно выполняя задачи экономического развития и модернизации [Park 1970: 243]. Речь идёт о вооружённых инцидентах в корейской демилитаризованной зоне, продолжавшихся с 1966 по 1969 гг.

Фото 4. Главный зал храма Хёнчхунса.

Photo 4. The main hall of Hyeonchungsa Temple.

Источник / Source: gettyimages.com. URL: https://www.gettyimages.com/detail/photo/hyeonchungsa-asan-south-chungcheong-province-royalty-free-image/837889730?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera (accessed: Sep 10, 2025).

Поводом к конфликту стало нарушение южнокорейской стороной 13-го пункта соглашения о прекращении огня между севером и югом Кореи, согласно которому обе стороны договаривались не размещать на своей территории ядерное и баллистическое оружие. В сентябре 1956 г. председатель объединённого комитета начальников штабов США Артур Рэдфорд, согласовав решение с президентом США Дуайтом Эйзенхауэром и Советом национальной безопасности, объявил о желании разместить на территории Южной Кореи ракеты MGR-1 Honest John⁹ и пушки 280 мм Gun M65¹⁰ с ядерными боеголовками, способными поражать территорию КНР и СССР. Согласно этому решению в январе 1958 г. официально было заявлено о размещении ядерных боеголовок на территории Южной Кореи. В ответ Пхеньян привёл свои вооружённые силы в повышенную боевую готовность. В связи с этими событиями Пак Чон Хи в своей риторике продолжал акцентировать внимание на бескорыстном патриотизме, непоколебимости и мужестве адмирала, призывая южнокорейский народ сплотиться и поддержать государство в верном направлении. Более того, назвав святилище Хёнчхунса «ареной, где воспитывался дух Чунмогуна», Пак выразил

⁹ MGR-1 Honest John – твердотопливная баллистическая ракета, первая ядерная ракета в арсенале США с дальностью полета до 25 км, с мощностью ядерного заряда до 30 килотонн. В неядерном фугасном варианте боеголовка весила более 670 кг.

¹⁰ Gun M65 – 280-мм полустационарная пушка США 1950-х гг.

надежду, что это место будет укреплять в сердцах граждан дух патриотизма, поможет защитить страну от внешней агрессии и наконец достичь долгожданного объединения и процветания. Президент также заявил, что миссия корейского народа заключается в том, чтобы передать славное наследие потомкам Ли Сун Сина, и для этого южнокорейскому государству необходимо обеспечить самодостаточную обороноспособность и достичь экономического прогресса [Park 1970: 243].

В 1970-х гг. образ Ли Сун Сина приобрёл уже несколько иное значение – верного подданного, ставившего интересы государства превыше своих собственных [Roh 2004: 31]. Такое изменение восприятия фигуры адмирала обуславливалось необходимостью внесения поправки в Конституцию 1971 г., разрешающей избрание президента на третий срок, а в дальнейшем и введение новой Конституции Юсин, согласно которой вся власть сосредотачивалась в руках Пак Чон Хи, фактически ставшего пожизненным президентом.

Период Четвёртой республики после принятия Конституции Юсин можно охарактеризовать как наиболее репрессивный и диктаторский за всё время нахождения Пака у власти. Важнейшим приоритетом политики объявлялось обеспечение безопасности государства. Было заявлено, что администрация не допустит никаких угрожающих власти социальных волнений, в связи с чем был выдвинут призыв установить новую систему ценностей, центром которой должна стать национальная безопасность. Как следствие, вводились жёсткие правила цензуры в журналах и газетах, был закрыт один из старейших вузов – университет Корё, студенты которого активно участвовали в демонстрациях против Конституции Юсин; с деятелями, неугодными режиму, жестоко расправлялись. За годы Четвёртой республики были лишены свободы более 20 тыс. оппозиционеров. Новая Конституция ограничивала права трудящихся и разрешала президенту вводить чрезвычайные меры. Также существенно ограничивались основные права человека: отменялись гласные слушания в судах по применению ареста в качестве меры пресечения для обвиняемых и разрешалось осуждение на основании признательных показаний обвиняемых [Тихонов 2011: 228].

В очередной раз апеллируя к конфуцианской добродетели – преданности правителю, воплощённой в образе Ли Сун Сина, Пак Чон Хи призывал граждан, переживавших значительные экономические лишения, подчинить личные интересы задачам государственного развития. Через эту историческую параллель режим стремился легитимизировать жёсткие условия военного правления, представляя их как необходимую жертву во имя обеспечения национальной безопасности и будущего процветания.

К началу 1970-х гг. международная обстановка претерпела значительные изменения. Провозглашение «доктрины Никсона»¹¹ в 1969 г. и последовавшее за ним признание легитимности правительства Северной Кореи потребовали от южнокорейского руководства адаптации к новой геополитической реальности. Возможность диалога между Севером и Югом была реализована через переговоры Обществ Красного Креста и закреплена в «Совместном заявлении от 4 июля 1972 года», провозгласившем три принципа объединения: самостоятельность (без вмешательства внешних сил), мирный процесс и «великую национальную консолидацию». Эти процессы развивались на фоне глобальной

¹¹ Согласно этой доктрине, провозглашённой президентом Никсоном 25 июля 1969 г., США обязывались и в дальнейшем участвовать в обеспечении обороны союзников и заявляли о своём праве определять масштабы, формы и сферы вмешательства в региональные события, руководствуясь национальными интересами.

разрядки, включая улучшение отношений между США и СССР, а также сближение Вашингтона и Пекина. Парадоксальным образом, несмотря на риторику примирения, данная политика привела к институционализации раскола через концепцию «двух Корей». Оба государства использовали внешнеполитическую разрядку для внутренней консолидации авторитарных режимов: в Южной Корее была принята Конституция Юсин (1972), концентрировавшая всю власть в руках Пак Чон Хи; а в КНДР в том же году вступила в силу Социалистическая Конституция, закрепившая единоличную власть Ким Ир Сена. Параллельно обе Кореи инициировали политику наращивания военного потенциала, что свидетельствовало не о подлинном стремлении к объединению, а о конкурентном противостоянии двух легитимированных международным сообществом режимов.

Правительство Пак Чон Хи было заинтересовано в различных методах контроля общества: например, военной подготовки в школах, резервных войсках и т.д. [Roh 2004: 31]. В связи с этим Пак в очередной раз активно подчёркивал известную в истории преданность адмирала Ли Сун Сина действующему правительству, а также свою готовность отдавать приоритет общенациональным интересам, которыми в 1970-х гг. являлись обороноспособность и национальная безопасность и для следования которым в первую очередь нужно было обеспечить внутригосударственную стабильность.

Сконструировав образ Ли Сун Сина в качестве ключевого элемента национальной идентичности, Пак Чон Хи систематически реинтерпретировал его историческую фигуру в соответствии с актуальными политическими задачами. Эта стратегия позволяла режиму гибко адаптировать идеологический нарратив – от акцента на военные доблести в периоды обострения отношений с КНДР до подчёркивания экономической прагматичности адмирала во время реализации планов модернизации.

Последовательно акцентируя абсолютную лояльность Ли Сун Сина династии Чосон, Пак Чон Хи трансформировал историческую фигуру адмирала в эталон патриотизма. Данная риторика служила инструментом легитимации собственного политического курса: аналогии с несправедливыми гонениями на адмирала со стороны чосонской элиты и его неизменной верностью власти позволяли режиму представлять любую оппозицию как проявление непатриотичного настроения, а требование безусловной поддержки – как моральный долг каждого гражданина.

Фактически, администрация Пака использовала этот нарратив для оправдания системных репрессий, включая введение военного положения, подавление демонстраций и ограничение гражданских свобод. Призыв к жертвенности во имя «спасения нации» (по аналогии с подвигом Ли Сун Сина) становился идеологическим обоснованием для принятия непопулярных мер, которые подавались как временная необходимость ради будущего процветания и безопасности государства. Таким образом, исторический пример был инструментализован для формирования культуры молчаливого принятия авторитарных практик.

Заключение

В современной Южной Корее Ли Сун Син признаётся одним из наиболее почитаемых исторических деятелей, сыгравшим ключевую роль в отражении японского вторжения в период Имджинской войны (1592–1598). Однако восприятие его образа не оставалось

статичным и подвергалось значительным трансформациям в зависимости от политического контекста.

Наиболее существенная реинтерпретация наследия адмирала произошла после прихода к власти Пак Чон Хи в результате переворота 16 мая 1961 г. Критически оценивая историю Кореи как череду регрессивных периодов, Пак увидел в Ли Сун Сине исключительную фигуру, олицетворявшую жертвенный патриотизм и эффективное преодоление национального кризиса. Образ адмирала стал центральным элементом проекта переосмысления национального прошлого, а видимые параллели между миссиями двух эпох – спасением страны от внешней угрозы и выведением её из экономического коллапса – укрепляли идеологическую связь между историческим героем и действующим лидером.

Режим Пак Чон Хи инициировал системную кампанию по популяризации образа адмирала, включавшую учреждение государственного праздника в его честь, масштабную реконструкцию мемориального святилища Хёнчхунса, возведение монумента на центральной площади Кванхвамун. Эти меры не только цементировали статус Ли Сун Сина как общенационального героя, но и позволяли использовать его образ для легитимации политических решений администрации. Посредством стратегической адаптации наследия адмирала режим гибко манипулировал публичным дискурсом: акцент на его дальновидности оправдывал непопулярный договор с Японией (1965), тема модернизации поддерживала экономические реформы, а нарратив о безусловной верности власти служил оправданием авторитарных методов правления. Таким образом, историческая фигура была инструментализована для мобилизации массовой поддержки и нейтрализации оппозиционных настроений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2009. 680 с. ISBN 978-5-288-04852-4

Ли Сун Син. Военный дневник. Пер. О.С. Пироженко. М.: Наука, Восточная литература, 2013. 375 с.

Сенчищева М.В. Хёнчхунса – храм памяти адмирала Ли Сун Сина // Корееведение. 2024. № 3 (8). С. 15–25. DOI 10.48647/ICCA.2024.21.31.003

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Том 2. Двадцатый век. М.: Наталис, 2011. 491 с. ISBN 978-5-8062-0343-5

Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с. ISBN 978-5-373-02096-1

REFERENCES

Kurbanov S.O. (2009). *Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka* [History of Korea from ancient times to the beginning of the 21st century]. Saint-Petersburg: SPSU, 680 p. (In Russian). ISBN 978-5-288-04852-4

Senchishcheva M.V. (2024). Hyonchkhunsa – khram pamyati admirala Li Sun Sina [Hyeonchungsa is a temple in memory of Admiral Yi Sun sin]. *Koreyevedeniye* [Koreanology], 3 (8): 15–25. (In Russian). DOI 10.48647/ICCA.2024.21.31.003

Tikhonov V.M., Kan Mangil' (2011). *Istoriya Korei. T. 2. Dvadtsatyy vek* [History of Korea. Vol. 2. The Twentieth Century]. Moscow: Natalis, 401 p. (In Russian). ISBN 978-5-373-02096-1

Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.I.F. (2008). *Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoyennoy istorii* [The Korean Peninsula: Metamorphoses of Post-War History]. Moscow: OLMA Media Group, 544 p. (In Russian). ISBN 978-5-373-02096-1

Yi Sun-sin (2013). *Voyennyi dnevik* [The War Diary]. Transl. by O.S. Pirozhenko. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 375 p. (In Russian).

* * *

Jeong Hoghi (2007). Park Chung Hee sidei donsang gonripundongvaegukjui [The Statue Erecting Movement and Patriotism in the Park Chung Hee Era]. *Jeongsin munhwaengu* [Mental and Cultural Studies], 30 (1): 335–363. (In Korean). [박정희시대의 ‘동상건립운동’과 애국주의. 정신문화연구].

Lee Chong-Sik (2012). *Park Chung Hee From Poverty To Power*. Palos Verdes, CA : The KHU Press, 371 p.

Park Chung Hee (1963). *Gukgawa hyeokmyeonggwa na* [The State, the Revolution, and Me]. Seoul: Hyangmusa, 293 p. (In Korean). [국가와 혁명과 나. 향무사].

Park Chung Hee (1970). *Major Speeches by Korea's Park Chung Hee, A New Horizon in Asia* 3. Seoul: Hollym Corporation, 244 p.

Park Chung Hee (1970). *Our Nation's Path*. Seoul: Hollym Corporation, 240 p.

Roh Young-koo (2004). Yi Sun-shin, an Admiral Who Became a Myth. *The Review of Korean Studies by The Academy of Korean Studies*, 7 (3): 15–36.

Santos Brandon L. (2018). *South Korean Nationalism and the Legacy of Park Chung Hee: How Nationalism Shaped Park's Agendas and the Future Korean Sociopolitical Landscape*. Graduate Thesis. Chadron State College, University of Nebraska. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/chadron/1> (accessed: Jun 20, 2024).

Yi Kwangsu (2020). *Yi Sun-shin jangpyeon soseol* [Yi Sun-shin novel]. Paju: Taehaksa. Vol. 20. 446 p. (In Korean). [이순신 장편 소설. 태학사].

Поступила в редакцию:

31.05.2025

Received:

May 31, 2025

Принята к публикации:

10.09.2025

Accepted:

Sep 10, 2025

Очерки

Essays

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-102-110

**Вьетнамовед Евгений Кобелев:
биография и публикации последних лет**

Горчакова Татьяна Евгеньевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье представлены биографические материалы о жизни и работе Евгения Васильевича Кобелева (02.05.1938–05.05.2025) – одного из крупнейших вьетнамоведов России. Он оставил заметный след в развитии российского востоковедения благодаря своим публикациям в книгах и журналах, а также активной общественной деятельности в сфере продвижения российско-вьетнамских отношений. Его научное наследие экспертам ещё предстоит изучить, однако уже сегодня можно отметить высокий профессионализм учёного. Он исследовал современный Вьетнам через призму истории этой страны, которую очень хорошо знал, поскольку был непосредственным участником многих ключевых событий – в частности, как журналист ТАСС. Указаны основные работы Е.В. Кобелева, в том числе и в российском журнале «Восточная Азия: факты и аналитика», с которым он тесно сотрудничал.

Ключевые слова: АСЕАН, Вьетнам, Евгений Кобелев, вьетнамоведение, наука, публикации, журналы.

Автор: Горчакова Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра научного мониторинга и развития, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-11161200. E-mail: tatiana.gorchakova@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Горчакова Т.Е. Вьетнамовед Евгений Кобелев: биография и публикации последних лет // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 102–110. (На англ.). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-102-110

**The Vietnamese scholar Evgeny Kobelev:
biography and publications of recent years**

Gorchakova Tatiana E.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article presents biographical materials about the life and work of Evgeny Vasil'yevich Kobelev (May 2, 1938 – May 5, 2025), one of the leading Vietnamese experts in Russia. He left a noticeable mark on the development of the Oriental studies in the form of publications in books and journals, as well as through public activities in the field of promoting Russian-Vietnamese relations. His scientific legacy has yet

to be studied by experts, but today we can already note the high professionalism of the scientist. He studied modern Vietnam through the prism of the history of this country, which he knew very well, being a direct participant of many key events, in particular, as a TASS journalist. The article indicates the main works of Dr. Kobelev, including those in the Russian journal “East Asia: Facts and Analytics”, with which he cooperated closely.

Keywords: ASEAN, Vietnam, Evgeny Kobelev, Vietnamese studies, science, publications, journals.

Author: *Gorchakova Tatiana E.*, PhD (Economics), Deputy Director for Science, Head of the Center for Scientific Monitoring and Development, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1116-1200. E-mail: tatiana.gorchakova@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Gorchakova T.E. (2025). V'yetnamoved Yevgeniy Kobelev: biografiya i publikatsii poslednikh let [The Vietnamese scholar Evgeny Kobelev: biography and publications of recent years]. *East Asia: Facts and Analytics* [East Asia: Facts and Analytics], 7(3): 102–110.. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-102-110

Introduction

On May 5, 2025 (at the age of 87), one of the main Russian Vietnamists, Leading Research Fellow of the Center for Vietnam and ASEAN Studies of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences until 2022), the First Deputy Chairman of the Russian-Vietnamese Friendship Society, Evgeny Vasil'yevich Kobelev (PhD in History), passed away¹. On June 17, 2025, the events, dedicated to the scientist's memory, were held in Moscow and Hanoi, being also broadly reflected in the Vietnamese press. Thus, in the interview to the Vietnamese correspondent, the scientist's daughter Dr. T.E. Gorchakova noted: “The main legacy of my father is the spirit of selfless work and the conviction that if you do something, do it 100 %”, and Evgeny Vasil'yevich always lived and worked with this motto^{2,3}. The publications of E.V. Kobelev, which in Russia formed the basis of modern Vietnamese and ASEAN studies, require further research, but some features can already be identified today.

From the biography of the scientist

Evgeny Vasil'yevich Kobelev was born on May 2, 1938 in Ulyanovsk. In 1956, he graduated from high school in Simferopol with a gold medal and immediately entered the newly opened Institute of Oriental Languages of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. In 1958, he was among the first group of Soviet students to continue his studies at the Hanoi State University for two years. In 1962, Evgeny Vasil'yevich graduated with honors from the Institute of Oriental Languages. His diploma thesis was dedicated to the work of the outstanding Vietnamese

¹ In memory of E.V. Kobelev. *The Russian-Vietnamese Friendship Society*, May 5, 2025. URL: <https://orvd.ru/pamyati-ev-kobeleva/> (accessed: Jul 5, 2025). (In Russian).

² In memory of the Russian scientist who dedicated his life to Vietnam. *VietnamPlus*, Jun 17, 2025. URL: <https://ru.vietnamplus.vn/pamjati-rossiiskogo-uchenogo-posvjativshego-zhizn-v-etnamu-post80788.vnp> (accessed: Jul 5, 2025). (In Russian).

³ Tưởng nhớ nhà khoa học Nga gắn bó suốt đời với Việt Nam [Remembering the Russian scientist who devoted his life to Vietnam]. *TuoiTre Online*, Jun 17, 2025. URL: <https://tuoitre.vn/tuong-nho-nha-khoa-hoc-nga-gan-bo-suot-doi-voi-viet-nam-20250617163525054.htm> (accessed: Jul 5, 2025). (In Vietnamese).

poetess Ho Xuan Huong. In 1961, being a student, Evgeny Vasil'yevich was invited to work as a simultaneous interpreter of the Vietnamese language at official events, which included congresses of the CPSU, the All-Union Leninist Young Communist League, and the All-Union Central Council of Trade Unions. At the 22nd Congress of the CPSU he was entrusted with the simultaneous translation of the welcoming speech of Ho Chi Minh, who headed the Vietnamese delegation and highly praised the work of the Soviet student. In addition to the Russian and Vietnamese languages, E.V. Kobelev was fluent in French, English and Ukrainian.

Besides, Dr. Kobelev was a very versatile, educated, and well-read person. He was a professional chess player, participated in chess competitions throughout his life, and was the champion of Crimea. He also had an opera voice and perfect pitch. He sang in five languages. His repertoire included both arias from operas and pop songs.

In 1964–1967, Dr. Kobelev worked in Vietnam as a TASS correspondent, and was then appointed the Head of the Pravda Newspaper Bureau for Indochina. For this work, by the decision of the USSR government, he was awarded the Order of the Badge of Honor. In 1968, E.V. Kobelev, as a highly qualified expert on Vietnam, was invited as a referent to the International Department of the CPSU Central Committee, where he oversaw the relations with the National Liberation Front of South Vietnam (NLF) and afterwards with the People's Republic of Kampuchea. The extensive experience in organizational work allowed him to take the position of the Deputy Head of the Vietnam, Laos and Cambodia sector of the CPSU Central Committee Department for the Relations with Communist and Workers' Parties of Socialist Countries in 1987–1989, and the Head of the Indochina group of countries of the International Department of the Central Committee of the CPSU in 1989–1991 (ill. 1).

The central figure in the creative and scientific biography of Dr. Kobelev was Ho Chi Minh. In 1978, the editors of the famous series “The Lives of Remarkable People” asked him to write a book about Ho Chi Minh. In 1979, the publishing house “Molodaya Gvardiya” issued E.V. Kobelev’s monograph “Ho Chi Minh” [Kobelev 1979] (ill. 2) in a print run of 100,000 copies. This popular science book, among other things, clearly demonstrated the author’s excellent Russian. Many readers noted the high quality of the material presented in the Russian language.

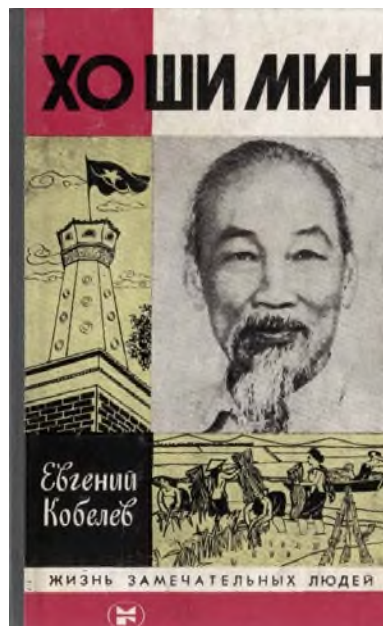
The book enjoyed great success among Soviet readers, so in 1983 it was reissued in a print run of 100,000 copies. Later, this book was published three times in Vietnamese (in 1985, 1990 in Moscow and in 2010 in Hanoi) and twice in English (in 1990 in Moscow and in 1995 in Hanoi). In addition, it was also published in Bulgaria, Kazakhstan, Mongolia and Laos.

In 1981, E.V. Kobelev defended his PhD thesis in History at the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (after 1991, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences). The topic of his thesis was “The Political Biography of Ho Chi Minh”, where a number of unknown or little-known facts from the life and work of Ho Chi Minh were introduced into scientific circulation for the first time, especially regarding Ho Chi Minh’s stay in Soviet Russia from 1923 to 1938. And later the scholar has repeatedly addressed the topic related to the historical role of Ho Chi Minh (see, for example, [Gorchakova, Kobelev 2020]).

Since 1991, a new stage in the life of E.V. Kobelev began, which marked a direct involvement in science. He became a Senior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, where he published the first monographic study in Russia devoted to the post-Soviet period of the Vietnamese history – “Modern Vietnam: Reforms, Renewal, Modernization (1986–1997)” [Kobelev 1999].

III. 1. Kobelev Evgeny Vasil'yevich

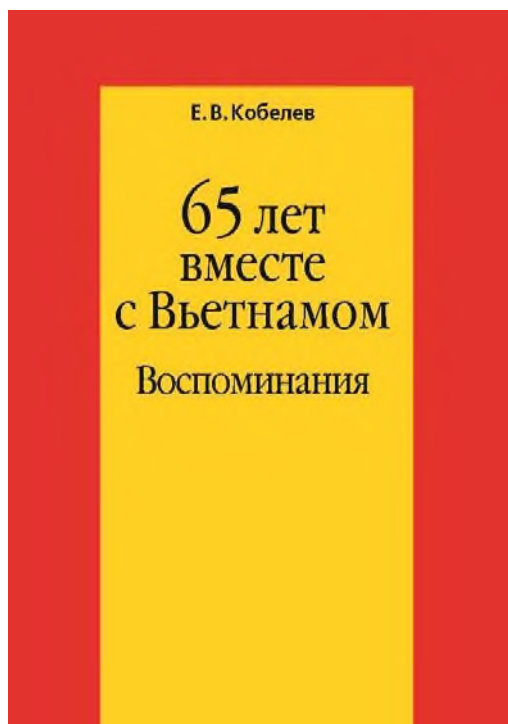
III. 2. Cover of the book “Ho Chi Minh”

Since 2005, Dr. Kobelev has been a Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS). And in 2008 Dr. Kobelev created the Center for Vietnam and ASEAN Studies in the Institute. It was the first specialized “headquarters” for the research of the Southeast Asian issues in Russia, which he headed for six years. This small scientific unit achieved serious results and recognition both in the domestic and foreign scientific community. The Center held international conferences with the participation of leading Vietnamese experts from different countries, annually published 2–3 monographs or collections of articles, regularly submitted analytical reports with specific proposals for government bodies of the Russian Federation, and actively cooperated with leading scientific institutions of the ASEAN countries. Thus, the Center had close ties with foreign scientific and educational institutions: the institutes of the Vietnam Academy of Social Sciences, the Ho Chi Minh State Political Academy, the Hanoi National University, the Vietnam Diplomatic Academy, Chiang Mai University (Thailand), the Royal Academy of Cambodia, the Institute for Strategic and International Studies of the Ministry of Malaysia etc.

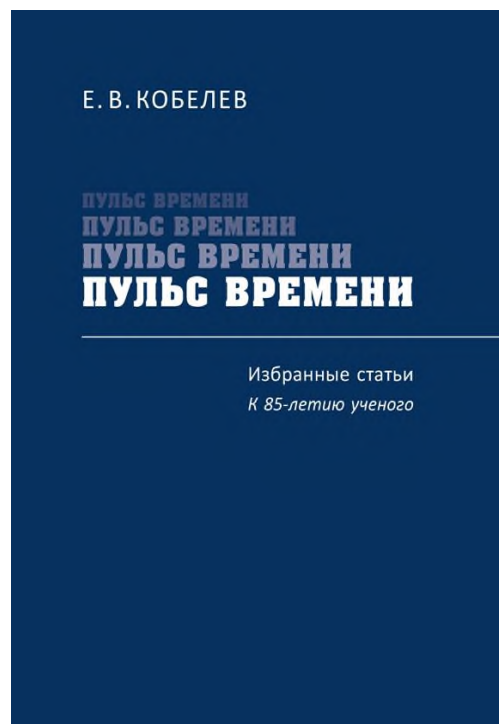
Later, in 2023, the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) published the book by Dr. Kobelev “65 years together with Vietnam. Memories” [Kobelev 2022a; Tsvetov 2022] (ill. 3). The Foundation for assistance to the development of the Russian-Vietnamese cooperation “Traditions and Friendship”⁴ plans to translate this work into Vietnamese.

The latest important monograph by E.V. Kobelev was “The pulse of time (selected articles for the 85th anniversary of the scientist)” [Kobelev 2023a] (ill. 4). This work contains several sections that show the breadth of the problems that the author dealt with, including the economy, foreign and domestic policy of Vietnam, and such topics as the Communist Party of Vietnam, Ho Chi Minh, and the Russian-Vietnamese relations.

⁴ The Foundation “Traditions and Friendship” is a non-profit organization registered on August 17, 2020 with the Ministry of Justice of the Russian Federation, registration number 1207700294020. URL: <https://fonddruzhba.ru/> (accessed: Jul 5, 2025).

III. 3. Cover of the book
“65 years with Vietnam. Memories”, 2022

III. 4. Cover of the book
“The pulse of time...”, 2023

Along with his scientific and expert work, E.V. Kobelev gave a lot of time to popularizing the Russian-Vietnamese relations through numerous comments and interviews in the media, as well as public activities as the First Deputy Chairman of the Russian-Vietnamese Friendship Society, which has branches in two dozen regions of Russia and carries out extensive work to develop and strengthen bilateral humanitarian ties.

Dr. Kobelev is widely known in Vietnam as one of the leading Russian experts on the country's history, literature and culture, as well as the Vietnamese language. The Vietnamese government highly appreciated the multifaceted activities of Evgeny Vasil'yevich in strengthening the friendly relations between our countries. He was awarded the Vietnamese Order of Friendship, the commemorative Badge of the Academy of Social Sciences of Vietnam “For achievements and contribution to the development of social sciences”, and the commemorative Badge of the Union of Friendship Societies of Vietnam “For peace and friendship between peoples”.

Journal publications of recent years

In addition to published monographs, E.V. Kobelev actively cooperated with the scientific journals of the IFES/ICCA RAS: “Far Eastern Studies” (ISSN 0131-2812), “The Russian Journal of Vietnamese Studies” (ISSN 2618-9453) and “East Asia: Facts and Analytics” (ISSN 2686-7702).

In 2019, the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences started issuing the electronic scientific journal “East Asia: Facts and Analytics” (EAFA), with Dr. T.E. Gorchakova as the Editor-in-Chief. The first issue of EAFA was published on October 4, 2019. From the very beginning, E.V. Kobelev was actively involved in the work of the journal, acting as a reviewer and as an author of scientific publications. His publications were, as a rule,

historical and sometimes autobiographical. The author often used unique photographs from his personal archive.

Dr. Kobelev's first article in the journal "East Asia: Facts and Analytics" was "The Vietnamese studies in the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences" (2021), dedicated to the 55th anniversary of the IFES RAS. In this article the author described how the Institute, created mainly to study China, gradually turned into a multifaceted scientific institution for the study of Japan, the Korean Peninsula, the problems of the Asia-Pacific region and the activities of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). And in 2008, the Director of the IFES RAS, Academician M.L. Titarenko signed an order to include in the scope of activities of the Institute the study of Vietnam, which is an integral part of the ancient Chinese area both geographically, historically, and even spiritually, and along with it the problems of ASEAN, where this country has played an increasingly important role since 1995 [Kobelev 2021a]. The Head of this center was Dr. E.V. Kobelev.

In the historical essay "Phan Boi Chau – the Vietnamese revolutionary democrat, predecessor of Ho Chi Minh" (2021), the author talks about the life and work of one of the leaders of the national liberation movement in Vietnam, the predecessor of Ho Chi Minh – Phan Boi Chau. Coming from the class of Vietnamese Confucians, he could have made a brilliant career as an official, but chose the path of fighting for the liberation of his homeland [Kobelev 2021b].

In the article "The lessons of Vietnam and the Ukrainian crisis" (2022), E.V. Kobelev was one of the first in the Russian science to draw attention to the experience of Hanoi's leadership of the national liberation struggle in Southern Vietnam in the 1960s–1970s, and then the liberation of Cambodia from the criminal Pol Pot regime in the context of the absence of a "second front" during the implementation of Russia's special operation in Ukraine in 2022 [Kobelev 2022b].

The historical essay "Paris talks. How it was... (On the 50th Anniversary of signing the Paris Agreement on ending the war and restoring peace in Vietnam)" (2023) is dedicated to the 50th anniversary of signing the Paris Agreement (January 27, 1973). The author analyzes the main Vietnamese publications of this period, which show the process of the US and DRV leadership realizing the need for a political settlement of the long-term military conflict and creating the prerequisites for this. The materials also describe the most important features of the Paris negotiations and their completion on the terms that meet the interests of the Vietnamese people [Kobelev 2023b].

The article "Ho Chi Minh and Russia (On the 100th anniversary of Ho Chi Minh's first arrival to our country on June 30, 1923)" (2023) tells about a significant event in the Russian-Vietnamese relations – the opening of the bronze monument to the leader of the Vietnamese people Ho Chi Minh on June 30, 2023 in St. Petersburg on the occasion of the 100th anniversary of his first arrival to Russia. According to the author, it was Ho Chi Minh who laid the "foundation of fraternal friendship" between the peoples of our countries and until the end of his days did everything possible to ensure that it developed and strengthened [Kobelev 2023c].

The article "The clash of war correspondents in Hanoi" (2024) is dedicated to the events of the Vietnam War (1955–1975), where the author participated as the TASS war correspondent. From the perspective of an eyewitness, he describes the realities of a journalist's work in Hanoi, from where correspondents from different countries sent information reports on military operations to their news agencies [Kobelev 2024a].

The article “The features of the Vietnamese-Cambodian relations in the historical retrospect” (2024) examined two mutually exclusive positions on the origin and development of the Cambodian People’s Revolutionary Party (CPRP). The first is the position of the Pol Pot-Ieng Sary group: the revolutionary movement in Cambodia developed and won independently. The second is the position of the healthy forces of the CPRP: the Cambodian revolution is a part of the revolutions in Vietnam and Laos [Kobelev 2024b].

The latest scientific article by E.V. Kobelev was also published in the journal “East Asia: Facts and Analytics”. It is called “The lessons of the historical experience of the Communist Party of Vietnam. On the 95th anniversary of its establishment” and is devoted to the main reasons for the phenomenon of the successful activity of the CPV over a historically long period. According to the author, they are contained in the consistent struggle against factionalism in the ranks of the party and the ability to stand behind one or another political force, leading it, but “without pushing oneself forward” [Kobelev 2025].

Among the latest publications, one can also note the article “Tourism industry in Vietnam: importance for the economy and development challenges” [Kobelev 2024c]. The author notes that international tourism is becoming increasingly important in the development of the ASEAN countries, which are experiencing rapid economic growth, as it makes a significant contribution to their economy. He points out the existing difficulties in the tourism industry of Vietnam and calls for more active attraction of guests from Russia, which in the current political situation considers Vietnam a friendly country.

Conclusion

The colleagues highly valued the unique experience and professionalism of E.V. Kobelev, the leading specialist on Vietnam and the ASEAN countries. With his passing, no equivalent replacement in the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences will be possible. However, Evgeny Vasil’yevich left behind scientific publications that allow us not only to assess the high level of the scientist in historical perspective, but also to outline the main directions of further work in order to study the ASEAN countries and solve modern regional and global problems. In particular, we will pay attention to the following points:

1. E.V. Kobelev has many times underlined the importance of ASEAN for the consolidation of the Asia-Pacific countries. It became especially evident in 2025 against the backdrop of the aggressive policy of the US President D. Trump towards Asian countries in the context of the slogan “America First”. Thus, on the one hand, in July 2025, ASEAN demonstrated its growing global influence at its annual Regional Forum (ASEAN Regional Forum (ARF)), and on the other hand, it revealed many more contradictions due to numerous unresolved internal problems⁵.

2. Professional knowledge of the history of Vietnam provides a basis for analyzing current processes, as drawing historical parallels allows us to assess today's geopolitical situation. For example, the experience of the Vietnam War can also be applied to the Ukrainian conflict [Kobelev 2022b]. In this regard, the professionalism of the researcher comes to the fore, offering expert solutions based not only on theoretical reasoning, but above all on personal experience.

⁵ ASEAN asserts global role as internal rifts cloud regional unity. *Nikkei Asia*, Jul 14, 2025. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/ASEAN-asserts-global-role-as-internal-rifts-cloud-regional-unity> (accessed: Jul 15, 2025).

3. The relevance of developing bilateral relations between Russia and Vietnam has been repeatedly emphasized in the publications of E.V. Kobelev. At present, specific measures are needed from Russia to improve relations with Vietnam, which has chosen the path of multilateral cooperation with various countries, including the United States. Although Vietnam is a historical ally of Russia, modern realities require active actions to develop specific areas of cooperation, given the high level of political and economic competition on the global stage.

4. Interaction in the humanitarian sphere, including scientific cooperation and public activities, which need to be developed in the Russian-Vietnamese relations and in the ASEAN-Russia format, is acquiring an important role in relations between the countries. People's diplomacy and mutual tourism occupy a special place here. The topic of humanitarian relations was developed at the international scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries", which took place at the ICCA RAS on April 23, 2025 [Gorchakova 2025a; Gorchakova 2025b].

5. It is relevant to bring Russia closer to the ASEAN countries, using, for example, close ties with Vietnam in order to gain authority and build mutually beneficial relations in all areas, including security issues.

However, a more detailed analysis of Dr. E.V. Kobelev's works still awaits its researchers.

REFERENCES

- Gorchakova T.E. (2025a). Introduction. In: Abstracts. International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries" (April 23, 2025): 11–19. Moscow: ICCA RAS. (In Russian). DOI 10.48647/ICCA.2025.85.75.002
- Kobelev Evgeny (1979). Kho Shi Min [Ho Chi Minh]. Seriya: «Zhizn' zamechatel'nykh lyudey» [Series: "The Lives of Remarkable People"]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
- Kobelev E.V. (1999). Sovremennyy V'yetnam: reformy, obnovleniye, modernizatsiya (1986–1997 gg.) [Modern Vietnam: Reforms, Renewal, Modernization (1986–1997)]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kobelev E.V. (2021a). Vietnamovedeniye v Institute Dal'nego Vostoka RAN [The Vietnamese studies in the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 59–64. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2021-3-59-64
- Kobelev E.V. (2021b). Fan Boy Tyau – v'etnamskiy revolyucionnyy democrat, predshestvennik Ho Shi Mina [Phan Boi Chau – the Vietnamese revolutionary democrat, predecessor of Ho Chi Minh]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 63–70. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2021-4-63-70
- Kobelev E.V. (2022a). 65 let vmeste s V'yetnamom. Vospominaniya [65 years together with Vietnam. Memories]. Moscow: ICCA RAS. (In Russian). ISBN 978-5-8381-0437-3. DOI 10.48647/IFES.2022.68.12.002
- Kobelev E.V. (2022b). Uroki V'yetnama i ukrainskiy krizis [The lessons of Vietnam and the Ukrainian crisis]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 93–101. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2022-3-93-101
- Kobelev E.V. (2023a). Pul's vremeni : Izbrannyye stat'i. K 85-letiyu uchenogo [The pulse of time: selected articles. On the 85th anniversary of the scientist]. Moscow: ICCA RAS. (In Russian). ISBN 978-5-8381-0467-0. DOI 10.48647/ICCA.2023.59.96.001
- Kobelev E.V. (2023b). Parizhskie peregovory. Kak eto bylo... (K 50-letiyu podpisaniya Parizhskogo soglasheniya o prekrashchenii voyny i vosstanovlenii mira vo V'etname) [Paris talks. How it was... (To the 50th anniversary of signing the Paris Agreement on ending the war and restoring peace in

- Vietnam)]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 1: 78–92. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2023-1-78-92
- Kobelev E.V. (2023c). Kho Shi Min i Rossiya (K 100-letiyu pervogo pribytiya Kho Shi Mina v nashu stranu 30 iyunya 1923 goda) [Ho Chi Minh and Russia (On the 100th anniversary of Ho Chi Minh's first arrival to our country on June 30, 1923)]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 69–80. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2023-3-69-80
- Kobelev E.V. (2024a). Skhvatka voenkorov v Hanoi [The clash of war correspondents in Hanoi]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 1: 97–107. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-1-97-107
- Kobelev E.V. (2024b). Osobennosti v'yetnamo-kambodzhiyskikh otnosheniy v istoricheskoy retrospektive [The features of the Vietnamese-Cambodian relations in the historical retrospective]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 94–103. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-94-103
- Kobelev E.V. (2024c). Turisticheskaya otrasl' vo V'yetname: znachenije dlya ekonomiki i trudnosti razvitiya [Tourism industry in Vietnam: importance for the economy and development challenges]. *V'yetnamskiye issledovaniya* [The Russian Journal of Vietnamese Studies], 8 (4): 55–67. (In Russian). DOI 10.54631/VS.2024.84-643288
- Kobelev E.V. (2025). Uroki istoricheskogo opyta Kommunisticheskoy partii V'yetnama. K 95-letiyu so dnya eyo sozdaniya [The lessons of the historical experience of the Communist Party of Vietnam. On the 95th anniversary of its establishment]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (1): 96–107. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-1-96-107
- Tsvetov P.Yu. (2022). Vietnam bez tain. Retsenziya na knigu E.V. Kobeleva “65 let s Vietnamom. Vospominanya” [Vietnam without secrets. Review of the book by E.V. Kobelev “65 years with Vietnam. Memories”]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 65–72. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2022-4-65-72
- * * *
- Gorchakova T.E. (2025b). Opening remarks. In: Abstracts. International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (April 23, 2025): 20–23. Moscow: ICCA RAS. DOI 10.48647/ICCA.2025.51.81.003
- Gorchakova T.E., Kobelev E.V. (2020). Conclusion. In: Ho Chi Minh's heritage in Vietnam and abroad: 355–359. Moscow: Lomonosov Moscow State University. EDN: TNVJVE

Поступила в редакцию:	01.08.2025	Received:	Aug 1, 2025
Принята к публикации:	18.08.2025	Accepted:	Aug 18, 2025

Научная жизньAcademic Life

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-111-121

О международной научной конференции «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» в 2025 году

Казаков Олег Игоревич¹¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. 23 апреля 2025 г. в Институте Китая и современной Азии РАН впервые прошла международная научная конференция «Гуманитарное сотрудничество стран АТР», которая была организована и проведена Центром научного мониторинга и развития ИКСА РАН. На конференции, посвящённой ситуации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, были рассмотрены вопросы гуманитарного сотрудничества между ними, включая сферы культурного, образовательного, научного, спортивного, туристического взаимодействия. Особое внимание было уделено гуманитарным связям Российской Федерации с другими странами АТР.

Ключевые слова: АТР, АСЕАН, Россия, Китай, Япония, Республика Корея, гуманитарное сотрудничество, культура, образование, наука, спорт.

Автор: Казаков Олег Игоревич, начальник Отдела научного мониторинга, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9009-3225. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Казаков О.И. О международной научной конференции «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» в 2025 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 111–121. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-111-121

On the International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” in 2025

Kazakov Oleg I.¹¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. On April 23, 2025, the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences hosted for the first time an International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries”, which was organized and held by the Center for Scientific Monitoring and Development of the ICCA RAS. The conference addressed issues of humanitarian cooperation between the countries of the Asia-Pacific region, including cultural, educational, scientific, sports, and tourism

cooperation. Special attention was paid to the humanitarian relations of the Russian Federation with other countries of the Asia-Pacific region.

Keywords: Asia-Pacific region, ASEAN, Russia, China, Japan, Republic of Korea, humanitarian cooperation, culture, education, science, sports.

Author: Kazakov Oleg I., Head of the Department of Scientific Monitoring, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9009-3225. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kazakov O.I. (2025). O mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gumanitarnoye sotrudnichestvo stran ATR» v 2025 godu [On the International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” in 2025]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 111–121. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-111-121

Введение

Первая международная научная конференция под названием «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» была проведена в Институте Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) 23 апреля 2025 г. Её организатором выступил Центр научного мониторинга и развития ИКСА РАН. Участники форума обсудили широкий спектр вопросов гуманитарного взаимодействия в регионе, включая сотрудничество в культуре, образовании, науке, спорте и туризме, уделив особое внимание связям России с другими странами АТР.

Проведение конференции стало ответом на вызовы текущей международной обстановки. Её необходимость обусловлена тем, что гуманитарное взаимодействие сегодня рассматривается как фундаментальная и объединяющая народы основа международных отношений. Даже в условиях глобальных кризисов и политического противостояния между некоторыми странами гуманитарные контакты не прекращаются; напротив, они продолжают работать, формируя более благоприятный климат в двусторонних и многосторонних форматах благодаря феномену народной дипломатии. В связи с этим повышение роли гуманитарного сотрудничества представляется крайне важным как для развития отношений между союзными государствами, так и для сохранения каналов коммуникации между государствами-оппонентами.

Структурно конференция была разделена на две части: утренняя сессия прошла полностью на английском языке, а в ходе дневной сессии доклады заслушивались на русском языке. Формат участия докладчиков комбинировал очное присутствие и дистанционные выступления.

На конференции с приветственным словом выступили представители иностранных посольств:

- **Варапханни Дамронгмани**, заместитель главы миссии / министра Посольства Королевства Таиланда в России;

- **Хаяси Наоки**, советник, начальник Информационного отдела / отдела по культуре Посольства Японии в России;

- **Чо Сун Кван**, Полномочный Министр Посольства Республики Корея в России.

Представители посольств рассказали о работе своих стран в сфере гуманитарных отношений, отметили важную роль культуры и образования в современном мире и во

взаимодействии с Россией. Н. Хаяси также отметил значительную роль Общества «Россия–Япония» в деле поддержания и развития гуманитарных связей с Японией на современном этапе.

С научными докладами на конференции выступили иностранные учёные и эксперты из Китая, Японии, Республики Корея, Таиланда, Малайзии, Вьетнама и Великобритании. География российских учёных охватила ведущие вузы и НИИ страны. Всего было заслушано 24 научных доклада. По результатам работы конференции вышел сборник тезисов выступлений её участников [Гуманитарное сотрудничество стран АТР...] (илл.).

Илл. Обложка сборника тезисов «Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов»

III. Cover of the book “Abstracts. International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (April 23, 2025)”

Утренняя сессия

На утренней сессии во вступительном слове заместитель директора по научной работе, руководитель Центра научного мониторинга и развития **Горчакова Т.Е.** (ИКСА РАН) обозначила цели проведения конференции. Она, в частности, отметила, что многолетний опыт Советского Союза показывает: даже во времена холодной войны страна уделяла большое внимание взаимодействию с партнёрами и противниками с целью усиления влияния СССР путём установления контактов, в том числе по линии народной дипломатии. Горчакова Т.Е. также подчеркнула: «Актуальность фактора гуманитарного сотрудничества

на современном этапе представляется важной как для развития отношений между дружественными государствами, так и для поддержания контактов между государствами-оппонентами».

Адул Супанут (Университет Сринакхаринвирот, *Таиланд*) выступил с докладом «Отношение поколения Y и поколения Z к намерениям снизить концентрацию PM_{2.5} в Таиланде путём перехода к преимущественному использованию общественного транспорта». Он отметил, что загрязнение воздуха, особенно мелкодисперсными частицами 2,5 (PM_{2,5}), стало критической проблемой для окружающей среды и общественного здравоохранения в Таиланде, в первую очередь из-за выбросов от промышленной деятельности, бытовых источников и личных транспортных средств. Серьёзной экологической проблемой Бангкока, как экономико-политического центра страны, сегодня является сильное загрязнение воздуха из-за высокого уровня владения личными транспортными средствами и быстрой урбанизации. Исследование предлагает практические идеи для политиков, стремящихся смягчить загрязнение воздуха посредством изменения поведения городского населения Таиланда.

Причая Накфон (Университет Сринакхаринвирот, *Таиланд*) подняла проблему наркотиков в докладе «Управление проблемой наркотиков в Таиланде с помощью подхода снижения вреда». По мнению докладчика, глобальная проблема распространения наркотиков заставила страны выделять значительные ресурсы на борьбу с ними. Со стороны предложения основное внимание уделяется подавлению и наказанию производителей и распространителей с помощью правовых средств. Со стороны спроса усилия направлены на сокращение потребления наркотиков с помощью наказания, реабилитации и профилактики. Однако дисбаланс между этими подходами привёл к циклическим нерешённым проблемам. Исходя из этой концепции, докладчик озвучила ключевые вопросы, которые необходимо решить для управления проблемами, связанными с наркотиками.

Картини Халид (Национальный университет Малайзии, *Малайзия*) в докладе «Распределение гражданских обществ в Малайзии: изучение гуманитарной помощи» отметила, что, хотя Малайзия и признана демократической страной, которая активно поощряет участие гражданского общества в своём развитии, она ещё не разработала системный подход к решению проблемы культурного разнообразия, возникающего в результате появления мигрантов и беженцев. В АТР подобные проблемы, такие как кризис беженцев рохинджа, часто решаются на региональном уровне, при этом страны АСЕАН предоставляют временное убежище и помощь. В Малайзии численность беженцев неуклонно растёт, достигнув, по оценкам, 200–250 тыс. человек в 2023 г. Около 3 тыс. малазийских студентов обучаются в российских университетах, в основном на медицинских и инженерных специальностях. С учётом продолжающихся связей между Россией и Малайзией формирование НПО российских выпускников создаст структурированную и поддерживающую среду, приоритетом которой будет взаимовыгодное профессиональное развитие. Выпускники могут расширять связи посредством встреч и ярмарок вакансий, внося вклад в оба сообщества.

Тай Майкл (Кембриджский университет, член Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, *Великобритания*) выступил на тему «Транснациональная экспансия китайских и российских университетов в АТР». Он проанализировал стратегии и результаты китайских и российских университетов по созданию зарубежных кампусов

в Азиатско-Тихоокеанском регионе на примере Сямэньского университета в Малайзии, Пекинского университета языка и культуры в Казахстане и кампуса Московского государственного университета в Шэньчжэне (Китай). Были рассмотрены перспективы расширенного участия России в высшем образовании АТР с учётом таких факторов, как региональный спрос, нормативно-правовая среда и меняющийся ландшафт международного академического сотрудничества. Докладчик подчеркнул важность постоянных инвестиций, обеспечения качества и взаимного признания академических документов для долгосрочного успеха транснациональных кампусов. Также было отмечено, что китайские университеты достигли заметного успеха в использовании транснационального образования в контексте геополитической выгоды, а российские институты пока находятся на ранних стадиях разработки последовательной стратегии для АТР.

Чжан Даньхуа (Институт общественной дипломатии ШОС, Шанхайский университет, *Китай*) выступила с докладом «Как институты Конфуция формируют национальный имидж Китая посредством преподавания китайского языка». Она отметила, что Институты Конфуция стали связующим звеном для понимания Китая миром и платформой для глобального духовного общения. Правильное понимание стратегического позиционирования Институтов Конфуция имеет большое практическое значение для Китая с целью улучшения национального имиджа и усиления его международной дискурсивной силы. В XXI в. КНР начала систематически думать о том, как использовать мягкую силу для повышения всеобъемлющей государственной мощи. Язык – лучший ключ к пониманию страны, поэтому в 2004 г. Китай создал первую группу Институтов Конфуция в Южной Корее и Узбекистане, основной функцией которых стало преподавание китайского языка и распространение китайской культуры в мире. Благодаря совместным усилиям был достигнут значительный прогресс в строительстве Институтов Конфуция и международном образовании в области китайского языка. В 2020 г. число людей, изучающих китайский язык за рубежом, достигло 200 млн человек. Будучи мостом для языковых и культурных обменов, Институты и Классы Конфуция сыграли позитивную роль в изучении китайского языка и понимании китайской культуры во всём мире, а также внесли важный вклад в укрепление межличностных связей и культурных обменов между Китаем и другими странами и содействовали развитию разнообразных и красочных мировых цивилизаций.

Фан Као Нят Ань (Институт исследований Южной Азии, Западной Азии и Африки при Вьетнамской академии общественных наук, *Вьетнам*) в докладе «Гуманитарная помощь Индии и ликвидация последствий стихийных бедствий в Непале» указал на неоспоримую связь между иностранными интересами государства и его участием в гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий. Южная Азия подвержена многим природным катаклизмам, включая извержения вулканов, землетрясения, циклоны, муссоны и масштабные наводнения. Экономическое развитие Индии, её рост как мировой державы отражаются в расширении присутствия в секторе гуманитарной помощи, при этом лидерство страны в борьбе со стихийными бедствиями утвердило её как ключевого партнёра в этой области. Иностранная помощь Индии обеспечивает ликвидацию последствий стихийных бедствий и гуманитарных кризисов в двух формах: во-первых, это гуманитарная помощь в виде наличных денег, товаров и лекарств, напрямую предлагаемая пострадавшим, и, во-вторых, это операции, проводимые индийскими военными и правительственными

агентствами в районах бедствий. В качестве примера в докладе рассматриваются действия Индии по ликвидации последствий стихийных бедствий в Непале.

Нур Джухайда Осман (Исламский научный университет, *Малайзия*) в докладе «Пример силы в единстве: региональный план АСЕАН в области здравоохранения и биозащиты» рассмотрела вклад ассоциации и ключевых партнёров, включая Японию, США и Россию, в развитие гуманитарного, образовательного и научного сотрудничества в рамках объединения, в частности, посредством таких инициатив, как Центр АСЕАН по чрезвычайным ситуациям в области общественного здравоохранения и новым заболеваниям и Система координации чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения АСЕАН. Докладчик подчеркнула, что Россия и АСЕАН установили стратегическое партнёрство, ориентированное на сотрудничество в области политики, экономики и безопасности. Их взаимодействие охватывает диалоговое партнёрство АСЕАН–Россия, совместные торговые и инвестиционные проекты, а также общественное здравоохранение. Страны сотрудничают в вопросах региональной стабильности, реагирования на пандемию и содействия взаимному росту посредством различных инициатив под руководством АСЕАН.

Пак Чон Су (экс-председатель Комитета по северному экономическому сотрудничеству, *Республика Корея*) выступил с докладом «Необходимость выделения территории опережающего социально-экономического развития для создания туристического кластера в Хасанском районе Приморского края». По мнению докладчика, несмотря на свой большой потенциал, приграничная зона Хасан, где встречаются Северная Корея, Китай и Россия, пока остаётся без должного внимания. Выделение её в качестве ведущей зоны для формирования международного туристического кластера может способствовать развитию российского Дальнего Востока и Арктики и созданию пояса мира, стабильности и процветания в Северо-Восточной Азии. Докладчик рассказал о стратегии развития региона, которая включает последовательное расширение сотрудничества от частных организаций до местных органов власти, национальных правительств и международных организаций (ООН); преимущественное сотрудничество в неполитическом секторе (история, культура, туризм) с постепенным расширением до политических и экономических сфер; поэтапный переход от развития туристической инфраструктуры и небольших территорий к созданию промышленной тыловой зоны и столичной зоны.

Ли Хи Чан (Промышленный банк Кореи, *Республика Корея*) в докладе «Проблемы экономического сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации» рассказал о том, что с февраля 2022 г. экономическое сотрудничество Южной Кореи с Россией ухудшилось по разным геополитическим причинам. Это нанесло значительный ущерб всем: от крупных корпораций до индивидуальных владельцев бизнеса. В частности, наблюдался значительный регресс в области прав человека, включая необоснованные ограничения финансовых транзакций для многих лиц. Докладчик подробно остановился на вопросах необходимости экономического сотрудничества между Россией и Южной Кореей. Во-первых, у стран есть множество факторов экономической синергии. Во-вторых, обе страны имеют хорошую географическую доступность, а их приграничные районы обладают большим потенциалом, включая, например, перспективы развития Северного морского пути. В-третьих, страны нуждаются во взаимной поддержке для максимального укрепления геополитической стабильности. По мнению докладчика, экономическое сотрудничество должно быть

одинаково открыто для всех стран, а чем шире и глубже его масштабы и чем острее конкуренция, тем большую пользу оно принесёт народам. И хотя отношения между Россией и Южной Кореей сделали шаг назад, наше будущее требует важной перезагрузки уже сейчас.

Дневная сессия

Кавато Акио (экс-советник-посланник в Посольстве Японии в России) в докладе «Политика Японии по гуманитарному сотрудничеству в АТР» отметил важную роль политики мягкой силы в отношении СССР/России и других стран, которая формировала имидж Японии после её поражения во Второй мировой войне. Он особо подчеркнул значение официальной помощи развитию в странах Азии, а также работу Японского агентства международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency).

Кириченко М.А. (ИСАА МГУ) раскрыла тему «Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: проблемы исторической интерпретации Японией и соседними странами». Докладчик рассказала, как сегодня воспринимаются трагические события Хиросимы и Нагасаки в Восточной Азии, как менялись официальные трактовки этих событий и общественные настроения, какое влияние данные интерпретации оказывают на современные отношения Японии с её соседями. Она подчеркнула, что несмотря на прошедшие 80 лет боль Хиросимы и Нагасаки остаётся живой, не только как событие прошлого, но и как предостережение будущему.

Казаков О.И. (ИКСА РАН) в докладе «Об особенностях гуманитарного сотрудничества между Россией и Японией на современном этапе» остановился на важной роли гуманитарных отношений между странами в текущем моменте, после начала специальной военной операции и признания Россией Японии «недружественным государством». По мнению докладчика, в настоящее время существует необходимость поддержания двусторонних отношений в гуманитарной сфере, как это практиковалось в СССР, поскольку российско-украинский конфликт носит временный характер и после его завершения начнутся шаги по восстановлению полноценных отношений между Россией и Японией.

Афонасьева А.В. (ИКСА РАН) осветила тему «Сообщества зарубежных китайцев как инструмент неформального сотрудничества КНР с другими странами: экономический и гуманитарный аспекты». Докладчик отметила, что современная китайская диаспора насчитывает по разным оценкам 50–80 млн человек, расселена по всем регионам мира и охватывает почти 89 % стран и 55 % территориальных образований. Крупные корпорации китайской диаспоры, например, выступают посредниками между национальными предприятиями КНР и компаниями других стран, включая сферы образования, культуры и экономики. Сообщества зарубежных китайцев принимают активное участие в развитии гуманитарного сотрудничества КНР с другими странами.

Макеева С.Б. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН) в докладе «Система “побратимского” гуманитарного сотрудничества России и Северо-Западного региона Китая» отметила ведущую роль системы «побратимского» взаимодействия в развитии современного гуманитарного сотрудничества между Россией и КНР, в том числе по линии науки и образования, туризма и спорта. Эти связи способствовали росту доверия между народами двух стран, более глубокому взаимному

познанию культурных особенностей. При этом особую активность в поддержании гуманитарного сотрудничества с российской стороной проявляли северо-западная провинция Шэньси, Синьцзян-Уйгурский автономный район, города Сяньян, Вэйнань и Алтай.

Каткова Е.Ю. (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы) выступила на тему «Сотрудничество Австралии и Китая в сфере науки и образования». В последней четверти XX в. Австралия сделала упор на развитие международного образования. Эти изменения совпали с реформами в Китае, когда государство начало нуждаться в большом количестве специалистов со знанием английского языка, и Австралия быстро стала одним из привлекательных направлений для обучения китайцев. В 2002 г. студенты из Китая стали крупнейшей группой иностранных студентов в Австралии, и в последующие годы количество обучающихся из КНР быстро росло. Однако в последнее время в китайско-австралийском сотрудничестве в области образования и науки наметились негативные тенденции, которые начались после ухудшения двусторонних отношений в 2019 г. и сохраняются до сих пор, хотя после 2022 г. стороны заметно улучшили ситуацию в области политики и экономики.

Забелла А.А. (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы) в своём докладе «Сотрудничество Китая и Новой Зеландии в сфере науки и образования» отметила, что страны являются традиционными партнёрами в области образования, торговли и туризма. Причём сотрудничество в области образования реализуется в рамках традиционных китайских догм – построения сообщества единой судьбы человечества. Интерес Новой Зеландии в расширении образовательных программ обусловлен следующими моментами: во-первых, они являются мощным инструментом её мягкой силы; во-вторых, увеличение студенческих контактов между государствами способно заложить фундамент для укрепления отношений в долгосрочной перспективе. В-третьих, привлечение иностранных граждан для последующего обучения является важной статьёй дохода страны.

Меньшикова Е.С. (ИСАА МГУ) в докладе «“Мастерские Лу Баня” как инструмент “мягкой силы” Китая в образовательной сфере» рассказала, что одним из инструментов мягкой силы КНР стал новый международный проект «Мастерские Лу Баня», направленный на развитие системы профессионального образования. Проект реализуется с 2016 г. при поддержке Министерства образования. «Мастерские» основываются на передовых технологиях и навыках, необходимых для индустриального и экономического развития стран, в том числе за счёт увеличения спроса на кадры со средним профессиональным образованием, специально готовящихся под запросы реального сектора экономики.

Линь Юнь (Забайкальский государственный университет) выступила с темой «Исследование практики и влияния гуманитарной помощи Китая и Соединённых Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сравнительный анализ». Она отметила, что организация и поддержка системы гуманитарной помощи в АТР становится для Китая механизмом реализации инициативы создания сообщества единой судьбы человечества и стратегий «прагматичного сотрудничества», «совместных консультаций, совместного строительства и общей выгоды» председателя Си Цзиньпина. Гуманитарная программа Китая ориентирована на оказание помощи слаборазвитым странам АТР и ликвидацию последствий стихийных бедствий. Гуманитарная помощь США направлена на становление демократического управления и гражданского общества, поэтому она в большей степени

реализуется за счёт грантов и займов, а Китай придерживается единства принципов гуманитарной помощи и устойчивого развития.

Алексахина С.Н. (Институт востоковедения РАН) рассказала о развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь». 23 марта 2013 г., находясь в России с государственным визитом, председатель КНР Си Цзиньпин выступил в МГИМО с речью о «Великом чайном пути». Это привело к созданию международного союза городов «Великого чайного пути». 6 сентября 2013 г. в г. Эрлянь-Хото (Северный Китай) мэры 15 городов Китая, Монголии и России подписали совместную декларацию о создании международного союза городов, участвующих в этом проекте. С китайской стороны в проект вошли города пров. Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хубэй, Хэнань, Шаньси, Хэбэй и автономного района Внутренняя Монголия; со стороны Монголии два города – Дзамын-Уд и Улан-Батор; со стороны России – города, расположенные по линии от Улан-Удэ до Ирбита Свердловской области. По мнению докладчика, возрождение «Великого чайного пути» является важным шагом в укреплении сотрудничества между странами.

Гараева Э.М. (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва) подняла тему «Русский язык как инструмент “мягкой силы” РФ в КНР». По её мнению, в Китае русский язык пользуется определённой популярностью: есть возможность его изучения в рамках университетов и языковых школ, развивается сотрудничество по правительственным и неправительственным каналам. Но русский язык пока не достиг действительно высокого уровня интереса к нему со стороны китайцев. Это является поводом для дальнейшего более глубокого исследования особенностей мотивации китайских студентов к изучению иностранных языков вообще и русского языка в частности. Поэтому следует говорить о поиске новых механизмов популяризации русского языка в Китае, таких как более активное привлечение носителей для преподавания, развитие программ школьного образования, популяризация онлайн-образования.

Куриленко И.А. (Институт Управления Ресурсностью) и **Эльц Е.Э.** (Санкт-Петербургский государственный университет) выступили с докладом «Образовательное сотрудничество в АТР и формирование межкультурной компетентности». Они отметили, что продвижение трансграничного образования и академической мобильности признаётся важной составляющей приоритетных действий по улучшению и актуализации компетенций, включая культуру и языки. Вопрос подготовки компетентных работников для глобализирующегося рынка имеет важное значение для улучшения занятости и развития компетенций XXI в. и предполагает укрепление партнёрства образовательных организаций и бизнеса. В частности, Институт Управления Ресурсностью имеет опыт проведения кросс-культурных тренингов сотрудников и руководителей компаний, моделирует эффективное кросс-культурное взаимодействие в управлении, опираясь на разработанную теоретическую базу.

Ким Е.У. (ИКСА РАН) выступил на тему «Система гуманитарного сотрудничества Республики Корея». Докладчик отметил, что Республика Корея (РК) уделяет большое внимание гуманитарному сотрудничеству с другими странами. Для этой цели в 1991 г. были учреждены сразу две крупные организации, финансируемые государством. Одна из них называется «Корейский фонд международных обменов», сокращённо «Корейский фонд» (Korean Fund). Вторая – Korea International Cooperation Agency (KOICA) – глобальная организация сотрудничества в целях развития, которая преследует общечеловеческие

ценности и национальные интересы сосуществования. Также большую роль в гуманитарном сотрудничестве играет Академия корееведения. Это государственная организация, которая проводит совместные конференции, финансирует кратко- и долгосрочные гранты. Государственная политика РК по гуманитарному сотрудничеству обеспечивает значительный рост числа обучающихся корейскому языку и культуре в России.

Шарафетдинова А.И. (Институт востоковедения РАН) выступила с темой «Аспекты оказания международной гуманитарной помощи Корейской Народно-Демократической Республике в 2000–2005 гг.». Докладчик отметила, что 27 ноября 2001 г. ООН включила КНДР в число 18 государств, которым была необходима гуманитарная помощь, после чего многие страны её оказали. В августе 2004 г. КНДР сделала заявление об отказе на 2005 г. от получения гуманитарной помощи через канал консолидированного призыва ВПП ООН и о переходе к другим формам сотрудничества. Данный шаг обосновывался северокорейскими официальными источниками тем, что получение КНДР безвозмездной помощи в числе 20 беднейших государств являлось «унижением достоинства» корейского народа. В то же время северокорейскими властями было заявлено заинтересованность в получении помощи от ООН в рамках долгосрочных программ развития и от Китая, России и РК в рамках двусторонних отношений.

Нгуен Тхи Нган Занг (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы) выступила с докладом «Сотрудничество между Вьетнамом и США в культурной области в 2011–2025 гг.». Отношения между Вьетнамом и США пережили много взлётов и падений, меняли статус от бывших врагов до всеобъемлющих стратегических партнёров в 2023 г. Однако, задаётся вопросом докладчик, можно ли спустя 30 лет с момента установления дипломатических отношений между странами нейтрализовать ненависть и примирить нации? В выступлении была обозначена важная роль культурного сотрудничества в отношениях Вьетнама и США в период 2011–2025 гг., а также раскрыты интересы стран в области культурного сотрудничества, которые тесно связаны со взаимными экономическими и политическими интересами.

Заключение

Прошедшая международная научная конференция «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» продемонстрировала большой интерес со стороны учёных, экспертов и представителей бизнеса к актуальной теме гуманитарных отношений на современном этапе. Был отмечен богатый и позитивный опыт разных стран в вопросах гуманитарного сотрудничества, который требует внимательного анализа с целью, например, более эффективного использования механизмов мягкой силы.

Прозвучали также предложения о проведении конференции в ежегодном формате. Руководство Центра научного мониторинга и развития ИКСА РАН рассматривает возможность проведения конференции «Гуманитарное сотрудничество стран АТР» на регулярной основе и с привлечением большего количества иностранных и отечественных учёных, профессионально занимающихся данной проблематикой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гуманитарное сотрудничество стран АТР. Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г. : тезисы докладов. М.: ИККА РАН, 2025. 116 с. ISBN 978-5-8381-0499-1. DOI 10.48647/ICCA.2025.30.39.001

REFERENCES

Gumanitarnoye sotrudnichestvo stran ATR. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Moskva, 23 aprelya 2025 g. : tezisy dokladov [Abstracts. International scientific conference “Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries” (Moscow, April 23, 2025)] (2025). Moscow: ICCA RAS, 116 p. ISBN 978-5-8381-0499-1. DOI 10.48647/ICCA.2025.30.39.001

Поступила в редакцию:	26.08.2025	Received:	Aug 26, 2025
Принята к публикации:	01.09.2025	Accepted:	Sep 1, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-122-130

XXVI Международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура»

Блажкина Анастасия Юрьевна¹,
Кварталова Наталия Леонидовна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Статья посвящена XXVI Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура», которая состоялась 4–5 июня 2025 г. в ИКСА РАН (Москва) и была организована Центром изучения культуры Китая ИКСА РАН. Синологи и востоковеды из ведущих научных учреждений России, КНР, Беларуси и Нидерландов осветили широкий круг вопросов, связанных с культурой стран Восточной Азии. Отмечается, что большое внимание было уделено анализу философской проблематики, в частности, исследованиям в области истории конфуцианской традиции, даосской алхимии, а также изучению народных религий, современной китайской и японской литературы, материальной культуры Восточной Азии. Обсуждались также основные пункты современной языковой политики КНР, важные аспекты функционирования восточной дипломатии, развитие корейской живописи, принципы изучения современного китайского изобразительного искусства.

Ключевые слова: РФ, КНР, восточное искусство, китайская философия, литература Китая и стран Восточной Азии, восточные языки.

Авторы:

Блажкина Анастасия Юрьевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8313-5917. E-mail: myshashu@yandex.ru

Кварталова Наталия Леонидовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-1439-9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0012 «Традиции и современность в культурном пространстве стран Восточной Азии. Межкультурное взаимодействие России и Китая»).

Для цитирования: Блажкина А.Ю., Кварталова Н.Л. XXVI Международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 122–130. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-122-130

XXVI International scientific conference “China and East Asia: philosophy, literature, culture”

Blazhkina Anastasia Yu.¹,
Kvartalova Nataliya L.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is dedicated to the XXVI International scientific conference “China and East Asia: philosophy, literature, culture”, which took place on June 4–5, 2025 at the ICCA RAS (Moscow) and was organized by the Center for Chinese Culture Studies of the ICCA RAS. Sinologists and orientalists from leading scientific institutions of Russia, China, Belarus and the Netherlands discussed a wide range of issues related to the culture of East Asian countries. It is noted that specific attention was paid to the analysis of philosophical issues, in particular, research in the field of the history of the Confucian tradition, Taoist alchemy, as well as the study of folk religions, modern Chinese and Japanese literature, and the material culture of East Asia. The speakers also touched upon the main points of modern language policy of the PRC, important aspects of the functioning of Eastern diplomacy, the development of Korean painting, and the principles of studying modern Chinese fine art.

Keywords: Russian Federation, PRC, oriental art, Chinese philosophy, literature of China and East Asian countries, oriental languages.

Authors:

Blazhkina Anastasia Yu., PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Center for Chinese Culture Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 117997, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32). ORCID: 0000-0002-8313-5917. E-mail: myshashu@yandex.ru

Kvartalova Nataliya L., PhD (Philosophy), Leading Research Fellow, Center for Chinese Culture Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 117997, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32). ORCID: 0000-0002-1439-9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0012 “Traditions and modernity in the cultural space of East Asian countries. Cross-cultural interaction between Russia and China”).

For citation: Blazhkina A.Yu., Kvartalova N.L. (2025). XXVI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Kitay i Vostochnaya Aziya: filosofiya, literatura, kul'tura» [XXVI International scientific conference “China and East Asia: philosophy, literature, culture”]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 122–130. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-122-130

4 и 5 июня 2025 г. в Институте Китая и современной Азии РАН состоялась XXVI ежегодная международная научная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (第二十六届“中国与东亚：哲学、文学、文化”国际学术会议), организованная Центром изучения культуры Китая ИКСА РАН.

Конференция прошла в смешанном очно-заочном формате, в ней приняли участие более семидесяти докладчиков из России, Беларуси, Китая и Нидерландов.

Российские докладчики представляли ведущие институты страны: ИВ РАН, МГУ, МГИМО (У) МИД России, ИСАА МГУ, СПбГУ, НГУ, НИУ ВШЭ, МПГУ, РУДН, ИМЛИ им. А.М. Горького, Российскую академию художеств, РГПУ им. А.И. Герцена, НГУ ЭУ,

Иркутский госуниверситет, Нижегородскую государственную консерваторию им. М.И. Глинки, МГЛУ, МГАХИ им. В.И. Сурикова, ОИВТ РАН и Казанский федеральный университет.

С китайской стороны выступали представители Шаньдунского политехнического университета, Сычуаньского университета, Тайшаньского университета, Тяньцзиньского университета, Пекинского технологического института, университета Цинхуа, Хэйлунцзянского университета, Фуданьского университета и Шаньдунской авиационной академии.

На конференции работали следующие секции: «Философия и религия», «Язык, письменность, вопросы перевода», «Литература», «Культура», «Искусство», а также секция «Искусство: музыка, танец, театр».

На пленарном заседании с приветственным словом выступил директор ИКСА РАН, д.филол.н., проф. **Кирилл Владимирович Бабаев**. Он сказал о важности китайской культуры как предмета исследования, особенно сейчас, когда в рамках перекрёстных годов России в Китае и Китая в России в нашей стране массово начинают узнавать и китайский театр, и китайское искусство.

Приветственное слово от Посольства КНР произнёс замначальника политического отдела, первый секретарь **Гэ Дэшуй**. Он пожелал участникам успехов и плодотворного сотрудничества в различных областях.

Пленарное заседание открыл доклад д.филол.н., г.н.с. ИКСА РАН **О.И. Завьяловой** о китайских словах в мире кириллической письменности – автор указала на необходимость унификации системы записи китайских имён и названий.

Далее прозвучал доклад к.филол.н., заведующей кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки СПбГУ **Е.Н. Емельченковой** «Пятьдесят оттенков (не)вежливости в языке и культуре Китая», из которого можно было узнать нюансы этикетных норм и их роли в культуре древнего и современного Китая. Доклад сопровождался яркими примерами из современного языка.

Пленарное заседание продолжил доклад д.филос.н., г.н.с. ИКСА РАН **А.А. Крушинского** «Разворот на Восток: китайская концепция социокультурной понятийности», в котором на примере творчества М. Хайдеггера докладчик показал «движение по восточноазиатскому философскому вектору», а в качестве основной процедуры обобщения, ключевой для работы с понятиями, рассмотрел концепт 通 (приведения «к единому знаменателю»).

Китайский коллега, профессор **Чжан Юн 张勇 (子开)** из Института литературы и журналистики Сычуаньского университета, в докладе «Россия через призму буддийских текстов» рассказал об истории эволюции взглядов на Россию в буддистской общине Китая.

По завершении пленарных докладов участники смогли посетить на выбор медитацию в традиции *чань* с кратким введением в основы медитации, которую провёл мастер **Го Син 果醒** из монастыря Фагушань, или же посетить выставку китайского плаката 1950–1960-х гг., на которой были представлены экспонаты из коллекции **М.Ю. Тимошенко**.

После перерыва работу продолжили параллельно две секции – «Философия и религия» и «Язык, письменность, вопросы перевода».

На секции «Философия и религия» обсуждались актуальные проблемы конфуцианства в современном мире и вопросы перевода источников; кроме того, были рассмотрены некоторые историко-философские и религиозные темы.

Секция открылась докладом к.филос.н., с.н.с. ИКСА РАН **А.Ю. Блажкиной** о философском трактате «Кунцун цзы», который вызывает массу сомнений у исследователей относительно своей аутентичности, но при этом содержит базисные концепции конфуцианской философской доктрины.

Далее тему продолжила аспирантка Шаньдунского политехнического университета **Фу Цзяци 付佳琪**, рассказав слушателям о роли конфуцианства в современном мире в контексте международного китайского образования.

Ещё одна аспирантка того же университета, **Сюй Цзяи 许嘉仪**, выступила с сообщением о герменевтике Мэн-цзы и её значимости для современного конфуцианства.

В завершение темы **Жань Цзиньхун 冉锦红** (МГУ) проанализировала взгляды одного из самых заметных идеологов современного нового политического конфуцианства – Цзян Цина.

Н.с. ИКСА РАН **Н.В. Пушкарская** выступила с сообщением на тему «Числовой схематизм и его связь с протокатегориальностью», в котором рассмотрела «особые понятийные конструкторы, соединяющие в себе абстракцию и схему этой абстракции в виде числа».

Доклад к.филос.н., с.н.с. ИВ РАН **Р.М. Зиганьшина** затронул философские проблемы изменений и превращений в связи со школой военной философии *бинцзя*.

В конце первой части работы секции к.филол.н., в.н.с. ИКСА РАН **В.Б. Виноградская** представила доклад «“Инволюция” 内卷 и “лежать пластом” 躺平 — коллективный экзистенциальный опыт в интернете социальных сетей», познакомив слушателей с интернет-неологизмами и их распространением в обществе.

После кофе-брейка работа секции продолжилась докладом профессора Сычуаньского университета **Лю Ядина 刘亚丁**, в котором докладчик проанализировал статьи о конфуцианстве, вошедшие в энциклопедию «Духовная культура Китая», которая была переведена на китайский язык.

Аспирантка Хэйлунцзянского университета **Ань Линъюй 安玲玉** рассмотрела понятие «середина» из «Чжун юна» как пример древнекитайского архетипа, сравнив понимание этого концепта у отечественного философа А.Е. Лукьянова и у китайских авторов.

В совместном докладе коллег из НГУ д.и.н. **Е.Э. Войтишек** (также ИВ РАН) и **Ван Тина** были освещены основные виды деятельности и функции современных буддистских монастырей Бурятии и Северо-Восточного Китая.

Аспирантка Шаньдунского политехнического университета **Хань Лисинь 韩立信** представила доклад «От алхимии к экологической теологии – современный прорыв и дилемма практики вечной жизни в восточноазиатских религиях», из которого слушатели смогли узнать о современных особенностях практики бессмертия.

Вопросы влияния даосизма и народной религии на вероучение тайпинов осветил в своём докладе студент РГГУ **Н.О. Елизаров**.

К.филос.н., в.н.с. ИКСА РАН **Н.Л. Кварталова** рассказала о культурном феномене Древнего Китая – академии Цзися, которая оказала решающее влияние на философскую политическую мысль не только своего времени, но и последующих столетий.

Завершающим докладом секции стало выступление независимого исследователя из Нидерландов, к.филос.н. **Д.Г. Главевой** «Концепция “фудо” Вацудзи Тэцуро», в котором

докладчик показала, как под влиянием философии М. Хайдеггера Тэцуро создал своё понятие – «экзистенциальное пространство».

Заседание секции «Язык, письменность, вопросы перевода» началось докладом **Ван Тяньцзя 王天甲** (Шаньдунский политехнический университет) «Стратегии обучения китайским поговоркам с точки зрения “повествования китайских историй”», в котором автор продемонстрировал важность знания национальных поговорок для понимания китайской культуры и предложил стратегии их эффективного изучения.

К.филос.н., в.н.с. ИКСА РАН **А.Г. Алексанян** рассмотрел «ряд ключевых проблем, связанных с изучением такой специфической разновидности китайского языка как язык буддийских текстов», обозначив эту область как новую в современной китайской лингвистике.

Об особой разновидности китайских фразеологизмов, содержащих упоминания музыкальных инструментов, рассказала собравшимся аспирантка СПбГУ **Цзян Сяоминь 蒋晓敏**.

Цюй Вэньци 曲雯琦 (Шаньдунский политехнический университет) на материалах трактата «Наставление девушек» поведала о критериях «хорошей» и «плохой» женщины и о кодексе поведения женщин той эпохи.

Магистр того же университета **Юй Цзянань 于佳楠** представила исследование взаимодействия диалектного фольклора Китая с одной стороны, и Японии и Кореи с другой стороны, на примере района Вэйфан.

К.филол.н., доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ **Л.Л. Банкова** в своём выступлении рассмотрела «процесс эволюции значений китайских числительных в рамках концепции стадийности, предложенной китайским языковедом Ван Бинцинем».

Старший преподаватель Казанского федерального университета **Л.Р. Мирзиева** в докладе «Лингво-прагматический аспект использования намёка в китайском межличностном дискурсе (на примере сериала “玫瑰故事” («История розы»))» проанализировала семантические, лексико-грамматические, прагматические составляющие намёка в китайском языке и пришла к выводу, что на понимание намёка влияют и лингвистические, и экстралингвистические факторы.

К.филос.н., с.н.с. ИКСА РАН **А.Ю. Ионов** выступил с докладом «Филологическое сочинение Гу Яньу «Звуки перемен»», который является филологическим исследованием «Канона Перемен» и в котором выведен принцип «значение определяет звучание», применимый и к гексаграммам, и к другим текстам.

А.М. Ли (РУДН им. П. Лумумбы) в сообщении «Ключи современной китайской иероглифики: познавательная ценность» предложил свою концепцию дифференциации ключей для их более точного использования в обучении.

В первый день конференции также состоялось заседание секции «Искусство: музыка, танец, театр». Работу этой секции открыл доклад к. иск. из Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки **Ю.П. Медведевой** «Символика Великой стены в опере Тань Дуня «Марко Поло»», в котором докладчик показала, как образ Стены трансформировался из разделяющего в объединяющий и какие события в жизни Тань Дуня привели к такой интерпретации.

Аспирант МГУ **Лю Цзини (Лю Цзинъи) 刘婧怡** провела сравнительный анализ культурных и музыкальных отличий в русских и китайских классических операх и показала, как в разных культурах происходил синтез народных традиций с западным оперным искусством.

С сообщением о специфическом культурном явлении – субтропических танцах народности Дай, связанных с сельскохозяйственными циклами, мифами и преданиями, выступила коллега из Белорусского государственного университета **Цзян Боцзинь 姜伯瑾**.

С.н.с. ИКСА РАН **А.Л. Верченко** в своём докладе рассказала о коротком периоде в 1950-х гг., когда на фоне налаживания советско-китайских отношений началось взаимное знакомство Китая и СССР с театром и кино.

Е.Е. Акишина (студентка МГАХИ им. В.И. Сурикова) выступила с сообщением «Эволюция образа последнего китайского императора Пу И в кинематографе XX–XXI веков», познакомив слушателей с трактовкой этой исторической фигуры в японском, европейском и китайском кинематографе.

Про новый жанр китайского кинематографа – криминальное кино, его социальную функцию, истоки и разновидности, представил доклад к.и.н., в.н.с. ИКСА РАН **А.С. Исаев**.

5 июня секция «Литература» открылась докладом д.филол.н. из Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН **Н.В. Захаровой**, которая на примере подробного анализа материалов дневников и путевых заметок российских китаеведов (Д.М. Позднеева, В.В. Корсакова, Н.И. Кравченко, В.М. Алексеева) рассказала собравшимся о причинах Восстания ихэтуаней (1900–1901 гг.).

Научными изысканиями о перспективах архивных поисков и предыстории создания уникальной «Китайской хрестоматии», составленной архимандритом Даниилом (Дмитрием Петровичем Сивилловым) в период не позднее 1839 г., поделилась к.филол.н, зав. Отделом литератур народов Азии ИВ РАН, в.н.с. ЦИКК ИКСА РАН **Л.В. Стеженская**.

В своём докладе доцент факультета русского языка университета Фудань **Ли Синьмэй 李新梅** предприняла попытку осмысления феноменов китайской мифологии, которые отразились в творчестве русских поэтов-эмигрантов (В.Ф. Перелешина, М.Н. Волина, М.В. Щербакова, В.Н. Иванова, М.Ц. Спургота, В.Ю. Янковского, Т.П. Андреевой), проживавших в XX в. на территории Китая.

О жанровых особенностях, специфике и типологии кличей уличных торговцев Пекина, которые со времён глубокой древности представляли собой своего рода звуковую рекламу, поведала к. культ., сотрудник восточного факультета СПбГУ **П.А. Комаровская**.

С научным сообщением о художественном своеобразии эссеистики Шэн Кэи, одной из ярчайших представительниц современной китайской женской прозы, выступила ассистент кафедры восточных языков Санкт-Петербургского государственного экономического университета **А.А. Куликова**.

Доклад к.филол.н. **А.В. Игнатенко** (РУДН) и студентки РУДН **Т.С. Повидишевой** касался анализа дискурса китайской поэзии в рамках лингвопрагматики на примере стихотворений XIX–XX вв. В ходе исследования были выявлены характерные особенности искомых поэтических текстов.

Секция завершилась научным сообщением д.и.н. Тайшаньского университета **Лян Чжэ 梁喆**, которое было посвящено истокам и эволюции фольклора этнических русских,

населяющих городской уезд Аргунь. По мнению докладчика, само появление русского фольклора на территории КНР является результатом длительных межнациональных обменов и интеграции.

После перерыва секция «Литература» продолжила свою работу. К.филол.н., в.н.с. ЦИКК ИКСА РАН, в.н.с. БГУ, доцент **Е.А. Завидовская** познакомила собравшихся с результатами изысканий относительно основных тенденций и течений в развитии китайской прозы первых десятилетий XXI в.

Аспирантка Шаньдунского политехнического университета **Ван Ичунь 王艺纯** поделилась выводами относительно репрезентации в китайской научно-фантастической интернет-литературе феномена «постчеловечество», который ломает видовые границы, построенные традиционным гуманизмом.

Бакалавр Шаньдунского политехнического университета **Чжу Юйжу 朱玉茹**, рассмотрев произведения Фэн Цзицая, Ван Аньи и Гэ Ляна, исследовала образы ремесленников, которые, по мнению докладчика, несут в себе такие качества, как стойкость и трансцендентность порыва.

С научным сообщением о таких художественных приёмах, как сатира и сарказм, в современной китайской повести «Крохотные “Золотые лотосы”», написанной Фэн Цзицаем в 1986 г. и произведшей фурор в литературоведческих кругах, выступила к.филол.н., в.н.с., руководитель ЦИКК ИКСА **А.Н. Коробова**.

Студентка НИУ ВШЭ **С.В. Унгурян** на основании осмысления путевых заметок сингапурской писательницы китайского происхождения Ю Цзинь предприняла попытку реконструировать её культурную идентичность.

Своими наблюдениями о мифолого-символической системе в современных японских хонкаку-детективах, в которых органично переплетаются грани реального и сверхъестественного, поделилась студентка МГЛУ **Е.А. Иваницкая**.

Заключительный доклад данной секции представил студент НИУ ВШЭ **Д.Ю. Вельма**. Он рассказал о ранней драматургии современного китайского писателя Гао Синцзяня, для которой характерны философские размышления, поиск собственного авторского голоса, что открыло новые горизонты для развития театрального искусства.

Параллельно работала секция «Искусство», которая открылась докладом аспиранта Шаньдунского политехнического университета **Кун Хаожуна 孔浩荣**. Он поделился результатами проведённого исследования ключевых аспектов китайской керамики, рассмотренных с точки зрения новой практической эстетики.

Тему современного китайского искусства затронула студентка Иркутского государственного университета **М.С. Колебина**, рассказав о стрит-арте и художественной татуировке как способах репрезентации социокультурной реальности.

Коллеги из Тяньцзиньского университета, Института литературы и искусства им. Фэн Цзицая **Сюй Чэньлэй 徐晨蕾** и **Тан На 唐娜** выявили историческую ценность и научное значение лубочных картин (*няньхуа*) из коллекции академика В.М. Алексеева, а также отметили его вклад в защиту мирового культурного наследия.

Изыскания магистра РГХПУ им. С.Г. Строганова **Ду Шанджэ (Ду Шанцзе) 杜尚劼** касались синтеза и параллельного развития художественного искусства и каллиграфии в живописи бамбука (*мо чжу*) времён эпохи Юань.

О творческом наследии, перипетиях жизненного пути и наиболее важных аспектах деятельности выдающегося корейского художника Ли Сокхо поведала к.иск., с.н.с. отдела восточного искусства НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ **Е.А. Вострикова**.

Тему изобразительного искусства продолжила н.с. ЦИКК ИКСА РАН **А.И. Донченко**. Её доклад был посвящён анализу идей корифеев китайской живописи Сюй Бэйхуна и Линь Фэнмяня, касающихся значимых принципов и методологии художественного образования.

Работа секции завершилась выступлением с.н.с. ИКСА РАН **А.В. Пикова**, который предпринял попытку анализа основных мировоззренческих подходов относительно идентификации иностранца в традиционном культурном поле Китая.

Параллельно шла работа секции «Культура». На утреннем заседании секции рассматривались преимущественно вопросы материальной культуры – от архитектуры до эстетики фарфора.

Аспирантка Шаньдунского политехнического университета **Чжао Вэньчжу 赵文竹** выступила с научным сообщением, посвящённым идеологемам китайского праздника Дуанью, его осмыслению в Корее и Японии.

К детальному анализу уникального нефритового погребального инвентаря, обнаруженного в гробницах Ханьского округа Лэлан на территории современного Пхеньяна, обратилась **А.С. Арсентьева** из Дальневосточного федерального университета.

Об эстетических идеях, воплощённых в фарфоровых изделиях периода правления под девизом Канси времён эпохи Цин, сообщил аспирант Шаньдунского авиационного университета/МГУ **Ли Тунсинь 李桐馨**.

Доклад **Ду Линьдуна 杜林东** из университета Цинхуа, приглашённого учёного ИВ РАН касался основных аспектов развития архитектурного творчества советского соцреализма в Китае, а также его взаимосвязи с китайским социалистическим новым архитектурным стилем.

Тему архитектуры продолжил магистр РГХПУ им. С.Г. Строганова **Ван Ихэн 王一恒**, поделившись своими изысканиями относительно различных проявлений руин-арта. Такого рода искусство, как справедливо отметил докладчик, является материальным носителем исторической памяти прошлых эпох.

Сравнительный анализ восточноазиатского керамического искусства (Китай, Южная Корея, Япония) как мощнейшего инструмента развития эстетического вкуса и способности эстетического созерцания провёл аспирант Шаньдунского политехнического университета **Ван Минъян 王明洋**.

К современным реалиям обратился аспирант того же университета **Цзин Сюаньжу 荆萱茹**, который при помощи теории мемов всесторонне изучил механизм распространения мема Cheems на платформе Bilibili.

Коллеги из РГПУ им. А.И. Герцена/ВШЭ д.филол.н. **В.С. Морозова** и **Д.Д. Дондоков** предприняли попытку репрезентации китайских молодёжных социокультурных трендов в интернет-пространстве, выявив тенденцию перехода от феномена активного потребления 国潮 к феноменам пассивного протеста 躺平/摆烂.

Исследованию сущностных особенностей изображения разновидностей чудесных грибов *лин-чжи* в даосской религиозной традиции и произведениях декоративно-

прикладного искусства китайских ювелиров было посвящено выступление д.филос.н. из ИВ РАН **И.В. Белой**.

Дневное заседание секции «Культура» открылось выступлением заведующего кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, проф. кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России, Чрезвычайного и Полномочного посла МИД России к.и.н. **К.М. Барского** и к.э.н., доцента, зам. заведующего кафедрой дипломатии МГИМО МИД России **Р.О. Райнхардта**. Спикеры поделились своими изысканиями о применении арсенала научной дипломатии и новом эффективном векторе дипломатии в китайской внешней политике.

Продолжила тему международных отношений к.культ. из ИКСА РАН **М.Е. Осетрова**, которая проанализировала состав блюд в меню корейских официальных приёмов как важный аспект функционирования гастродипломатии.

Научный доклад н.с. **В.В. Башкеева** из ЦИКК ИКСА РАН был посвящён осмыслению роли и значения знатных родов в политической борьбе начала периода Хань (202–195 гг. до н.э.).

Магистр **Лю Миньминь 刘敏敏** из Шаньдунского политехнического университета рассказала об эволюции языка и литературном взаимодействии в Юго-Восточной Азии, сделав упор на синографическую культурную среду.

С научным сообщением о классическом средневековом китайском романе «Сон в красном тереме» выступила к.культ. из Красноярского государственного аграрного университета **Н.А. Брылёва**, рассказав о разнообразии заморских предметов, которые фигурируют в произведении Цао Сюэциня.

К современным реалиям обратилась к.т.н., с.н.с. Объединённого института высоких температур РАН **Е.А. Киселёва**, которая поделилась соображениями относительно новой модной тенденции – носить традиционный китайский костюм (*ханьфу*). Такую одежду теперь можно увидеть не только в исторических телесериалах или театральных постановках, но и в повседневной жизни.

В заключение работы секции с докладом выступил к.и.н., с.н.с. ЦИКК ИКСА РАН **К.К. Меркулов**: в своём выступлении он выявил значение идей добра (блага), которые занимают важное место в культурной концепции Си Цзиньпина.

После завершения работы секций XXVI международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» состоялась плодотворная дискуссия, коллеги обменялись мнениями относительно наиболее актуальных проблем, стоящих перед отечественным академическим сообществом. Конференция охватила три основных направления — философию, литературу и культуру. Это крупнейший в России научный форум, посвящённый данной тематике, что объясняет его неизменную популярность как среди ведущих специалистов, так и среди молодых учёных-востоковедов. По итогам конференции будет выпущен сборник тезисов.

Поступила в редакцию:

03.07.2025

Received:

Jul 3, 2025

Принята к публикации:

12.07.2025

Accepted:

Jul 12, 2025

DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-131-137

Китайское и японское экономическое влияние в Африке: конкуренция или взаимодополнение двух моделей?

Паксютов Георгий Давидович¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В данной рецензии рассматривается книга исследователя-международника и африканиста Сейфудейна Адема «Путь Африки к модернизации: уроки Японии и Китая». Обобщая обширные данные и ряд кейсов, Адем демонстрирует основные тенденции в экономическом взаимодействии африканских стран с Китаем и Японией. Автор книги ставит задачу рассмотреть глобальные проблемы с африканской точки зрения, предложить выводы и рекомендации, полезные для практики экономического развития африканских стран. Отмечая неоспоримый перевес Китая в экономическом присутствии на континенте, Адем рекомендует изучать и использовать японский опыт модернизации, в особенности в сфере образования. Рассмотренные тренды автор детально иллюстрирует на примере Эфиопии.

Ключевые слова: Китай, Япония, Африка, Эфиопия, модернизация, глобализация.

Автор: Паксютов Георгий Давидович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7153-4315. E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0016 «Япония в АТР: политика, безопасность, экономика»).

Для цитирования: Паксютов Г.Д. Китайское и японское экономическое влияние в Африке: конкуренция или взаимодополнение двух моделей? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 131–137. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-131-137

China and Japan's economic influence in Africa: competition or complementarity of the two models?

Paksyutov Georgiy D.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. This review examines the book “Africa’s Quest for Modernity: Lessons from Japan and China” by the international affairs scholar and Africanist Seifudein Adem. Summarizing extensive data and a number of case studies, Adem demonstrates the key trends in the African countries’ economic cooperation

with China and Japan. The author of the book aspires to consider the global problems from the African perspective and to offer the conclusions and recommendations which could be applicable for the practical economic development of the African nations. While Adem highlights China's incontestable economic influence on the continent, he recommends to study and replicate the Japanese experience of modernization, particularly in the field of education. The author illustrates the considered trends in detail using the example of Ethiopia.

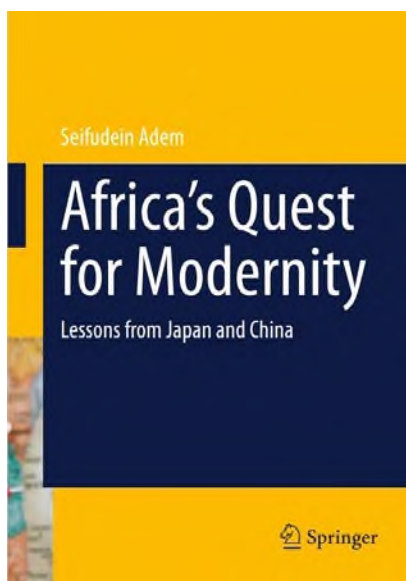
Keywords: China, Japan, Africa, Ethiopia, modernization, globalization.

Author: Paksyutov Georgiy D., PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Japanese studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7153-4315. E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0016 "Japan in the Asia-Pacific region: politics, security, economy").

For citation: Paksyutov G.D. (2025). Kitayskoye i yaponskoye ekonomicheskoye vliyaniye v Afrike: konkurentsia ili vzaimodopolneniye dvukh modeley? [China and Japan's economic influence in Africa: competition or complementarity of the two models?]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 131–137. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-131-137

Adem Seifudein (2023).
Africa's Quest for Modernity:
Lessons from Japan and China.
Cham: Springer, 269 p.

ISBN 978-3-031-23653-2
DOI 10.1007/978-3-031-23654-9

Свою книгу «Путь Африки к модернизации: уроки Японии и Китая» ("Africa's Quest for Modernity: Lessons from Japan and China"), вышедшую в 2023 г. в издательстве Springer, эфиопский учёный Сейфудейн Адем начинает с утверждения, что старт современной эпохи взаимодействия Африки и Азии, «двух крупнейших и самых населённых континентов планеты», ознаменовала прошедшая в 1955 г. конференция в Бандунге. Эту эпоху могла определить солидарность, существующая между азиатскими и африканскими народами, в прошлом становившимися жертвами колониализма и расизма. Однако Адем замечает, что взаимодействие между двумя континентами отнюдь не всегда соответствует духу солидарности: на него влияет конкуренция за инвестиции, рынки, экономическую помощь, а также растущее различие в экономическом благосостоянии между Азией и Африкой. Для Адема, сотрудника университета Досиса (Япония), получившего образование в Эфиопии

и Японии и работавшего также в Китае, взаимодействие Африки и Азии – тема, имеющая личное значение. Автор подчёркивает, что стремился отразить африканский взгляд на рассмотренные в книге тенденции.

Во введении Адем указывает на то, что нынешний разрыв в благосостоянии между Африкой и Азией является результатом волны интенсивной индустриализации в Восточной Азии, начавшейся в 1970-е гг., в то время как многие африканские страны по различным причинам не смогли продемонстрировать сопоставимого экономического роста. Для преодоления этого разрыва автор рекомендует «взаимодействовать с Китаем и учиться у Японии», и данная точка зрения определяет всю дальнейшую структуру и содержание книги. Почему именно так – взаимодействовать с Китаем, но учиться у Японии? Адем не приводит детального обоснования этой позиции, но из представленных в книге рассуждений ход его мысли понять можно.

Автор подчёркивает, что Китай, в сопоставлении с Японией, «обладает неоспоримыми и возрастающими сравнительными преимуществами на континенте»¹. Взаимодействовать с Китаем, по возможности взаимовыгодным образом – это необходимость для Африки. Адем не отрицает и того, что африканским странам нужно заимствовать китайский опыт – в качестве подходящих примеров он называет, в числе прочего, китайскую стратегию модернизации сельскохозяйственного сектора. При этом главную задачу для развития Африки он видит в таком заимствовании современных технологий и институтов, которое гармонично сочетается с локальными культурными традициями. В этом отношении наиболее удачным образцом Адем считает Японию после реставрации Мэйдзи (он находит и определённые важные сходства в культуре африканских народов и японцев – в частности, традиция почтительного отношения к старшим и «мудрецам»²). Принципиальное отличие ситуации африканских стран от китайской состоит в том, что Китай, как Адем отмечает неоднократно, не только является сверхдержавой, но и традиционно воспринимает себя как лидера человеческой цивилизации – «Срединное царство», «Поднебесную». Позиционирование Японии на мировой экономико-политической арене, по оценке автора, напротив, прагматично, даже сдержанно, оно строго отталкивается от внутренней ситуации в стране, что лучше соответствует возможностям и амбициям Африки.

Адем подчёркивает, что нынешняя глобальная ситуация – связанная, в первую очередь, с подъёмом Китая – «представляет Африке лучшие за десятилетия возможности для модернизации». Иллюстрируя свою мысль, автор приводит исторический обзор основных тенденций, определявших место континента в глобальной повестке дня. Так, в эпоху холодной войны Африка была полем соревнования США и СССР, которые оказывали экономическую поддержку тем режимам, лояльностью которых рассчитывали заручиться. Распад СССР и биполярной системы привёл к тому, что интерес к африканскому континенту

¹ Для сравнения, объём торговли Китая со странами Африки составил свыше 295 млрд долл. в 2024 г. И около 282 млрд в 2023 г. См.: China remains Africa's top trade partner. *Global Times*, May 21, 2025. URL: <https://globaltimes.cn/page/202505/1334585.shtml> (accessed: Jun 14, 2025). Объём торговли Японии с Африкой, по имеющимся оценкам – около 26 млрд в 2023 г. См.: Revival of Japan-Africa cooperation. *Powers of Africa*, Dec 17, 2024. URL: <https://powersofafrica.com/article/1629/abidjan-revival-of-japan-africa-cooperation> (accessed: Jun 14, 2025), т.е. менее, чем 10% от африкано-китайской торговли.

² Эта предпосылка, несомненно, является одной из самых дискуссионных в книге Адема. Впрочем, сам автор подчёркивает, что для него ясно и наличие отличительных черт, определяющих социокультурные различия между Японией и африканскими странами, таких как моноэтнический характер японского общества и колоссальное этническое разнообразие африканского континента.

со стороны мощных мировых держав существенно снизился. Однако в первые десятилетия XXI в. подъём Китая снова привёл к повышению значения Африки на мировой арене. Мировые державы вновь стремятся наращивать влияние на континенте; кроме того, индустриальный рост в Китае и других странах привёл к повышению спроса и цен на минеральные ресурсы (в частности, редкоземельные металлы), обширные месторождения которых есть в Африке.

Существенные факторы, по оценке Адема, вносят свой вклад в позитивное восприятие Китая и китайского влияния в Африке³. Так, интерес Китая к континенту выглядит мотивированным собственными экономическими причинами, а не идеологизированным, как интерес сверхдержав во время холодной войны или нынешнего Запада, который, с точки зрения многих африканских наблюдателей, является просто ответом на действия КНР. Кроме того, как пишет Адем, «строительство дорог и дамб более заметно для простых людей, чем продвижение демократии или прав человека» – проекты Китая, выливающиеся в создание материальных объектов (в частности, инфраструктурных), более доходчиво обозначают позитивное китайское влияние для местного населения, чем преимущественно связанные с идеологией действия других стран. Тем не менее, Адем советует «не исходить из того, что идентичность, намерения и интересы Китая неизменны» и ввиду этого «использовать одновременно стратегию взаимодействия с Китаем и диверсификации [экономических связей]».

Несколько глав книги посвящены японскому опыту модернизации институтов и системы управления как ориентиру для африканских стран, причём особое внимание здесь уделяется системе образования. Автор утверждает, что Япония «училась у Запада избирательно и эффективно», что стало возможно благодаря опоре на локальные культурные ценности. Напротив, африканцы заимствовали скорее культурные ценности, чем технические ноу-хау. Наиболее важными отличительными чертами японской системы образования, созданной после реформации Мэйдзи, Адем называет обязательность школьного образования, его доступность вне зависимости от классового статуса семьи, а также акцент на эмоциональное и социальное развитие учащихся, сохранившийся и после Второй мировой войны⁴. Он также обращает внимание на то, что в Японии устойчивость системы управления ценится выше, чем амбиции отдельных политиков (что проявляется, в частности, в готовности уйти в отставку, когда того требует ситуация) – в отличие от Африки, где победитель в борьбе за власть нередко жестоко расправляется с оппонентами.

³ Как полагает Адем, преобладающей точкой зрения в Африке является «оптимизм в отношении Китая», т.е. «ожидание, что Китай поспособствует позитивным переменам на континенте». Он отмечает и существование противоположной точки зрения, «пессимизма»: для сторонников этой позиции поведение Китая не отличается от поведения колониальных европейских держав, которые видели в Африке источник ресурсов и рынок сбыта. «Пессимисты» полагают, что взаимодействие с Китаем, чей промышленный сектор несопоставимо более конкурентоспособен, обрекает Африку на положение поставщика ресурсов, не способного развивать собственную промышленность.

Можно заметить, что подобные опасения существовали в Африке и относительно Японии, торговля с которой также отличалась структурным дисбалансом (вывоз ресурсов из Африки и ввоз японской промышленной продукции), в связи с чем в 1960-х гг. такие страны, как Нигерия, Кения, Танзания, Уганда, рассматривали возможность введения эмбарго на японские товары [Nakamura 2022: 275].

⁴ Эти наблюдения важны и вне контекста проблем Африки и догоняющего экономического развития – в частности, в связи с теми дискуссиями и вызовами, которые порождает цифровизация образования.

Рассматривая тенденции в экономическом взаимодействии Африки с Китаем и Японией в эпоху после холодной войны, Адем отмечает создание TICAD (Токийской международной конференции по развитию Африки) в 1993 г. как веху, демонстрирующую намерения Японии приобрести больший вес на международной политической арене. В 1991–2000 гг. Япония занимала первое место в мире по предоставлению африканским странам официальной помощи развитию. В 2000 г. был создан FOCAC (Форум китайско-африканского сотрудничества), и с этого момента Китай поступательно наращивал своё экономическое присутствие на континенте. Напротив, в условиях сокращения удельного веса Японии в мировой экономике стало сравнительно сокращаться и взаимодействие страны с Африкой. Ревитализацию японского присутствия в Африке Адем связывает со вторым сроком правления премьер-министра Абэ Синдзо, который в начале 2014 г. посетил несколько африканских стран. Японский интерес к Африке Адем, помимо желания выступить в противовес китайскому влиянию, объясняет потребностью в диверсификации источников энергетических ресурсов после аварии на АЭС «Фукусима» в 2011 г.

Автор констатирует заметный перевес в мерах, направленных на приращение китайской «мягкой силы» в Африке, в сравнении с Японией: обучение китайскому языку, создание локальных бюро китайских медиа и новостных агентств, образовательные программы. По данным, которые он приводит, в 2019 г. в КНР обучалось более 80 тыс. африканских студентов, а в Японии в 2018 г. – меньше 2500 человек.

По формулировке Адема, Китай и Япония «пристально наблюдают за действиями друг друга в Африке». Обе страны заинтересованы в африканских ресурсных запасах и рынках сбыта. Утверждая, что и Китай, и Япония «способны внести уникальный вклад в модернизацию Африки», он выражает надежду на то, что африканский континент станет пространством для взаимовыгодного сотрудничества, а не только конкуренции.

Адем полагает, что определённые уроки в отношении того, как выстраивать отношения с Китаем (и другими мощными игроками) Африка должна извлечь из опыта стран Юго-Восточной Азии. Один из таких уроков состоит в том, что, хотя Китай предпочитал выстраивать с ними отношения в двустороннем формате, они во многих случаях сумели использовать переговорную мощь АСЕАН, придерживаясь общих позиций по принципиальным вопросам (например, связанным со спорными территориями). Адем полагает, что африканским странам также было бы более выгодно вести переговоры с Китаем сообща. Другой урок Адем видит в том, как странам Юго-Восточной Азии удаётся соблюдать баланс в отношениях с различными инвестиционными и торговыми партнёрами, «не складывая все яйца в одну корзину».

Заключительные главы книги посвящены детальному рассмотрению китайских экономических отношений с Эфиопией. Данный кейс, хронологически разделённый на несколько этапов, определяемых сменой политических режимов в Эфиопии и переменами международной конъюнктуры, ярко демонстрирует противоречивые тенденции в социальном развитии Африки в целом. При власти императорской династии Эфиопия в период холодной войны скорее тяготела к США и начала голосовать за принятие КНР в ООН с 1960 г., в частности, в связи с ухудшением отношений Пекина с СССР. В 1971 г. император Эфиопии посетил Пекин, где получил кредит в 200 млн юаней, что стало крупнейшим экономическим взаимодействием той эпохи. В 1977 г. к власти в стране пришёл просоветский режим, связи которого с Китаем развивались весьма ограниченно (однако не

были полностью заморожены – например, в 1988 г. Пекин дал кредит в 15 млн долл. на строительные работы в Аддис-Абебе).

В 1991 г. в Эфиопии произошла очередная смена правящего режима. Отношения страны с Китаем впоследствии развивались достаточно стабильно; вехой в двусторонних отношениях стало создание в 1998 г. Китайско-эфиопской комиссии, задачей которой является аналитика и выработка рекомендаций по развитию взаимодействия. В 2008 г. была достигнута договорённость о создании близ Аддис-Абебы эфиопо-китайской особой экономической зоны. Адем показывает, что основные статьи эфиопского экспорта в Китай – сельскохозяйственная продукция и минеральные ресурсы, отмечая, однако, что Эфиопия не производит нефть и критически важные ресурсы, которые принято считать главным стратегическим интересом Китая в Африке. В мае 2017 г. премьер-министр Эфиопии Хайлемариам Десалень стал одним из двух африканских лидеров, приглашённых на форум «Пояс и путь» в Пекине. Адем констатирует, что при растущем объёме торговли (с 0,1 до 6,5 млрд долл. за период 2002–2015 гг.) растёт и торговый дисбаланс в пользу Китая⁵. Свой анализ автор завершает 2018 г., когда после отставки Хайлемариамы в Эфиопии произошла очередная смена власти. Можно отметить, что в последующий период Эфиопия активно участвовала в инициативе «Пояс и путь», в рамках которой было реализовано несколько крупных инфраструктурных проектов, таких как железная дорога Аддис-Абеба – Джибути.

Основной текст книги дополняет приложение, представляющее собой компиляцию связанных с тематикой книги коротких статей автора. Эти статьи, изначально опубликованные отдельно, содержат утверждения, которые расширяют и детализируют основной аргумент Адема. Так, Адем пишет, что Китай и Япония находятся на разных стадиях развития национальной промышленности, вследствие чего их экономическое участие в Африке может быть взаимодополняемым. В другой статье он замечает, что постколониальное развитие Африки зачастую выливалось в попытку построить социально-политическую систему «с нуля», без учёта местных культурных особенностей, что является ошибочным путём.

Книга С. Адема «Путь Африки к модернизации: уроки Японии и Китая» отличается ёмкостью, информативностью изложения, совмещая охват обширного эмпирического материала и исторический экскурс с попыткой теоретического осмысления глобальных экономических и геополитических проблем с африканской точки зрения. С некоторыми из предложенных Адемом теоретических подходов и заключений можно, конечно, не согласиться. Например, насколько на самом деле возможно «заимствовать» извне технику и науку в отдельности от культурных ценностей – вопрос более сложный, чем его представляет в своём анализе автор. В любом случае, прочтение его книги позволяет не только лучше понять роль, которую Китай и Япония играют сегодня и могут играть завтра в экономике африканского континента, но и взглянуть на международную ситуацию с новой точки зрения – с учётом разнообразия субъектов различного уровня и их уникальной траектории развития.

⁵ По данным за 2023 г., совокупный объём китайского экспорта в Эфиопию составил 5,23 млрд долл., а импорта из Эфиопии – всего 0,4 млрд долл. См.: China/Ethiopia. *Observatory of Economic Complexity*. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/eth> (accessed: Jun 14, 2025).

REFERENCES

Adem Seifudein (2023). *Africa’s Quest for Modernity: Lessons from Japan and China*. Cham: Springer, 269 p.
Nakamura Hiroki (2022). *Japanese Foreign Policy Toward Africa: The Move to Partner-Country Ownership*. Tokyo: Musashino University, 48 p.

Поступила в редакцию:	14.06.2025	Received:	Jun 14, 2025
Принята к публикации:	27.06.2025	Accepted:	Jun 27, 2025

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
2025, Т. 7, № 3

Редактор	Цветкова А.А.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Суркова Т.И.
Редактор:	Скворцова Е.М.
Компьютерная вёрстка:	Суркова Т.И.
Редактор сайта:	Казаков О.И.

Дата публикации:	26.09.2025
------------------	------------

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32,
Институт Китая и современной Азии РАН
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13
Центр научного мониторинга и развития

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
2025, Vol. 7, No. 3

Editor:	Tsvetkova A.A.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Surkova T.I.
Editor:	Skvortsova E.M.
Layout:	Surkova T.I.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.

Date of issue:	Sep 26, 2025
----------------	--------------

Contacts:

- *Address:* Institute of China and Contemporary Asia of the Russian
Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13
Center for Scientific Monitoring and Development

